ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Косте
в день рождения
3/II - 81 г. школа № 17.

ПОВЕСТИ О ДАЛЁКИХ ПЛАВАНИЯХ

РИСУНКИ Г. ВАЛЬКА

МОСКВА
„Детская литература"
1981

Р 2
К 65

Коржиков В. Т.

К 65 Волны словно кенгуру: Повесть/Рис. Г. Валька. — М.: Дет. лит., 1981. — 288 с., ил.

В пер.: 70 коп.

Две повести («Мы идём на Кубу» и «Волны словно кенгуру») о плаваниях советских моряков в дальние страны — на Кубу, в Японию, Америку, Индию, — о встречах с интересными людьми, о морских приключениях, участником которых был сам автор.

70802—024
К—————————190—81 Р 2
М101(03)81

КАРТЫ

Я и штурман шагали в пароходство. За навигационными картами. Без этих карт в плавание не пустишься. По ним штурманы в океане прокладывают маршрут, путь проверяют.

Весело. Весна. Сопки над городом светятся зеленью. Пушистые, словно только что проросли из-под земли.

Идём, поглядываем в сверкающие витрины на своё отражение. Витрины подмигивают: сразу видно, люди на Кубу отправляются. И небо морем пропахло, а за пятками, кажется, шелестят волны: скорей, скорей! Сейчас получим карты — и в море.

Штурман вошёл в пароходство, а я задержался на улице: купить значки. Кубинцам в подарок.

Подошёл к киоску, в котором сидела старушка, а за стеклом сверкали десятки значков. С одного смотрел маленький Ленин, на другом значке пролетал спутник, на третьем — футболист бил ногой по мячу. Подал я киоскёрше деньги, говорю:

— Полсотни значков. Самых лучших!

— Сколько? — удивилась старушка.

— Полсотни, — повторил я. — Мне для кубинцев.

— А-а, — заулыбалась она и стала заворачивать покупку в бумагу. — Ну, и мой подарок тогда прихватите!

Отколола от своей жакетки значок. На нём светилась сопка, по синему морю плыл белый пароходик. А внизу поблёскивали буквы: «Владивосток». Завернула его вместе со всеми значками и кивнула мне:

— Счастливого плавания!

Иду я к пароходству, словно ветерок подгоняет. Кажется, сейчас буду прикалывать кубинцам значки. Даже смуглые лица вижу перед собой. Словно уже на Кубу попал. Сейчас заберём карты и — прощай, Владивосток!

Я взбежал по лестнице, отворил дверь в навигационный отдел, а там уже сотни карт приготовлены, в рулоны свёрнуты. Ну и ну! Неужели всё это нам?

Нагрузились мы и пошли. Целые океаны под мышками несём! Миновали всего квартал, а у меня уже лоб повлажнел и в глазах волны загуляли. Пришлось отдохнуть.

Тут-то я и почувствовал: далеко ещё до Кубы. Пока карты несёшь, и то пот прошибает. А попробуй-ка океан переплыви!

РУССКИЙ ЛЕС

Наконец-то наш пароход заговорил! Над трубой развевался клуб пара и летело: бу-у-у!

На Кубу-у-у!

Мы выбирали толстый буксирный трос. Мокрый конец скользил, едва не вырываясь из рук.

— Быстрей шевелись! — покрикивал боцман.

— Раз, два — взяли! — дружно кричали мы и тянули трос изо всех сил.

Но вот на палубу улёгся последний виток.

Пароход вдыхал летящий морской ветер, трубил и выходил в открытое море, навстречу непроглядной ночи.

— Баста, теперь можно спать! — сказал боцман и сбросил рукавицы.

Я скинул робу, поплескался в ду́ше и отправился в каюту. Мимо иллюминатора шелестели волны, встречный ветер надувал шторку, как парус.

Я забрался на койку, отвернулся к переборке. Попробовал уснуть, но не смог — всё казалось мне, что рядом покачиваются пальмы, слышится чужой говор. Лежу и не верю, что это я через океан на Кубу плыву.

Вдруг что-то ударилось о стекло, затрепыхалось и как закричит: «Чив-чив!» Я вскочил, высунулся в иллюминатор. Прямо за бортом в луче света носилась птица. На неё замахивались волны, били брызгами. А ветер заламывал ей крылья.

Но вот птица извернулась и уселась на трубу вентилятора против меня. Села, встряхнулась и склонила набок голову. Клюв крепкий, чуть изогнутый, и лапки короткие. Неужто кедровка? Как же её занесло сюда? Ведь живёт-то она в тайге, лущит кедровые орехи, там ей и дом и столовая. А зачем в море забралась? Куда плывёт? Пожелал я ей счастливого плавания и улёгся спать.

Утром я вышел на палубу и зажмурился от света. Впереди уже поднималось солнце, и пароход подталкивал его носом, как дельфин мяч. Волны были красными, будто играли угольками. И пахло лесом. Свежим, сосновым. Пароход весь так и светился от белых досок. Они поскрипывали, золотились от жёлтых смолистых капель.

Крепок русский лес. Везде нужен. В глубине земли поддерживает своды шахт. Во Вьетнаме поднимаются города — плывёт и туда наш лес. В Японии строят новые дома, делают игрушки — и к её берегам буксиры тянут багряные лесные сигары. Колышутся на зелёных волнах, сверкают золотыми чешуйками могучие брёвна. Дышат силой, горят здоровым румянцем. В дело просятся. Всякому доброму делу наш лес опора. Плывут по всему океану добрые лесные запахи.

Вот и кедровка, видно, решила, что попала в лес. А может, срубили дерево, на котором жила. Ищет она его и летит за лесным запахом. Через Тихий океан, в Америку, к самой Кубе.

НОЧНАЯ ВАХТА

Весь день мы шли в липком, солоноватом тумане, к вечеру вынырнули из пролива — судно взлетело на огромную волну, вокруг загрохотал океан.

А ночью меня подняли на вахту.

Сонный, я покачивался, натыкаясь на стол и на переборки. Надел ватник, ушанку и влез в сапоги.

Такое дело — вперёдсмотрящий: нужно идти на бак!

Я вывалился за дверь и вдруг пропал в темноте. Сам себя потерял. Ни рук, ни ног не видно. Вокруг одна мокрая темень. Я вытянул вперёд руки и вдруг на что-то наткнулся.

— Кто? — крикнул я.

И тут же нащупал мокрую железную стойку, за которой лежали доски. Я наугад ухватился за леер, подтянулся вверх и, согнувшись, побежал по доскам вперёд. Ноги скользили и разъезжались.

Неожиданно пароход качнуло. Я потерял равновесие и полетел вбок, к самому борту. Ещё миг — и я вылечу в воду! Я вцепился пальцами в доски и на четвереньках добрался до леера.

Пронесло!

Добежал я до бака — площадки на носу парохода — и ухватился за край борта. Хоть и темно, но чувствую, как пароход поехал с громадной водяной горы и врезался в новую. Меня так и окатило с головы до ног!

Я широко расставил ноги, крепко держался, и только когда летел глубоко вниз, на секунду обрывалось сердце.

Фуфайка набухла, рукава совсем промокли, брюки так и липли к коленкам. Я поднял воротник и стал дышать внутрь фуфайки. Ну и холодина!

Постепенно глаза привыкли к темноте, вокруг стало видней. А может, это уже стало светло?

Вдруг на гребне волны у самого носа парохода мелькнули какие-то палки и верёвки. Неужто рыбацкая сеть? Я сунул в губы свисток и свистнул два раза. Но разве кто-нибудь услышит в этой кутерьме!

На счастье, судно, летевшее с громадной скоростью, прошло сбоку от сети. Ещё немного — и намотали бы сеть на винт!

После этого мне вроде даже теплее стало.

Стою я, внимательно вглядываюсь в океан. И тут меня кто-то хлопнул по плечу. Оглянулся я, а это мой напарник Рослый. Сутулится на ветру после тепла.

— Замёрз? — кричит он. — Беги в рубку, отогреешься!

Побежал я в рубку, сбросил с себя мокрую фуфайку, вытер лицо, руки и огляделся. Мерно постукивали часы, и таинственно сверкал фосфорический компас. Заложив за спину руки, у окна прохаживался старший штурман.

Я спросил:

— Можно стать за руль?

— Пока не нужно. Видишь — авторулевой ведёт.

Из угла рубки вдруг раздался хриплый голос:

— Твоё дело теперь — ведро, швабра! Штанины повыше да за приборочку!

На корточках, прислонясь к стенке спиной и попыхивая

папироской, сидел боцман. В стёганке, в ватных брюках — застудился в Арктике. Не спится, видно, старому в такую погоду.

Я взял ведро и пошёл в душевую за водой. В коридоре сонно светили лампы. Будто устали за ночь. Постучал я по дороге повару Иванычу: пора, мол, вставать.

— Ага, ага, слышу! — вскочил он и зашаркал ногами, отыскивая тапки.

Я постучал и уборщицам.

— Ох, неужто вставать? — спросила одна из них и протяжно зевнула.

— Вставать, вставать! — стукнул я ещё разок и побежал за водой.

БОЧКА

Неожиданно с бака донёсся резкий свисток. Потом гулкий удар в борт и крик. Боцман бросился на бак. Я кинул швабру и следом за ним. Захлопали двери, застучали сапогами матросы. Сзади бежал кок Иваныч, натягивал рукавицы и кричал:

— На кого налетели? Кого ударили?

Клубы тумана катились по палубе, ничего не видать. Сбежались на бак и видим: Рослый свесился через борт.

— Что там? — испугался боцман.

Рослый повернулся к нам:

— Бензиновой бочкой в борт ударило! Чёрт знает откуда вынырнула!

— «Откуда, откуда»! — съязвил боцман. — Небось во сне у бабушки пироги ел!

Мы перегнулись через борт: нет ли пробоины. Железная бочка хоть и мала по сравнению с пароходом, а на большой скорости так двинет в борт, что только знай беду расхлёбывай, дыры латай!

Судно привстало над чёрной глыбой. Над ватерлинией вид-

нелась лёгкая ссадина. Все облегчённо вздохнули. А бочка кружилась вдалеке, словно не могла опомниться от удара.

— А ведь ерунда! — как бы оправдался Рослый.

— В море ерунды не бывает! — сердито сказал боцман. — Из-за ерунды и тонут!

— Вот шуму наделала! — сказал кок Иваныч, снял рукавицы и достал пачку с папиросами.

— Я уж думал, не на мину ли налетели, — сказал боцман. — Мало ли что здесь может ещё оказаться! Я в войну всякого насмотрелся.

Кок Иваныч махнул папиросой:

— С Камчатки откуда-нибудь принесло. — Он вместе с боцманом проплавал почти полжизни, с ним поседел на море и знал толк в морских делах.

— Скорей всего, рыбаков шторм прихватил, — сказал Рослый. — Вон какая зыбь из Берингова моря идёт.

Это верно. Рыбаков мы встречали часто. Как-то даже вынырнули от нас совсем недалеко. Маленькое судёнышко зарывалось в пену, валилось с боку на бок, а иногда волна наваливалась на него и вдавливала в воду чуть не по мачту. Не мудрено, если у них бочку укатило. Океан и не то уносит!

Боцман ещё раз взглянул на ссадину, потом вдруг посмотрел на кока и удивился:

— Слушай, а ты чего здесь? Кормить нас кто будет?

Иваныч повернулся, и его белый колпак растворился в тумане, словно в клубах кухонного пара.

В ТУМАНЕ

Много дней судно шло в холодном тумане. Над палубой круглые сутки хрипели протяжные гудки. Надоело качаться в этой мгле. Ничего не видно, словно тебе шапку на глаза нахлобучили.

Как-то вечером я поднялся в штурманскую рубку. Помощник капитана достал новую карту, постучал по ней карандашом:

— Вот, брат, к Америке подбираемся!

Вот так да! Я выбежал на палубу, посмотрел — никакой Америки не видать, сплошная темнота.

Но вскоре слева подул тёплый береговой ветер. Мы повернули на юг и пошли вдоль американского берега.

Я прибежал в каюту, растолкал Рослого:

— Америка!

Но он только повернулся на другой бок: какая там Америка, если человек хочет спать! Бросился я к боцману, тот поднялся, выглянул в иллюминатор и сонно махнул рукой:

— Где ж тут увидишь в тумане? — Потом сел на койку, провёл ладонью по глазам и качнул белой головой: — Двадцать лет я её не видел! С самой войны... — И снова лёг спать.

А я долго ещё не мог уснуть. Шутка ли — океан прошли, Америка рядом! Мне всё не верилось, что я увижу её.

Задремал я только в полночь. А когда проснулся, бросился на палубу смотреть Америку. А её, как назло, всё не было видно. Зато слева, работая всеми лучами, как большими вёслами, к нам по прозрачной воде быстро гребло громадное солнце. А в ясном небе розовели облачка, будто плыли вслед за нами от Владивостока и теперь тоже вынырнули из тумана.

ЧЕРЕПАШЬЯ ЭСКАДРА

Мы с Рослым стояли на баке и смотрели за борт — соскучились после штормов по ясной воде. Пароход резал волны, и в синей глубине, словно в стекле, желтели веточки морской травы.

— А воздух, воздух какой! — сказал Рослый. — Век бы в каюту не заходил!

Рядом, откуда ни возьмись, появился боцман.

— А тебя что, кто-нибудь в каюту гонит? — спросил он. — Я могу дать работы, хоть до утра здесь дыши!

И в самом деле: выдал нам по ведру, бухнул в них по пачке стироли и показал на грузовые стрелы:

— Чтоб к вечеру блестело!

Мы уселись на стрелы верхом, обхватили коленями их железные шеи, привязали бечёвкой вёдра впереди и почувствовали себя как настоящие наездники. В уши бубнил солнечный ветерок. Рослый курил папироску, и дым по ветру залетал за плечо.

Мы драили изо всех сил. Шеи у железных скакунов постепенно становились ярко-жёлтыми, а наши спины — мокрыми. Рослый то и дело оглядывался на меня, поправлял берет и снова налегал на работу. А я поглядывал на него и подмигивал: кто кого обскачет!

Мы словно летели наперегонки друг с другом и с морем.

Впереди нас вспарывали зелёную воду дельфины, а по

бокам, вылетая из-под борта, вспыхивали крыльями стаи летучих рыб.

Вдруг Рослый перегнулся через борт и замахал рукой.

— Сюда, сюда! Тортила! — почти зашипел он. — Во какая! И ещё одна! Гляди, гляди!

— Чего глядеть-то? Какая Тортила?

Я подошёл к нему. Прямо у борта на волнах покачивалась громадная черепаха. Жёлтый панцирь то погружался в воду, то выныривал. А сзади гребли лапками маленькие черепашата. Целая черепашья эскадра.

— Стой! Куда лезешь под пароход! — крикнул Рослый.

Черепаха перестала гребсти и удивлённо выставила голову: кто это, мол, кричит ей? Высунули голову и маленькие черепашки. Волна отбросила их от судна, но черепашки бросились снова вперёд. Старая бывалая Тортила осталась в стороне. Недоумевая, она глядела, как маленькие неразумные черепашата лезли прямо на пароход и отлетали от него.

— Ну и громадина! — удивился Рослый. — На такой бандуре верхом можно океан переплыть. Поднял парус и жми!

Пароход прошёл мимо черепашьей эскадры. Маленький храбрый черепашонок двинулся было следом, но тут же отстал.

ПУСТЬ СВЕТЯТ ЯРЧЕ

Дельфиньи спины то и дело мелькали впереди. В лицо нам бил ветер. Мы красили, а пароход всё приближался к берегу. Сквозь дымку уже голубели горы Калифорнии с пальмами на склонах. В синеве колебались рыбацкие шхунки. Светлые, лёгкие. Рослый поглядывал на берег, на лодки и насвистывал мексиканскую песню.

Тут за спиной весело крикнул боцман:

— Ну, как дела? Работаем?

— Работаем!

— Добро!

Боцман поманил меня пальцем и показал на берег:

— Видишь?

— Вижу.

— А серп и молот видишь? — Боцман показал на трубу парохода.

— Вижу.

— Хватай чистоль, суконку. И надраить так, чтоб на всю Америку светило! Ясно?

Добро! Забрался я на трубу, сел на подвеску. Океан вокруг раскинулся синий-синий. А я у него на самой макушке. Стал суконкой изо всех сил герб натирать. Что ни минута, всё ярче он горит, словно огонь изнутри пробивается. Солнце мне всеми лучами помогает.

Вдруг от берега к нам белое пятнышко покатилось. Шхунка. Приплясывает на волне, в голубой воде отражается. Мачты все белые. Когда совсем подошла к нам, к её борту подбежали люди, сорвали с головы сомбреро и стали махать. А один мальчишка, весь чёрный, забрался на бак и кричит:

— Салюд, совьетико!

А сам приплясывает и рубашкой над головой, как флагом, размахивает.

Только вдруг на шхунке распахнулась дверь рубки и на порог вышел человек. Заспанный, заросший весь, даже мне видно, борода колючками. Подошёл он к рыбакам, одного тряхнул за плечо, на другого посмотрел исподлобья. А на негритёнка как прикрикнет и хлопнул ладонью о поручень. Хозяин!

Разошлись рыбаки по местам. Шхунка развернулась и стала уходить. Грустно, тихо. На волну приподнимается, словно оглядывается.

Долго сверху она мне виделась. И уже издали рассмотрел

я, как над кормой вскинулись вверх несколько сомбреро. Обрадовался я. Значит, видят нас. Стал ещё крепче герб драить. Пусть ярче горит. Пусть на все океаны наши серп и молот светят!

«ГОВОРИТ КУБА ЛИБРЕ!»

На палубе появился наш радист Володя, посмотрел на всех и торжественно сказал:

— Скоро ждите важное сообщение!

Зашёл я в каюту, а тут из динамика как зазвенит чей-то голос по-испански:

— Говорит Куба либре! Говорит Куба либре! Свободная территория Америки!

И зарокотал «Марш 26 июля».

Я открыл дверь, чтобы всем было слышно. Но радио рокотало во всех каютах, и по судну словно шагали тысячи ног. И хотя я не понимал, о чём говорили, но чувствовал: Гавана недалеко.

Пароход шёл вдоль Америки, но шёл он уже под кубинский марш. Мы слушали радио. А Володя ходил радостный от каюты к каюте и тоже напевал «Смелее, кубинцы».

И ЕЩЁ ОДНО ОБЪЯВЛЕНИЕ

Перед закатом солнца радио снова заговорило Володиным голосом. На этот раз совсем торжественно:

— Внимание, внимание! Сегодня вечером мы подходим к Панамскому каналу. Это один из самых больших в мире каналов. Строили его пятьдесят лет. Шли сюда рабочие из разных стран, трудились за гроши. Индейцы и негры, италь-

янцы и французы, немцы и англичане... — Неожиданно Володя остановился, спросил кого-то: — Что-что?

В рубке был кто-то ещё. В микрофон вдруг откашлялся боцман.

— Все, в общем, вкалывали...

— Не вкалывали, а работали, — поправил Володя.

— Ну, не вкалывали, а работали, всё равно горб на чужого дядю гнули.

— Иваныч, в радиорубке не разговаривают, — с досадой сказал Володя и после паузы продолжал: — В болотах и тропических лесах строители погибали от лихорадки. От хищников и москитов. Пятьдесят лет пробивались они сквозь эти скалы...

— А говоришь, не вкалывали! — вмешался снова Иваныч. — Сам бы попробовал. Такую махину сработали! Ты вот не забудь сказать, что земля панамская, а канал прибрали к рукам американцы...

— Иваныч! — взорвался Володя. — Ты же не даёшь говорить!

— Так мы с тобой одно и то же говорим! Только я знаки препинания и ударения крепче ставлю.

Володя зашелестел бумагой и сказал:

— Объявление окончено. Вечером подходим к Панаме.

ПАНАМА

Поздно вечером на горизонте заколыхались голубые лучи. С каждым часом они становились ярче. Мы встали у борта и с волнением смотрели вперёд.

Перед нами была Центральная Америка! Панама!

Лица от неонового зарева стали у нас бледно-голубыми. Огни в городе мерцали, отражались в воде, и над видневши-

мися уже тропическими зарослями фосфорились звёзды и горела луна. Всё было настолько необычно и таинственно, что не хотелось идти спать. Когда ещё увидишь такое!

Спал я, мне кажется, совсем немного и проснулся от крика и шума. Едва выбежав на палубу, я увидел стаи клювастых птиц. Они ныряли в розовую воду, а вынырнув, кричали и трясли головой, заглатывая рыбу. Под клювами у них раздувались большие влажные мешки.

Я сразу узнал их, хотя никогда и не видел: пеликаны! Они летали от берега к заливу, туда и обратно, проносясь под большим мостом. А мост, колоссальный, железный, протянулся от берега к берегу, и за ним буйствовал пальмовый лес. Сквозь лес проталкивалось солнце. Оно только что ушло из Атлантического океана и теперь по каналу пробиралось в Тихий.

Здесь самое узкое место между двумя Америками — Северной и Южной. Вот и прорыли канал, чтобы не обходить вокруг громадного материка.

Я так засмотрелся на всё это, что не заметил, как сзади подошёл Рослый. Под мышкой у него были флаги — наш и американский.

— Любуешься? — сказал он и положил мне руку на плечо. — А капитан сказал, к нам высадится американская команда.

— Зачем? — удивился я.

— Будут охранять нас, чтобы мы с тобой не напали на Соединённые Штаты!

Он подошёл к мачте, и через минуту флаги зашелестели на штоке. Американский выше. В знак уважения. Такой закон.

Скоро по заливу потянулись к нам два катера. По воде катились от них алые ровные волны и разлетались пеликаны.

На ближнем катере были солдаты. Едва катер прижался к правому борту, солдаты один за другим стали прыгать

к нам на трап. Ловко так, с носочка на носок! У всех пилотки набок, все в жёлтых костюмах, ну прямо спелые бананчики! А брюки отутюжены — кажется, так и режут воздух. Сверкают чёрные туфли. Руки загорелые. Молодцы парни!

Только вот странно — ни один не поздоровался!

Солдаты поднялись на палубу и выстроились на корме. Раз, два, три, четыре... двадцать человек. И все, как один. Двадцать носов вверх. Двадцать дубинок слева. Двадцать пистолетов в кобуре справа. Капрал развернул длинный список, прочитал какой-то приказ и развёл солдат по постам. Будто взял пароход под стражу. Опечатали радиостанцию, в машинном поставили часового. Даже у капитана на мостике караул стоит!

Скоро и второй катер подошёл к нам. С него на судно поднимались смуглые панамские швартовщики в жёлтых робах. У каждого на куртке квадратная нашивка со штампом: «Кампания Панамского канала». Панамцы бежали по трапу и кричали:

— Салюд, совьетико!

А один похлопал меня по спине и спрашивает по-русски:

— Как дела, помаленьку?

Весело стало на палубе. Панамцы на солдат внимания не обращают, курят сигары, рассматривают нас, пританцовывают, напевают. Дела ждут.

Наш пароход двинулся к каналу. Заколыхалась вокруг алая вода. Навстречу нам понеслись лодки и глиссеры с людьми в синих, жёлтых и зелёных купальниках. На воде вдоль берегов закачались гнёзда из тонких палочек. В гнёздах захлопали розовыми крыльями самые настоящие фламинго. Посмотреть бы на всё это поближе!

Пароход между тем шёл под громадный высокий мост. Но наши мачты казались нам ещё выше!

— Прячь головы, братцы! — закричал Рослый и пригнулся.

— Наверное, раздвижной, — сказал кто-то и на всякий случай втянул голову в плечи.

Когда мы подошли ближе, стало видно, что мост высоко над мачтами. Пароход нырнул под него, и вдруг вверху что-то загрохотало. Мы вскинули головы. Это высоко-высоко над нами пронёсся автомобиль из Южной Америки в Северную. За ним второй.

Через минуту мост остался за спиной. И мы пошли по каналу между двумя берегами.

С обеих сторон шлюза по рельсам подкатились к нам маленькие тепловозики, одинаковые и аккуратненькие, как игрушки. Панамцы тотчас притушили сигары, сунули их в карманы, забегали по палубе, подавая на берег тросы. Негры на берегу ловко подхватили концы, прикрепили их к тепловозам, и те, как два коня в упряжке, быстро потянули нас вперёд по каналу. Из Тихого океана в Атлантический.

СКУЛЬПТОР

Рослый любил заниматься лепкой. В каюте на столе у него лежала коробка с пластилином. Что, бывало, ни приметит интересное, сразу к коробке бросается. Увидели мы днём черепаху — вечером у него в каюте такая же, только пластилиновая, с тумбочки глазки на нас таращит. А рядом другие фигурки — чёрный дельфин, зелёная акула.

Пока шли каналом, Рослый времени не терял — балагурил со швартовщиками и внимательно так присматривался к солдатам. Видно, запомнить старался, кто как выглядит. Обошёл капрала несколько раз, осмотрел его иронически, словно прицеливался. Потом вдруг щёлкнул пальцами и нырнул в коридор. Капрал подозрительно покосился вслед. Мы тоже переглянулись: что это он задумал?

Вернулся Рослый с коробкой пластилина в руках. Уселся

на брус, а мы расположились вокруг. Подошли и панамцы. Даже солдаты приглядываться стали.

Рослый достал из коробки жёлтый брусок пластилина, но, подумав, положил его на место. Вытащил коричневый, поманил пальцем одного из панамцев, весёлого такого толстяка, присмотрелся к нему и стал мять пластилин.

Вот показалась голова. Все посмотрели на пластилин, потом на толстяка: похоже! Вот появилось туловище, вот крепкие рабочие руки, а в правой руке — молоток. Через минуту на голове у человека закрасовалось широкое сомбреро, а в углу рта — маленькая сигара. Рослый поднял фигурку и показал её всем.

— Ну как, похоже?

Панамцы придвинулись, загудели:

— Буэно! Хорошо, браво!

Они стали хохотать и показывать пальцами на толстяка:

— Это ты, ты!

Толстяк и не собирался отказываться, он гордо ударил себя в грудь кулаком:

— Я!

Рослый снял с фигурки сомбреро, помял его и через минуту надел на голову пластилиновому панамцу пилотку. Все переглянулись. Из молотка он сделал дубинку и прицепил её человечку сбоку. Из сигары вылепил маленький пистолет. Потом он вытянул человечка, как резину, и на широкой ладони Рослого оказался маленький худощавый солдат.

Панамцы снова зашумели, засмеялись. А толстяк замахал руками:

— Нет, не я, не я! — И кивнул на капрала: — Он, он!

— Ну, нет, тот не такой, — ухмыльнулся Рослый и достал кусок белого пластилина. Он помял его в ладонях и, поглядывая на капрала, стал лепить.

Вот появился белый нахмуренный лоб. Вот появились брови...

ПЛАСТИЛИН

Капрал прошёл мимо, будто ничего не заметил, но тут же подтянулся, важно выгнул грудь — красавец!

И у Рослого фигурка выкатила грудь. Будто сама себе очень понравилась! Того и гляди, сейчас начнёт всеми командовать: «Томми! Тедди!»

Тут уж и солдаты, свободные от постов, стали подходить поближе, из-за спины заглядывать.

Но вот Рослый размахнулся фигуркой, шлёпнул о палубу и подмигнул:

— Хватит!

Пароход подходил к отвесным горам. Начинались тропические леса. Нужно посмотреть!

СКВОЗЬ ДЖУНГЛИ

Я побежал на мостик. Оттуда всё видней.

Канал быстро сужался. Казалось, горы вот-вот стиснут наш пароход.

Сверху с шумом летели водопады, но они не давали прохлады. От духоты запотели даже скалы. Майка на мне промокла, хоть выжимай. Правду говорил боцман: здорово здесь пришлось строителям «повкалывать». Такую махину прорубить!

Слева, на выступе горы, в честь строителей канала высилась бронзовая памятная доска. На ней были изображены двое рабочих: один поднимал молот, а второй рубил киркой скалу. С бронзовых фигур струился пот, словно это были живые люди и не переставали работать до сих пор.

Вдруг откуда-то послышалось:

Бу-ух! Бу-ух!

Или мне показалось?

Нет, снова:

Бу-ух! Бу-ух!

Скалы расступились, и я увидел впереди, у заболоченного берега канала, чёрную баржу, на которой работало несколько панамцев. Мокрые их спины сверкали под ослепительным солнцем, как зеркала. Рабочие поднимали и опускали на тросе какую-то кувалду, а внизу, рядом с баржей, по колено в грязи копошились негры. Наверное, расчищали канал. На барже трепыхал красный флажок: «Опасно!» Наш пароход прошёл мимо баржи, негры оглянулись, посмотрели нам вслед и снова принялись за свою унылую работу.

Вскоре баржа пропала из виду, а справа от канала показался и медленно потянулся перед нами удивительный цветной городок. Пароход двигался словно по одной из его улиц, и все городские шумы сбегались к нам. На ветру трепыхали своими широкими листьями банановые пальмы, оглушительно трещали попугайчики, с шелестом катились по сверкающему асфальту цветные автомобили. И совсем, казалось бы, рядом, под навесами домов, сидели, наблюдая за нами, люди в белых костюмах.

Хотел было я всё это сфотографировать, но, пока сбегал в каюту за аппаратом, городок уже остался позади, а впереди раскинулось большое озеро, со всех сторон окружённое буйным, непроходимым лесом.

Джунгли. Я много про них читал, видел их в кино. На экране среди лиан клубились змеи, ревели хищники. Теперь джунгли были рядом.

Я с волнением вглядывался. Вот-вот, казалось, покажутся звери. Но из зарослей, как удавы, выползали реки. Корневища деревьев опускались прямо в воду.

Рядом со мной стоял американец, солдат. Руки у него рабочие, лицо симпатичное, простое. Думаю: можно и заговорить с ним.

— А крокодилы здесь есть? — спрашиваю я его, как умею, по-английски.

— Есть крокодилы, аллигаторы!

Хотелось мне ещё у него кое-что спросить, но тут впереди снова послышались удары: бу-ух! Бу-ух! — и показалась ещё одна баржа и рядом с ней негры. Стоят в крокодильем болоте, гнутся, грязь вычерпывают и что-то кирками долбят. А на барже красный флажок качается: «Опасно!»

Ничего, думаю, они ещё поймут, что не годится под красным флагом на хозяев гнуть спину.

ПРИВЕТ, ГАВАНА!

Пароход всё двигался по каналу. Я стоял на корме, а рядом со мной сидел на поручнях толстый панамец-швартовщик, тот самый, которого Рослый лепил. Он курил толстую сигару, мурлыкал какую-то забавную песенку и в такт ей покачивался.

Как только подходили к нам тепловозики, панамец прятал в карман сигару, надевал рукавицы и тянул со всеми манилу — толстый канат. Мускулы у него вздувались, как у штангиста. Он расторопно двигался, кричал, шумел. А кончив дело, снова торжественно доставал сигару и важно курил.

На этот раз он вынул из кармана газету, развернул её и стал просматривать. К нам подошли другие швартовщики.

— Американская? — спросил я, показывая на газету.

— Но! Нет! — загудели швартовщики. — Панамская! Но — янки!

А толстяк, отложив газету, вдруг спросил у меня:

— Пароход идёт на Кубу?

— В Гавану, — ответил я.

— О! Гавана — хорошо! Фидель молодец! Салюд Фиделю! — зашумели швартовщики.

Вот и кончился канал. Впереди уже зарокотал Атлантический океан, показалось Карибское море, и к нашему борту заторопились два катера. Подошли они к пароходу, на один

молча спустились солдаты, а на второй стали шумно сходить панамцы. Они что-то кричали, даже пели. Толстяк спускался последним. Прежде чем встать на трап, он поднял руку и потряс в воздухе сигарой:

— Салюд, Гавана!

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩИ!

Днём справа по борту сверкнула жёлтая полоска кубинской земли, но идти было ещё далеко. К вечеру в незнакомых звёздах над Кубой загорелся один, потом второй маячок. Значит, завтра будем в Гаване.

Я побежал к себе в каюту. Надо было приготовиться к встрече с кубинцами. Нагладил брюки и рубашку, вытащил из чемодана значки и, захватив матрац, отправился спать на палубу. Чтобы не проспать Гавану.

Улёгся, уснул. И кажется, тотчас же открыл глаза. Будто и не спал! Прямо передо мной в утреннее небо поднимались небоскрёбы. Виднелись маленькие улочки с белыми, будто из сахарных кубиков, домиками. В глубине города среди пальм возвышался купол уже знакомого мне по фотографиям Капитолия. С набережной махал нам рукой негр в военном.

Гавана!

Я вспомнил, что мне заступать на вахту, быстро оделся и только закрепил на рукаве красную повязку, как услышал голос боцмана:

— Трап, трап подавай!

К нам подходил лёгкий кубинский катер, и на нём стояли настоящие барбудос! Я опустил трап. Быстро и немного торжественно к нам поднялись несколько человек. Они протягивали руки и улыбались:

— Буэнос, камарадос! Здравствуйте, товарищи!

Навстречу им вышел наш капитан и сразу повёл их в кают-

компанию. Один из барбудос, самый молодой, положил мне руку на плечо — такая, видно, у них привычка — и стал рядом, на пост. Он был в синей форме с лёгкими погончиками, на голове — оливковый берет, а на боку — кобура. Вокруг нас сразу собралось полкоманды.

Пароход медленно двигался по бухте, и справа от нас проходили всё новые дома, площади, поднимались башни.

Молодой кубинец обвёл их рукой, будто открывал нам город, и гордо сказал:

— Хабана.

Так кубинцы называют Гавану.

Кто-то спросил:

— А где Фидель?

Парень развёл руками:

— Но компрендо... Не понимаю...

— Фидель где? Там, там или там? — показал Иваныч-боцман на разные дома.

— А! — заулыбался парень и закивал головой. — Компрендо! Понял, понял! Там! — и он показал туда, где поднимался купол Капитолия.

— А ты Фиделя видел?

— Си! Да! — торжественно качнул головой парень. — В Сьерра-Маэстре! — И он похлопал рукой по кобуре. Потом расстегнул её, достал пистолет и, вытащив обойму с патронами, протянул пистолет мне. Пистолет был новенький, но всё же пахнул порохом.

— А ну-ка, дай посмотреть! — сразу протянулось к нему несколько рук. Каждому хотелось подержать пистолет, который побывал в боях, в Сьерра-Маэстре.

Иваныч-боцман взял его у меня, взвесил на ладони, повернул и посмотрел на клеймо. USA. США. Американский. Видно, в бою добыт.

— Ты Батисту бах-бах? — Боцман двинул пистолет вперёд, будто в кого-то стрелял.

— Си! — Парень засмеялся и кивнул головой. Потом взял пистолет, вставил внутрь обойму и, положив его в кобуру, щёлкнул застёжкой.

Наш пароход подошёл к берегу. На причале стояли десятки грузчиков. Они курили большие сигары, размахивали сомбреро и куртками. За причалом поднималось большое здание элеватора. На его стене громадными чёрными буквами было написано: «Патриа о муэрте!» — «Родина или смерть!»

СУВЕНИР

Как только мы пришвартовались, трап заскрипел и закачался — это вверх побежали грузчики. Чёрные, коричневые, белые. Они расходились по трюмам, взбирались на краны, приплясывали. Казалось, наш пароход превратился в маленькую смуглую Кубу. Я ещё не сходил на берег, но чувствовал себя так, будто уже ходил по Гаване.

Из кают-компании вышли кубинцы, те, что прибыли к нам на катере. Один из них нёс большой портрет Ленина — подарок капитана.

Моя вахта уже кончалась. Дай-ка и я, подумал, сделаю подарок моему товарищу по вахте! Вытащил из кармана значок, на котором был Ленин, и приколол к гимнастёрке молодого кубинца.

— О, мучо грасиа, большое спасибо! Эстэ гранд сувенир! Это очень большой сувенир! — Он пожал мне руку и заторопился на катер, на который уже спускались его товарищи.

А меня окружили грузчики, они загудели и стали тянуть ко мне руки — коричневые, белые, чёрные.

— О, сувенир! Ленин сувенир!

Я достал несколько значков, и они мигом исчезли. А ко мне уже снова тянулись руки. Что поделаешь? Я вытащил ещё несколько значков, но и они исчезли в ту же секунду.

А грузчики между тем всё больше теснили меня и кричали:

— Ми, ми! Мне, мне!

Я раздал последние значки и оставил только один. «Подарю какому-нибудь пионеру», — решил я. Но грузчики не отставали от меня.

— Нет, — сказал я и спрятал руки в карманы, — это для пионера! Вас много, а значок один.

Тогда один толстый грузчик крикнул что-то и бросился кого-то искать. Все повернули за ним головы и вдруг молча расступились.

Толстяк, пыхтя и отдуваясь, вёл за руку высокого седого мужчину.

— Ему! — закричали все.

— Почему? — удивился я и сказал, как кубинцы: — Но компрендо! Не понимаю.

Толстяк взял меня за руку и показал на берег:

— Видишь?

Там стоял ржавый чёрный пароход.

— Это Батиста барко! Батистовский пароход. Он хотел

ночью пробраться к нам! А этот человек первым бросился в бой, первым взобрался на судно! Он — пионер! Он — коммунист! Он был с Фиделем в Сьерра-Маэстре и на Плая-Хирон. Он ранен! Ему! Компрендо?

Нет, всё-таки мне хотелось отдать значок пионеру... Тогда все закричали этому человеку:

— Доставай документ!

Мужчина смутился, но по лицу видно было, что ему хотелось получить значок с Лениным. И он достал завёрнутую в целлофан книжицу. Внутри была маленькая жёлтая фотокарточка. На ней мужчина был настоящим бородатым барбудо, с длинными волосами и в берете...

Я достал значок, приколол мужчине к рубахе, и он поклонился:

— Грасиа, мучо грасиа!

Грузчики хлопали в ладоши, улыбались. И я тоже улыбался.

И ЕЩЁ ОДИН ЗНАЧОК

А один значок я всё-таки спрятал. Тот самый, который подарила старушка киоскёрша. На нём по голубой эмали плыл белый теплоход и поднимались владивостокские сопки. Синел океан, внизу было написано сверкающими буквами: «Владивосток». Значок хранился у меня в кармане пиджака. Если увижу Фиделя, приколю ему на гимнастёрку. Пусть у него тоже будет кусочек нашего океана, наших сопок, нашей тайги.

ПРОФЕССОР

На палубе то грохотало «вира!» — и связки досок плыли вверх, то «майна!» — и они, поскрипывая, опускались на причал. Внизу кричали кубинцы, укладывая доски на грузовики.

Но вот по небу поплыли громадные тучи. Грузчики с тревогой стали посматривать вверх. Тучи взвалились на небоскреб, столкнулись — и раздался оглушительный грохот. Грузчики бросились врассыпную, как будто молнии били им под самые пятки. Сверкающие капли стали бомбить землю, площадь, пароход. Грузчики забились на палубу под навес и шумно отряхивались.

Я открыл иллюминатор. В каюту сразу же влетели брызги и хлынул свежий пахучий воздух.

Вдруг раздался стук и осторожно приоткрылась дверь. Сначала в каюту просунулась рука с дымящейся сигарой, потом показалась голова с усиками, и, наконец, на пороге появился толстый грузчик, тот самый, что требовал значок для своего друга.

— Буэнос, амигос! Здравствуйте, друзья!

Он бросил у дверей мокрое сомбреро, шагнул в каюту и протянул руку мне и Рослому, который отдыхал на своей койке.

За иллюминатором грохнуло. Толстяк надул щёки, затряс головой и выкрикнул какое-то рокочущее слово, наверное «гром». Затем обвёл глазами каюту, подошёл к белой стенке-переборке и ткнул в неё пальцем:

— Эстэ эс бланко!

Что это он? Не нравится ему, что ли? Толстяк подошёл к чёрному столу и хлопнул по нему ладонью так, что он чуть не треснул:

— Эстэ эс негро!

Чего он в самом деле хочет? Но толстяк всё никак не мог успокоиться. Он подошёл к книжной полке, вытащил том Маршака в красном переплёте и сунул мне под самый нос.

— Эстэ эс рохо! — Он весело выпучил глаза и спросил: — Компрендо?

Я замотал головой:

— Но компрендо!

Тогда толстяк ударил себя кулаком в грудь:

— Я — Франциско! Компрендо?

— Да! — кивнул я. — Компрендо. Ты — Франциско!

Толстяк обрадовался, выкатил глаза и показал на них пальцами:

— Охос! Компрендо?

— Компрендо. Глаза!

Франциско схватил себя за коричневые уши так, что они чуть не оторвались...

Всё понятно! Глаза, уши.

Он вдруг успокоился, хитро уставился на меня и, показывая на мои глаза, спросил:

— Это?

— Охос!

— Это? — Он показал на нос.

— Нарис! — сказал я.

Франциско снова схватил том Маршака, захлопал красной обложкой.

— Эстэ рохо! — Он показал на свои красные губы. — И эстэ рохо, — высунул язык, — эстэ рохо! Компрендо?

— Компрендо! Рохо — красное! — выпалил я и показал на красную майку Рослого. — И эстэ рохо!

Тут Франциско вдруг подскочил, как футбольный мяч, выбежал за дверь, и через минуту его голос уже гудел на палубе. Он что-то рассказывал, выпучив глаза, показывая на меня пальцем, а грузчики иронически улыбались: «Неправда!» Тогда Франциско прибежал в каюту, схватил меня за руку и потащил на палубу. Грузчики окружили нас. Франциско поискал вокруг себя, что бы мне показать. Потом ткнул на небо:

— Эстэ?

— Бланко! — выпалил я наугад.

Он показал на красный флаг на мачте.

— Рохо, — сказал я. Это я знал.

— Эстэ? — показал он на свои глаза.

— Охос.

Кубинцы изумлённо закачали головами, а Франциско хлопнул меня по плечу.

— Профессор! Гранд профессор!

Я засмеялся и хлопнул по плечу его.

— Это ты профессор. Ты меня учил.

Он выкатил могучую грудь, важно похлопал себя по ней и произнёс целую речь, из которой я понял, что он учитель, учит ниньос — маленьких детей, а летом помогает разгружать суда. И он сделал движение, словно взвалил на спину доску. Ведь из этих досок будут строить для его ниньос школы!

— И я — ниньо? — засмеялся я.

— Но, ту — профессор! Ту гранд профессор! Тебя надо наградить.

Тут Франциско схватился за голову, вспомнил про сомбреро, и мы снова пошли в каюту.

— Ты кушал пинью? — спросил меня Франциско.

— Нет, — ответил я. — Что за пинья?

Франциско довольно зажмурился, взял сомбреро и сказал:

— До завтра!

Полночи я простоял на вахте. А утром, едва проснулся, уловил ароматный, сочный запах.

— Твой кореш приходил, пинью принёс, — ухмыльнулся Рослый.

Я вскочил. На столе лежал свёрток. А из него, похожий на громадную кедровую шишку, выглядывал ананас. Сверху торчал зелёный чубчик острых листьев. Ананас-то я пробовал! Только не знал, что по-кубински он называется «пинья».

Вскоре в каюте появился Франциско. Он вытащил из кармана громадный нож, отсек одним взмахом чубчик, потом разрезал пинью на куски, выбрал самый большой и протянул мне. И мы принялись уписывать награду за мои профессорские успехи в учёбе.

КУДА ЕДЕТ НАШ ЛЕС

— В выходной посмотрите, куда едет ваш лес, посмотрите всю Гавану! — сказал нам Франциско и в воскресенье появился на пароходе в новой белой рубашке, в узких длинных туфлях.

Мы с Рослым надели белые костюмы. Франциско оглядел нас и хлопнул в ладоши:

— Муй, буэнос! Молодцы, ребята!

Мы спустились на причал. Франциско поговорил с шофёром, возившим из порта лес, мы взобрались на машину с досками и помчались вдоль набережной.

Справа ветерком дышал на нас океан. От горизонта к берегу катились белые лёгкие барашки. Слева до самого неба, сверкая окнами, поднимались небоскрёбы. Франциско обнимал нас за плечи и что-то напевал.

Мы проехали сквозь длинный тоннель, промчались мимо зенитной батареи и затормозили у красивого городка. Хорош городок! Дома, как разноцветные кубики, чистые дорожки, цветы и много всякой зелени. А посреди квартала большой двухэтажный дом.

— Моя новая школа! — сказал Франциско.

Только мы спрыгнули с машины, как сразу нас окружила толпа смуглых ребятишек.

— Руссо, руссо! — кричали они, хватая нас за руки, но Франциско потянул нас в школу. Он застучал каблуками по лестнице, побежал по коридору, распахивая дверь за дверью. Настоящий парад дверей устроил.

Заглянули мы в один класс, а там ребятишки снуют, садятся за новенькие столы, вертятся, каждый сучок разглядывают.

— Всем места хватит, — успокаивает их Франциско. — Всем.

Столы и скамейки пахли лесом — нашим, дальневосточным. Погладили мы столы, помахали ребятам и пошли вниз.

Вышли из школы, обошли её вокруг, видим — штабеля досок поднимаются.

Рослый мне говорит:

— Покажем им, на что ещё наш лес годится!

Взяли доску покрепче, положили её поперёк других, уселись по краям и давай качаться. Отталкиваемся, вверх подлетаем. А Рослый кричит:

— Выше, чтоб Москву видно было!

Тут и мальчишки по-нашему несколько досок положили и давай летать вверх-вниз. Глазёнки от страха закрывают, а сами смеются, кричат:

— Више! Више!

Отправились мы к автобусной остановке, оглядываемся, а сзади курчавые головы так и взлетают, так и взлетают. Мы довольны: и лес наш в дело идёт, и наше лесное веселье на Кубе пригодилось!

В АКВАРИУМЕ

— Бас! Бас! — закричал Франциско и припустил вперёд.

К остановке подкатил голубой автобус, мы вскочили в него и уселись на свободные места.

— Куда едем? — спросил я у Рослого.

— А я знаю? — пожал он плечами. — Спроси у Франциско.

Франциско прислушался к нашему разговору и, будто понимая по-русски, закивал головой.

— Аквариум! — закричал он на весь автобус. — Мучес пескадос! Много рыб! — и показал ладонью, как рыба прошивает воду.

На берегу океана показалось большое здание. На стенах были нарисованы рыбы. Мы догадались, что это аквариум, вышли из автобуса и направились к зданию.

Прошли мы во двор и словно оказались на дне весёлого моря. Дорожки морским песком посыпаны. Со всех сторон из-за стёкол глядят на нас удивлённо цветные рыбы. Непонятно, кто кого здесь рассматривает: мы их или они нас. Рты раскрывают, глаза выпучили, как толпа чудаков на базаре.

Остановился я, смотрю: прямо напротив меня пристали к стеклу две голубые рыбины с жёлтыми полосами, словно бы вырезанными из луны. Не рыбы, а попугаи! А вот к другому стеклу важно подплыла маленькая рыбёшка, надулась, стала

круглой и распустила шипы, как ёжик. Франциско остановился возле неё, тоже надувает щёки, хохочет, пальцем тычет. Потом выкатил глаза и сделал страшное лицо. Рыба отвернулась и уплыла. Франциско потянул нас к другому стеклу. Из глубины прямо к нам приближалась акула. Она подошла, прислонила к стеклу страшную зубастую морду и вдруг юркнула в другой угол. Франциско забежал с обратной стороны и давай гнать её. Сквозь стекло кажется, что он вместе с акулой в воде, словно забрался прямо в аквариум. А Рослый с другого конца кричит:

— Братцы, сюда! Во какая! — и разводит руки.

В бассейне плавает акула-молот. Рыло у неё, как самый настоящий молоток, хоть сваи забивай! Нырнёт акула вниз и снова вверх рвётся. Выпрыгнуть хочет. Злится, поди. Людей вокруг много, а не ухватишь.

Рядом в водоёме дельфины носятся. Головы поднимают, вглядываются, потому что прямо за аквариумом берег океана. Видно, слышат они рокот, по вольной воде тоскуют. Мне их даже жаль стало. Дельфину простор нужен...

Хоть с океана и дул свежий ветер, жара наступила невыносимая. Пошли мы напиться. Подали нам в буфете апельсиновый сок, а в стаканы бросили глыбки льда. Плавают они в стакане, как айсберги. Сидим, через соломинку сок потягиваем, а Франциско уже опять нас торопит:

— Скорей! Гавана большая! Муй гранде! Всё посмотреть надо! — и радостно размахивает руками.

В ГАВАНСКОМ НЕБЕ

День перевалил на вторую половину, мы уже успели объездить, наверно, с пол-Гаваны, а Франциско вёз нас ещё к какой-то башне, с которой видно всю Гавану сразу.

По широким гранитным плитам мы прошли через площадь

и остановились у ступеней огромной башни, как лилипуты у толстой подошвы великана. Вот и знакомая трибуна, с которой выступает Фидель. А рядом памятник большелобому человеку.

— Монумент Хосе Марти! Гранд революсионарио, гранд поэта! — с уважением произнёс Франциско. — Великий революционер, великий поэт!

Мы миновали трибуну, поднялись по ступеням и оказались в башне с высоченным потолком. Потом вошли в кабину лифта, пол вздрогнул, и мы почувствовали, что поднимаемся. Лифт, словно вздохнув, остановился.

Мы вышли наружу. Вокруг нас гудел ветер. Пронеслось и потёрлось боком о башню облако. За гранитным барьером балкона во все стороны разлеталась Гавана. Широкие плиты площади, по которой мы недавно шли, казались сверху маленькими квадратиками. Возле памятника Марти двигалось едва заметное пятнышко — часовой.

Вся Гавана волновалась, как яркое цветное море. По улицам лодочками плыли автобусы. Как многопалубные лайнеры, поднимались небоскрёбы. А за ними синело и катилось настоящее море.

Франциско радостно смотрел на нас и говорил:

— Теперь вы никогда не забудете Гавану!

Мы стояли тесной кучкой на самой высокой башне, словно на капитанском мостике. Шумел ветер, летели облака. И казалось, будто мы все вместе плывём на могучем лайнере. И называется он «Гавана».

МАРКА С ФИДЕЛЕМ КАСТРО

Назавтра я снова поехал в город. Надо достать для друга марку с Фиделем. Больной из-за марок! Придёшь из плавания, а он уже бежит навстречу: «Марки привёз?» Выложу ему во Владивостоке на стол — получай, радуйся!

Я сидел в автобусе и глядел, глядел. Со всех сторон весело кричала, сверкала и тараторила Гавана. Мальчишки с криком катили на тележках стеклянные банки с напитками. В них плавали куски арбузов, бананов, ананасов. Вода вкусно светилась. Газетчик-мулат размахивал пачкой газет и кричал:

— «Революсион»! «Революсион»!

Спрыгнул я у Капитолия. Подойдя к мальчишке в красной майке, который продавал воду, спросил, где можно купить марки. Мальчишка внимательно выслушал меня, развёл руками — не знаю, мол, — и стал уговаривать выпить воды. Я выпил стакан рефреско — холодной воды, а ко мне подбежал другой малыш с газетами в руках. Он тоже выпил стаканчик рефреско и потянул меня за рукав.

— Руссо! Эгей! Что тебе?

Я объяснил.

— Это проблема, — сказал мальчишка, но, подумав, показал вниз по улице. — Там увидишь.

Ещё издали я заметил магазин, в витрине которого стоял большой портрет Фиделя. Фидель, словно живой, раскуривал сигару. Я вошёл в магазин. Со стен и полок тоже смотрели разные портреты. Но марок не было. Я очень огорчился, и это, наверно, было заметно, потому что продавщица подошла ко мне и спросила, что я ищу. Я взял бумагу, нарисовал на ней марку с зубчиками, Фиделя внутри, а рядом поставил вопросительный знак. Она поняла и закивала головой.

— Почта-телеграф, — сказала она и послала меня обратно, вверх по улице.

Пока я добрался до площади, весь взмок от жары. Зато почту узнал сразу: на крыше фигурка человека с крылышками на ногах, а внизу, над дверью, надпись: «Почтамт». «Ну всё, — подумал я, — теперь-то уж я без марки не уйду!»

Я не успел войти в здание: грохнул гром, рухнул дождь, и все бросились кто куда. Мальчишки с банками — под деревья, и я с ними. Разносчик газет накрылся газетой. А дождь

бьёт так, что от газеты клочья летят. Всё забурлило, автобусы забрели по брюхо в воду, остановились. Вокруг реки бурлят. И молнии со всех сторон — хлоп, хлоп! Одна женщина туфельки сняла — и под дерево. Хохочет. Лишь отряд милисианос шагает. Им прятаться не положено.

Стою под деревом и думаю: «Доберусь до почтамта, целый десяток марок куплю. Ни у кого во Владивостоке таких нет!»

Вдруг туча пропала, схлынул поток. Пошли автобусы. Газетчик снова замахал газетами. Женщина надела туфельки и отряхнула волосы. Всё вокруг задымилось паром. И даже от солнца пошёл дымок, будто оно закурило сигару.

Перебежал я через дорогу, влетел на почтамт. А там толпа стоит, все смотрят, как с меня ручьи текут, и смеются:

— Ну как, нравится гаванский дождь?

«Ничего, — думаю я, — зато у меня будут марки!» Подошёл я к окошку и говорю:

— Мне десять марок с Фиделем.

— С Фиделем? — переспросила женщина. — Это проблема. Раскупили.

Вот тебе и положил марки другу на стол! Десять сразу! Что же делать? Женщина посмотрела на меня с сочувствием и вдруг приложила палец ко лбу: что-то, мол, придумала! Она вышла и вернулась со старыми конвертами. Села у стола, ножницами раз-раз! — и пять марок мне протягивает. На каждой синее небо, под ним Фидель в зелёной гимнастёрке. И на каждой написано: «Победа на Плая-Хирон».

Я так обрадовался, словно тоже одержал победу.

ВЫСТРЕЛЫ НА УЛИЦЕ

Солнце докурило свою сигару, пыхнуло напоследок и спряталось за гостиницей «Гавана либре». Только дымок ещё розовел над ним. Над гостиницей уже зажглась неоновая надпись,

и я заторопился на судно. Как бы не стали беспокоиться!

По-ночному синело небо. Спадала жара. Двери домов были открыты. Куда ни поверни голову — всюду мерцают экраны телевизоров, хоть на ходу телевизор смотри. Вон на экране барбудо шагает по зарослям, вон кто-то на дерево лезет с биноклем.

Вышел я на тихую и темноватую улочку, через квартал — автобусная остановка, там я и сяду.

И вдруг — бу-ух! Бух! Где-то рядом грохнул выстрел, второй. Ударила автоматная очередь, в ответ ей ещё одна. Неровная, захлёбывающаяся. Захлопали двери. По улице побежали люди. Кто-то кричит:

— Милисиано убит! Милисиано!

Я бросился вместе со всеми. Выскочил на перекрёсток. Пороховой дым плавает. А у дома сидит милисиано, совсем молоденький. Привалился спиной к стене, голова у него падает, по груди пятно крови растекается, а он всё силится подняться и рукой автомат нащупывает. У ног его стреляные гильзы разбросаны.

Я взял одну и зажал в кулаке. Тёплая ещё. Попробовали парня поднять, а он уже не дышит и рука затихла. В толпе как закричат:

— Вот что они делают, недобитые! Найти их!

Но недобитых нигде не было. Только старушка из дома сказала, что они умчались в «макина негро», в легковой чёрной машине, и милисиано, кажется, ранил одного...

К дому с шумом подъехал автомобиль. Сквозь толпу пробрались несколько милисианос. Отнесли товарища в машину. А у того места, где ещё виднелась кровь, стали на пост двое других. Командир расспросил обо всём старушку, и автомобиль уехал.

Я выбрался из толпы, на остановке сел в автобус. А по дороге напряжённо вглядывался в каждую красивую машину и сжимал в руке всё ещё тёплую гильзу.

ЧТО РАССКАЗАЛ ФРАНЦИСКО

На следующий день Франциско пришёл к нам, опоясанный широким ремнём с пистолетом.

— Вчера убили нашего товарища, — сказал он.

— Я знаю, — сказал я. — Недобитые.

— Добитые! — ударил ладонью по столу Франциско. — Их поймали мои ученики. Ночью, как только они подъехали к своей норе на машине.

— На чёрной? — спросил я.

— Си, — кивнул он. — На самой чёрной!

Он заходил по каюте и, размахивая руками, стал рассказывать.

Три ученика Франциско сидели на улице поздно вечером.

Мимо них проехала чёрная машина и остановилась напротив ближнего дома.

— «Кадиллак», — сказал негритёнок, тоже Франциско.

— Но «кадиллак»! «Шевролет», — возразили друзья.

Ребята заспорили и подошли ближе. И вдруг из машины вышли двое с автоматами. Третьего они вели под руки, рубаха у него была в крови.

Мальчишки притаились. Люди с оружием постучали в дверь и, оглядываясь, вошли.

Почему они с оружием? Почему не отвезли раненого в госпиталь? И почему оглядываются? Они чего-то боятся? Это нехорошие люди, решили ребята. Нужно что-то делать.

Маленький Франциско бросился в народную милицию, а его друзья остались следить за домом. Чёрный «шевролет» всё стоял на улице, у подъезда. Незнакомцы в любой момент могли выйти и укатить! Франциско бежал изо всех сил. Вот он, наконец, дом с широко распахнутой дверью. В неё то и дело входили и выходили милисианос. Все были чем-то встревожены. За столом командир смотрел на карту города и строго отдавал распоряжения. Он увидел Франциско и спросил:

— Что тебе, малыш?

Франциско рассказал о подозрительных людях, о чёрной машине. И все разом заговорили:

— Это они!

Командир вызвал машину, и через несколько минут Франциско мчался уже с отрядом милисианос к дому, где прятались недобитые.

— Их успели взять? — спросил я. — Всех недобитых?

— Си! Мои ученики! — с гордостью ударил себя в грудь Франциско и вдруг заторопился уходить. — Надо идти. Сегодня вечером я увижу Фиделя. Он будет выступать.

Я только позавидовал. Потом достал свой пиджак, отстегнул от него значок и говорю:

— Передай Фиделю.

Франциско вскинул брови, подумал и положил руку мне на плечо.

— Ты отдашь сам. Вечером, в восемь, будь у «Гавана либре».

НА МИТИНГ

До начала митинга оставалось ещё два часа, но я уже сбежал по трапу и спустился на катер, который стоял у кормы.

— В Гавану? — спросил старик рулевой.

Я кивнул головой. Катер быстро пошёл к берегу. Вдали, за набережной, уже виднелась «Гавана либре», но, как только мы подошли к берегу, ближние дома заслонили её. Она словно спряталась. Я выпрыгнул на причал и крикнул старику:

— Мучо грасиа! Большое спасибо!

Иду и думаю, как бы не опоздать, и всё поглядываю по сторонам, нет ли такси. А тут как раз возле меня остановилась машина. Везёт мне!

— Куда, камарад?

— В «Гавана либре»!

Мы проскочили по набережной, свернули на широкую улицу, и вдруг «Гавана либре» встала над самой головой. Я выбрался из машины и стал искать Франциско. У входа его не было. Тогда я открыл большую стеклянную дверь и вошёл в вестибюль с большим фонтаном, из которого прямо к потолку тянулась настоящая пальма. По большим мраморным лестницам гостиницы спускались негры, мулаты, мексиканцы в сомбреро. А Франциско не было.

Я снова вышел на улицу и стал вглядываться в подъезжавшие автомобили. У подъезда зашумели люди, и я потерялся в толпе. Найдёшь тут друг друга! Я разволновался даже. Не встречу Франциско — вот и не попаду к Фиделю.

— Камарад!

Кто-то схватил меня за локоть. Оглянулся, вижу — Франциско! А рядом с ним седой мужчина. Тот самый, которому я в первый день не хотел дарить значок. Подошёл ко мне, поздоровался и повёл в зал.

СПАСИБО, ДРУГ!

За окнами уже давно загорелись звёзды, наступала ночь, а Фиделя всё не было.

«Неужто не придёт?» — забеспокоился я, но седой мужчина улыбнулся:

— Выше голову, мариано!

— У него очень много дел, мучо! — сказал Франциско. — Но он обязательно придёт!

В это время распахнулась дверь, в зал вошло несколько военных и среди них Фидель. Я бросился к нему, но опоздал — его уже обступили. Люди носились с фотоаппаратами, кругом вспыхивал магний. Фидель разговаривал, с каждым

здоровался. А я за спинами даже не мог разглядеть его. И к нему не протиснешься.

Но вот Фидель увидел моего седого знакомого и протянул обе руки. Ещё бы! В Сьерра-Маэстре вместе воевали! Знакомый что-то сказал Фиделю и кивнул в мою сторону. Я даже взмок от волнения. Фидель обернулся, поднял руку:

— Так где же он? Давай его сюда!

И все расступились, чтобы дать мне пройти.

Фидель пожал мне руку и говорит:

— Здравствуй!

Крепкий Фидель, большой, только лицо у него немного усталое от работы.

— Ну, как доплыл? Как Тихий океан? Гранде? — спросил Фидель и повёл сигарой. — Что вы привезли?

— Доски, — сказал я, — лес.

Фидель кивнул, задумался и говорит:

— Хорошо, буэно! Спасибо, друг! Товарищам привет передай!

А седой мужчина ему блокнот протягивает:

— Ты морякам напиши что-нибудь!

Взял Фидель блокнот, сощурился от дыма и стал что-то писать красивым твёрдым почерком. Написал, протянул блокнот, пожал мне руку ещё раз и собрался на трибуну.

— Уна момент! — задержал я его и, сняв значок с пиджака, приколол ему к гимнастёрке.

Фидель скосил глаза на значок, а на значке — сопка, голубое море и белый пароход, улыбнулся, махнул мне рукой и пошёл к трибуне. А я пробился к столу, сел, гляжу в блокнот и надпись разбираю: «Привет советским дальневосточникам. Верим в победу коммунизма в вашей стране...»

Тут Фидель поднялся на трибуну и начал выступать. Долго и хорошо говорил — про Кубу, про Советский Союз, про то, что никогда не победить империалистам революцию, потому что много у неё друзей. А я всё смотрел на его грудь, на

которой блестел мой значок. И море на нём голубело, как в ясную погоду, и белый пароход плыл. Много таких из Владивостока на Кубу торопятся. И на каждом — друзья.

ПЕДРО, КОТОРЫЙ ГОВОРИЛ ПО-РУССКИ

Как только кончилась разгрузка, мы стали собираться к отплытию. Прощай, Гавана!

Гудели машины. На причале стояли грузчики, впереди всех размахивал сомбреро Франциско и кричал:

— Приходите снова!

Я тоже махал своему другу рукавицей и смотрел, смотрел, как исчезают вдали пальмы, Капитолий и «Гавана либре».

На следующий день, в воскресенье, мы остановились в маленьком жарком порту Касильда. На причале блестели железные склады, за ними дымился от зноя песок, а дальше, в горах, среди зелени белел, как горка мела, городок Тринидад.

Я сбежал по трапу вниз. Перед нами среди сверкающей воды на сваях стояли домики. Около них на привязи толкались лодки. Пахло рыбой. Из-под единственной пальмы к нам направился могучий охранник — барбудо и махнул рукой на пляж.

— Буэнос, амигос! — сказал он. — Сегодня доминго, воскресенье. Все на Плая! Жара!

Делать в порту было нечего, и капитан, к нашей радости, сказал:

— Спускайте бот! На Плая!

Рыжий Степан, наш кладовщик, захватил мяч, мы сели в бот и поплыли к пляжу.

Пляж был коричневым от купальщиков, как хлеб от повидла. Не утерпел я и прямо из бота — бултых в воду! И тут же вынырнул: море горячее, словно забрался в нагретую

ванну. Огляделся, а в воде уже и другие. Вокруг полно ребят, прыгают, кувыркаются так, что и нам захотелось. Забрался я Степану на спину и с него — вниз. А потом Степан с меня. Тяжёлый, брызги от него во всё небо. Смотрим, и мальчишки начали по-нашему. Карабкаются друг на друга, только пятки мелькают.

А мы давай по-другому: станем вчетвером, стул из рук сделаем, а пятый заберётся, усядется, раскачаем его и пружиной вверх. Тут полпляжа сбежалось. Никогда такого не видели. Разглядывают нас, лезут на руки, кричат:

— Руссо, сальто!

Полпляжа вверх тормашками полетело! Мужчины, мальчишки! Только женщины стоят посмеиваются.

Степан принёс мяч и вверх подбросил. Я поймал его, ищу, кому бы передать дальше. А впереди кто-то как закричит:

— Давай! Сюда давай!

Я повернулся — никого из наших рядом нет. А тот же голос опять кричит:

— Давай! Мне давай!

Смотрю, кубинский мальчишка по-русски кричит и смеётся. Удивился я, бросил ему мяч и поплыл вперёд. Степан за мальчишкой погнался, а тот снова мяч мне перебросил. Я плыву и рукой вперёд его подгоняю. И дальше, дальше. Берег уже далеко.

— Не надо дальше! — крикнул Степан. — Акулы здесь!

У меня по ногам вдруг что-то как скользнёт! Бросился я в сторону, а это из-под ног мальчишка вынырнул.

— Плывём обратно! — крикнул он и поманил рукой.

Нырнул он, а я за ним, и вдруг мы оказались перед большой, натянутой до самого дна сеткой, обросшей бархатными травинками. Акулам не перебраться! Мальчишка уцепился за неё, я тоже. Тут же следом подплыл Степан. Ухватились все втроём за сетку и раскачиваемся, словно травинки. Смот-

рим, над головой тень мелькнула. Мяч. Вынырнули мы разом и стали мяч передавать к берегу.

Вылезли из воды, сели на песок, а мальчишка зарылся в него, только голова и руки торчат.

— Хорошо ты по-русски разговариваешь, — говорю я ему.

— Нет, неважно! — поморщился он. — Если бы книги были! Всего не купишь...

— Пойдём ко мне, у меня книг много!

Он задумался. Покачал головой.

— Сегодня нельзя. Вечером я учу стариков. Завтра я буду работать с грузчиками у вас на палубе! Встретимся. Буэно?

— Буэно, — сказал я и спросил: — А как зовут тебя?

— Меня зовут Педро!

ГДЕ ЖИЛ МИСТЕР ТВИСТЕР?

Наутро рядом с судном уже стояли вагоны. Грузчики вываливали из них мешки с сахаром, обхватывали петлей, и подъёмный кран переносил мешки в трюмы, где их укладывали другие грузчики. Работали быстро, будто строили под обстрелом баррикаду.

Неожиданно мешок шлёпнулся о палубу и лопнул. Из него так и брызнули жёлтые кристаллики сахара! К мешку подлетел мальчишка, подбросил в руке клубок бечевы, ковырнул раз-другой громадной иглой — и мешок опять целёхонек! Да ведь это Педро, мой знакомый! Он воткнул иглу в залатанную рубаху и подал мне руку.

— Здравствуй! Показывай книги!

Я хотел его повести в каюту, но из трюма выглянул грузчик.

— Агуа фриа! — махнул он рукой. — Холодной воды!

Педро сбежал по трапу и через минуту поднялся с холодным потным ведром воды, в которой переворачивались глыбки

льда и гремел черпак — консервная банка с дыркой в дне. Грузчики черпали ею из ведра, ловили ртами холодную струйку и подставляли под неё плечи.

Напоив грузчиков, Педро пошёл со мной в каюту. Увидев полку с книгами, он так и застыл перед ней, выбирая книгу.

— Эту! — сказал он и вытащил толстую красную книжку — том Маршака, раскрыл его и весело поехал по рисункам большими глазами. На одной странице он задержался и медленно прочитал: — «Мистер Твистер». — Он вдруг повернулся ко мне и крикнул: — Я его знаю!

— Нет, — рассмеялся я. — Если он и был, то давным-давно умер. Ещё я был маленьким, когда читал эту книгу.

— У нас он жил совсем недавно, — возразил Педро и стал читать: — «Мистер Твистер — бывший министр, мистер Твистер — делец и банкир...» Си! — закричал он весело. — Мы же все его знаем!

Педро побежал на палубу, а через минуту вокруг него собралась толпа. Грузчики заглядывали в книгу, кричали и смеялись. Из книги на них сердито смотрел мистер Твистер и курил сигару. Вокруг него было столько цветного народа!

— Касильда! — крикнул кто-то из грузчиков.

— Тринидад! — крикнул другой.

А высокий крепкий мулат важно выпустил колечко дыма и сказал:

— Гавана!

Педро выбрался из толпы и подошёл ко мне.

— Видишь, все его знают, — сказал он и лукаво добавил: — Только все почему-то считают, что он жил в разных городах...

— Нет. Это тот, что был в Касильде. Он не любил негров, — сказал маленький старичок негр и пожевал губами. — Очень не любил. Он первый сбежал, когда началась революция.

— Ты думаешь, тот, что жил в Гаване, очень любил негров? — спросил высокий мулат.

От жары сахар, просыпанный из мешка, потёк по палубе коричневой струйкой. Запахло жжёным. А спор не прекращался. Тогда на палубу спрыгнул крановщик, сердито зачерпнул из ведра банкой и поднял руку с растопыренными пальцами:

— Чего вы спорите! И в Касильде, и в Тринидаде, и в Гаване — все они были янки! Всех их выгнали!

— Си! — улыбнулся старик негр. — Его даже не пришлось выгонять, он убежал сам...

— Вон туда! — сказал высокий мулат и махнул рукой за океан.

— А теперь давайте работать! — и крановщик полез на кран.

Педро захлопнул обложку, будто пришлёпнул сердитого Твистера, схватил ведро и побежал по трапу вниз.

КАК СЖИГАЛИ СТРАШИЛИЩ

Вечером у ворот порта остановился маленький «джип». Из него выпрыгнули Педро и толстый парень-шофёр и направились к нам.

— Карнавал. Сегодня у нас карнавал! — сказал Педро, а шофёр весело выбил в такт ногами: кар-на-вал.

Мы набились в машину и поехали. Чем ближе подъезжали к городу, тем всё яснее слышалась музыка, грохот барабанов и весёлые крики.

Едва мы сошли на главной улице, как перед нами потянулся удивительный поезд. Сотня негров бежала друг за другом, двигала взад-вперёд локтями, а рядом, на высоком помосте, сидел оркестр и отбивал ладонями по барабанам. Всюду плясали. Над толпой горели и подпрыгивали факелы. Звёзды тоже качались, загорались ярче. Их становилось всё больше, будто они разлетались из-под ладоней барабанщиков.

— Пойдёмте на тротуар, оттуда виднее, — сказал Педро.

Мы взялись за руки и начали пробираться вперёд. И вдруг с нами стало происходить что-то весёлое. Рослый толкнул меня:

— Смотри на кока!

Иваныч подпрыгивал и выбивал ногами чечётку. Педро показал мне на руки Рослого. Они будто барабанили по невидимому барабану. И я сам тоже почувствовал, что качаюсь из стороны в сторону.

Вдруг барабаны загрохотали так, что у нас чуть не лопнули барабанные перепонки. Прямо на нас ехали на повозках и шагали гигантские страшилища. Один гигант был в громадном сомбреро и с громадным ножом за поясом. Другой, толстый и злой, курил сигару — целую пароходную трубу.

— Мистер Твистер! — крикнул Педро и толкнул меня.

На передней повозке торчал зубастый человек, таращил злые глаза и хватался за пистолет. Это Батиста. Рядом с ним поднимал громадный кулак фанерный янки. Все они, казалось, были готовы броситься на людей.

Но тут вышли барбудос с автоматами и взяли их под стражу.

— Куба — си, Куба — си, Куба — си, янки — но! — запел вдруг Педро, и все подхватили песню и двинулись к морю, освещая путь факелами.

По дороге будто потекла огненная река. Вот море зашелестело у ног. Страшилищ сбросили на песок, и над ними началась расправа. Ко мне подбежал Педро, вложил в руку факел, и мы сунули огонь прямо в брюхо Твистеру. Рядом расправлялись с Батистой. Страшилища вспыхнули и закорчились.

— Янки — но! Янки — но! — кричали и плясали вокруг них люди.

Вверху над пламенем проносились испуганные летучие мыши. Кто-то ударил по Твистеру палкой. Он злобно пыхнул

искрами до неба и развалился. Шляпа его полетела в море. За ним грохнул Батиста. Пепел полетел в воду и зло зашипел. Скоро от них ничего не осталось, только сигара и шляпа Твистера всё ещё болтались на воде.

— Конец! — сказал Педро и поднял выше факел.

Мы пошли к пароходу. Сзади гремела музыка, с неба в море падали звёзды, словно добивали остатки страшилищ.

ПОСЛЕ КАРНАВАЛА

Утром стали мы с Рослым надевать ботинки, смотрим, а каблуки наполовину сточены. Иваныч-кок тоже с ботинком в руке на одной ноге подпрыгивает:

— Братцы! Вот так натанцевались!

После завтрака отправились мы втроём искать сапожника. Идём по улице, оглядываемся. В одном окне швейная машинка стучит — портной шьёт. Во втором — человек в белом халате кисточкой другого намыливает. Парикмахер. А сапожника нет!

— Придётся идти в Тринидад, — сказал Рослый. — Неудобно в Россию в рваных ботинках возвращаться.

А город белеет далеко. Иваныч прикинул расстояние и говорит:

— Нет, я не пойду. Тебе-то что, а у меня пятьдесят человек без обеда останутся. Как-нибудь уж так до дому доберусь.

— Я лучше обедать не стану, но пойду, — сказал Рослый.

Повернулись мы, чтобы идти в Тринидад, а напротив, смотрим, под высокой пальмой, как под зонтиком, будка из кусков жести, и в ней сидит старичок в фартуке, в берете и молотком по ботинку колотит. Держит губами гвозди. Вытащит гвоздь, наставит и — шлёп молотком!

— Братцы, живём! — обрадовался Рослый.

Мы подошли к старику, а он увидел нас и поднял руку.

— Буэнос, камарадос! — сказал он, держа гвоздик во рту.

Осмотрел он наши ботинки и показывает Рослому — снимай. Взял ботинок, повертел его и спрашивает:

— Карнавал?

— Карнавал! — удивлённо ответил Рослый.

А старик показал на кучу ботинок в углу.

— Всё это карнавал.

Туфли торчали так, будто всё ещё приплясывали.

Старик отрезал кусок кожи, наложил на каблук. Стук, стук, стук. Обрезал по краям — и готово!

Снял тогда ботинки Иваныч. Снова: стук, стук, стук, отрезал по краям — и готово! Подбросил сапожник в руке ботинки, подал Иванычу — надевай!

Потом подмигнул мне: «Давай!» Взял мой ботинок, а сам напевает «Смелее, кубинцы» и берет поправляет. Такие береты только у барбудос бывают. Наверное, был старик сапожником у барбудос. Шлёпнул он молотком несколько раз, только шляпки гвоздей сверкнули под солнцем. Вот и мои готовы.

Надели мы ботинки, повернулись на каблуках довольные: порядок!

— Мучо грасиа, амиго! — говорим, а он махнул молотком.

— Буэнос, камарадос!

Мы застучали каблуками по мостовой. А в будочке под пальмой весело откликнулся молоток. Некогда терять время. На Кубе нужны крепкие каблуки!

МАСТЕР ХУАНИТО

Вечерами, когда спадала отчаянная кубинская жара, мы отправлялись на пустырь играть в футбол.

Впереди с мячом грузно шагал артельщик Степан, капитан

команды. На пиджаке у него был значок флотского чемпиона по футболу.

Вокруг собирались болельщики, наши и кубинцы. Мы носились что было сил, и из-под ног у нас разбегались маленькие крабишки. Они пучили из потрескавшейся земли глаза, будто тоже наблюдали за матчем.

И вот однажды Степан так ударил по мячу, что он перелетел через склады, отскочил от земли и упал в воду.

Мяч у нас был единственный, поэтому все мы бросились к причалу.

Спускать шлюпку было долго. Прыгать в воду нельзя: бухту то и дело прорезали два острых акульих плавника. А течение уже выводило мяч прямо в океан.

Вдруг раздался крик: «Уна момент! Моментико!» — из толпы вырвалась маленькая смуглая фигурка, юркнула в портовые ворота и бросилась к утлой лодчонке, стоявшей на берегу бухты.

Хуанито!

Хуанито, коричневый, как кофейный боб, появлялся у нашего парохода с рассветом. Увидев кого-нибудь из нас, он звонко кричал: «Руссо, эгей, руссо!» — и смеялся, радуясь, что знает, кто мы. Встретив нас на улице Касильды, он протягивал руку и, озорно смеясь, требовал:

— Сувенир!

В полдень Хуанито приходил на пирс. Он снимал рубашку, ложился животом на горячие доски, перебрасывался словом-другим с рыбаками, смотрел на море, на волнующиеся в глубине водоросли. Повалявшись так, он шёл к своей лодке.

Лодку он сбил своими руками из старой фанеры. Это было давно. Теперь уже можно было бы утопить её или сжечь, потому что рыбаки брали его на лов в самую лучшую лодку, но Хуанито каждый день забирался в свою лодчонку и вычерпывал жестяной банкой набравшуюся за ночь воду.

Едва мы начинали играть в футбол, Хуанито занимал своё

место на пригорке. Он бегал подавать ушедший мяч. И если отдавал его Степану, кричал:

— Счипай, можно мне играть?

Запыхавшийся Степан удивлялся, как человеку могла прийти в голову подобная мысль.

— Тоже мне мастер спорта нашёлся! Подрасти!

И вот теперь мяч уплывал в океан. Степан растерянно бегал по причалу. Хуанито выводил в залив свою лодчонку. Вёсел в ней не было, и маленький кубинец грёб руками, так что мелькали смуглые локотки. Вот он выбрался из-за рыбацких лодок. Вот прошёл мимо парохода.

И тут прямо перед ним вынырнул громадный острый плавник. Хуанито выдернул из воды руки и привстал. Акула ушла вглубь. Тогда он стал грести снова, выхватывая руки ещё быстрее.

Акула вынырнула справа и пошла вдоль борта. Хуанито вытащил правую руку и грёб левой.

Кто-то крикнул:

— Брось, поворачивай!

Но Хуанито не понимал по-русски и вообще не обращал внимания на подобные крики.

Акула обошла лодку, сделала полукруг и, перевернувшись, юркнула под левый борт. Мальчик положил левую руку на колено и заработал правой.

Наконец лодка поравнялась с мячом. И когда акулий плавник, на секунду взлетев вверх, снова ушёл под воду, Хуанито быстро перегнулся через борт, подхватил мяч и поднял его над собой.

Лодчонка осела. Видно, вода заполняла её. Но Хуанито грёб уже к нам, всё так же попеременно выхватывая руки из воды. Подойдя к причалу, он бросил Степану мяч и, выпрыгнув из лодки, протянул вперёд влажную ладонь:

— Сувенир!

Кто-то сбегал на пароход, быстро вернулся и прикрепил

к рубашке мальчика значок. На нём маленький бронзовый футболист бил ногой по бронзовому мячу. Хуанито посмотрел на него. Потом повернулся к развеселившемуся Степану, показал пальцем себе на грудь и вдруг, подмигнув ему, спросил:

— Мастер я? А? Мастер?

Все засмеялись. А Хуанито прыгнул в лодку и поплыл к бухточке.

Солнце начало прятаться за океан. Вода почернела. Наступила душная ночь. Мы укладывались спать на палубе. В море стучали моторы. Это рыбаки уходили на ночной лов.

На причале раздавался быстрый лёгкий стук: из воды выбирались и стучали клешнями мохнатые морские крабы.

А на берегу горела лампа. Там Хуанито конопатил свою лодчонку. Он, конечно, мог уйти в море со взрослыми на самой лучшей лодке. Но он ценил старых друзей. Они не подводили его.

ФИНИТА

Рано утром на палубу прибежал Педро. В руке у него был большой кокосовый орех.

— Всё, финита! — сказал Педро. — Последний вагон!

На палубу вышел боцман.

— Кончаем, — подтвердил он. — Пошли за брезентами, трюм закрывать!

Паровозик подтащил к борту последний вагон. Грузчики уложили в трюм последние мешки с сахаром и стали отбивать на них чечётку.

— Финита!

Педро встал около меня, посмотрел грустно, спрашивает:

— Ты в Москве будешь?

— Не скоро, — отвечаю я.

Тут откуда-то появился Рослый:

— Я скоро буду!

— О! — обрадовался Педро. — Может быть, увидимся. Меня посылают учиться в Москву.

Только мы закрыли трюм, сверху загрохотало:

— Палубной команде по местам!

Рослый побежал на бак. Ушёл боцман. Бросился натягивать рукавицы Иваныч-кок. Педро протянул мне кокосовый орех. Я тряхнул его — в нём плеснуло молоко.

— Выпьешь это за меня! — сказал Педро, пожал мне руку и сбежал вниз.

Мы втянули на палубу последний трос. Захлопотал вокруг нас ветер. Колыхнулись на волне у берега лодки.

И мы пошли...

На берегу возле пальмы стоял и махал рукой Педро. За ним остановился могучий охранник барбудо, а из-за ворот выскочил маленький мастер Хуанито.

Скрылся вдалеке песчаный пустырь, исчезли из виду домишки на сваях, но долго ещё под одинокой пальмой стояли три маленькие фигурки.

ПАЛЬМА

По океану пошла зыбь, нас начало качать. Похолодало. Летучие рыбы больше не попадались.

Ночью, выйдя на палубу, посмотрел я в небо и вижу: появились уже наши звёзды. Я вернулся в каюту, закрыл иллюминатор и лёг.

Лежу, и не спится мне что-то, всё о доме вспоминаю. Вдруг слышу — шурх-шурх, что-то шуршит под головой. Что бы это такое? Крыс и мышей у нас нет. Наверное, показалось. Подумал я так и уснул.

А ночью меня что-то по лицу защекотало. Проснулся. Го-

лова с подушки сползла. Действительно, что-то щекочет и шелестит. Встал я и включил свет. Тут Рослый вскочил и зажмурился.

— Ты что это?

Я отшвырнул подушку, а из-за койки выглядывает острый зелёный листочек. Заглянул я под койку, а там прямо из кокосового ореха пальмочка растёт! Выбросила в тепле два стебелька и лезет вверх. Достал я её аккуратно, чтоб не повредить, положил на ладонь, смотрю — настоящая пальма! Покачал я орех возле уха, а внутри уже не булькает. Всё пальмочка выпила, молоком вспоилась.

— Видишь, — говорю я Рослому, — хорошо, что не съели орех. Пальму бы съели!

Рослый спрыгнул с койки, взял в руки пальму, поставил её аккуратно на стол.

— Вот и Куба плывёт с нами. Только Педро не хватает.

Вспомнили мы про Педро, до утра проговорили.

Утром я ушёл на вахту, а Рослый остался — ему вахтить в полдень. Сыро было, туман. Продрог я после тропической жары. Вернулся к себе в каюту — и скорей к пальмочке. Смотрю, а под ней стоят пластилиновые барбудо, Педро и маленький Хуанито с мячом в руке. И машут мне на прощание.

ЗА БОРТОМ ЧЁРНОЕ МОРЕ

В тот же вечер по коридору прогромыхал боцман, крикнул: «Аврал!» — и две недели в Атлантике команда спасала сахар от волн. Мы натягивали, крепили брезенты, а ветер поднимал их с трюмов, врывался внутрь, и, казалось, под нами буянила и грызлась свора мокрых передравшихся зверей.

А вошли в Средиземное море, Иваныч придумал нам другую работу: налил в котелки краски, заставил мазать палубу.

И замелькали за бортом земли и острова! Пока красили правую сторону, сквозь дымку желтели африканские страны — Марокко, Алжир, а перебрались на левый борт, там уже заголубели итальянские острова — Сардиния, Сицилия. Когда же мимо Греции двинулись, совсем свернули себе шеи. Один остров минуем в завтрак. Сядем обедать — за иллюминатором уже видится второй. А начнёт Иваныч-кок ужином кормить — третий остров за кормой остаётся. А когда кончили палубу красить, оказались у Турции. Прямо как в кино.

— Ты в Стамбуле никогда не был? — спросил меня Рослый.

— Нет.

— Ну, тогда смотри, запоминай...

Издалека уже виднелись белые стены старой крепости, покрытые зубцами, а над нами поднимались башни — тонкие, как копья, с отверстиями наверху, словно дупла. Вдруг из дупла ближней башни, будто белка, выглянул человек. Выглянул и как закричит. А из соседней башни ещё один выглянул и тоже как закричит, и из третьей так же. И такой переполох поднялся, что, наверное, за Гибралтаром было слышно.

— Это муэдзины, — рассмеялся Рослый. — Молятся. Повыше забрались, чтоб богу послышней было.

Вскоре мы вышли из пролива и оказались, наконец, в Чёрном море. Почти вся команда вышла на палубу. Ни акул вокруг нет, ни летучих рыб, ни диковинных черепах, только вода. А все стоят у борта и смотрят: море-то своё!

ПИОНЕРСКАЯ ПАЛЬМА

Не успели мы стать в Новороссийске под выгрузку, как за воротами загрохотал барабан. Это отряд пионеров шагал к нашему пароходу.

Давно я их не видел. Все в галстуках, в белых рубашках.

Бегут, а сами так и смотрят во все глаза, не прихватили ли мы кусочек Кубы. Пробились к капитану, несколько человек вышли вперёд, переглянулись и хором как запоют:

— Поздравляем с благополучным возвращением с героической Кубы!

Капитан говорит:

— Спасибо, дорогие, спасибо! — А сам повернулся ко мне и шепчет: — Ты уж займись ими, поработай. — И, показывая на меня, говорит: — Вот наш матрос вам обо всём расскажет. Я-то что! Он — другое дело. Он и Гавану всю исходил, и Фиделя видел.

Хитрит, просто ему некогда. А мне приятно — с пионерами побуду, сам в пионерах побываю!

Рассказал я им про Франциска, про Педро и про Фиделя рассказал.

А тут пионеры окружили меня и спрашивают:

— А что-нибудь кубинское есть у вас посмотреть?

— Кое-что, — говорю, — есть.

Привёл их к себе в каюту, вытащил из шкафа палку сахарного тростника, достал нож и отрезал кусок.

— Пробуйте!

Сразу несколько рук протянулось, пришлось ещё кусок дать. А потом и ещё. Так что от стебля ничего не осталось. Тут один мальчишка и говорит:

— Дайте нож, пожалуйста...

Смотрю, отрезал большой кусок — и в карман, а тот, что поменьше, как таблетку, за щёку. И другие ребята так сделали. Стоят, кусочки посасывают, и у каждого карман оттопырен. У каждого друг, наверно, есть. Это мне понравилось. Думаю, что бы им ещё показать, а они всё в угол смотрят, туда, где из ореха пальма растёт. Взял я орех в руку, а какая-то девчонка спрашивает:

— Можно, я поглажу? — Провела сверху ладонью и вдруг осторожно отдёрнула руку: — Ой, песчинки! Кубинские!

Тут все в её ладонь заглянули, а она сложила ладошку лодочкой, говорит:

— Осторожно, не сдуйте.

Удивился я: неужто разглядела что-то? Может, и вправду на орехе с Кубы песок завезли? Посмотрел я на ребят и говорю:

— Ладно, берите орех себе.

Пошла пальмочка из рук в руки — каждому хочется подержать. И все берут бережно. Ну, думаю, не пропадёт она, в хорошие руки попала.

Попрощались с нами пионеры, сошли по трапу, построились на причале, застучал барабан, и — пошагали.

Идёт отряд! Впереди всех — кубинская пальмочка. Как настоящий флажок колышется.

КЕДРОВКА

Через все океаны, от самого Владивостока, летела с нами кедровка. Сначала она забивалась в спасательный круг, пряталась там от ветра, а потом обжилась, приноровилась к морю не хуже чайки. Одного никак не могла — привыкнуть к нашей пище, прямо сохла от голода. Долго мы не знали, чем её кормить, но вот как-то Иваныч-кок подошёл к птице, посмотрел на неё и сказал:

— Ладно, что-нибудь придумаем.

Отправился он в каюту и вернулся с полной горстью семечек. Семечки он возил с собой в любой рейс, а доставал их чуть ли не по праздникам. Соберутся несколько человек в каюте, достанет кок пухлый шелестящий мешочек и каждому по горсти насыплет. Посидят все, пощёлкают, как где-нибудь в селе на крылечке, родной дом вспомнят, тайгу, огороды с золотыми подсолнухами...

Высыпал Иваныч семечки на палубу, поглядела кедровка, слетела вниз, и щёлк! щёлк! — только лузга посыпалась.

— Ну вот видишь, говорил же, что-нибудь придумаем.

Так и поплыла кедровка с нами.

Увидел её капитан и попросил плотника сделать клетку:

— Не годится землячке в штормы пропадать.

А когда клетка была готова, забрал кедровку к себе в каюту. Но не неволил её и клетку всегда держал открытой. Захотела птица — вылетела. Поносилась над морем — и снова в своё жилище.

Когда уходили мы с Кубы, думали, что кедровка останется в лесу. А она полетала-полетала — и опять в рейс со своим пароходом. Как член экипажа. А когда подходили к Кавказу и открылись нам горы, заросшие сосновыми лесами, капитан вынес клетку на палубу и сказал:

— Тут своя земля и свой лес. Теперь-то она улетит.

Насыпал ей Иваныч на прощание горсть семечек. И вправ-

ду, пощёлкала их землячка, покружилась над нами и улетела. Отдал капитан плотнику клетку и говорит:

— Не нужна она теперь, потому что птица на новом месте останется.

— Останется, — сказал плотник. — Здесь места южные, курортные. Не то что суровая тайга.

И верно ведь: из самых дальних концов люди стараются на Кавказ попасть. Ничего не скажешь, красиво!

Погудели мы Кавказу на прощание, махнули флагом. И пошли вторую половину земли мерить.

Отстоял капитан вахту, зашёл в свою каюту, смотрит, а на столе кедровка сидит, свою клетку разыскивает. Прилетела — значит, решила с нами плыть к своей зиме, к родным таёжным снегам. Не годится таёжнице засиживаться на курортах.

1962—1963 гг.

ПЕРВАЯ УДАЧА

Я летел из Москвы на Тихий океан. Матросом и корреспондентом. Хлебнуть океанского ветра, вспомнить свою старую морскую работу.

Сын дал мне толстую тетрадь, чтобы записывать в неё самое интересное про моряков, про морские приключения, про китов и акул, про дальние страны... И конечно, про мальчишек и девчонок, которых мы встретим.

В кармане пиджака у меня лежало направление на теплоход «Пионер». И я уже составлял список, кому что откуда

привезти: из Америки для друга монеты; одной знакомой — панцирь краба с Тихого океана; художнику — японские кисти; пионерам в школу — ракушки из Новой Зеландии; а из Австралии сыну — маленького кенгурёнка. И ещё «что-нибудь такое интересное».

Слева от меня посапывали в креслах соседи, справа, за иллюминатором, клубились в голубом небе слепящие белые облака, совсем как над океаном.

Я чувствовал уже весёлые запахи корабельной краски и гуд палубы под ногами.

Но прилетел во Владивосток — и словно споткнулся. Туман, дождь.

Пришёл к начальнику пароходства, он говорит:

— А «Пионер»-то сейчас вон где! — и ткнул карандашом в карту, в центр Индийского океана!

Но тут же успокоил меня:

— Да ты не огорчайся! У нас тут «пионеров» целая флотилия. Вон тебе хоть «Витя Чаленко». Дойдёшь на нём до Японии, там пересядешь на «Новиков-Прибой» — и в Америку. А уж до Зеландии как-нибудь придумаем!

Я повеселел, вышел на улицу — и совсем обрадовался. Встретил старого товарища, он спрашивает:

— Плывёшь?

— Плыву.

— На каком?

— На «Вите Чаленко».

— «Чаленко»? А капитан там знаешь кто? Шубенко! Судно бравое, и капитан молодцом. У нас тут уже поговорка: «Витя Чаленко» — капитан Шубенко!

Как не знать! Лет десять назад по этой самой улице мы шагали с молодым Шубенко, штурманом, на судно, несли навигационные карты для кругосветного плавания. А сколько ночных вахт отстояли! Два океана вместе прошли. Пачангу на Кубе плясали, сахарный тростник рубили...

Интересно, каков он теперь. Всё так же, как бывало, торопится, по трапам через десять ступенек прыгает?

Я подхватил чемодан, кивнул товарищу и припустил вниз — по сопке, по лестнице — в порт.

УЧИТЬСЯ НАДО!

Когда я добрался до порта, туман почти схлынул. Только последние хлопья ещё пролетали над зелёной водой. И сквозь них просвечивал залив, суда, мачты, а вдали — зелёные сопки. На чёрном носу теплохода белела надпись «Витя Чаленко».

Среди громадных пароходов он казался небольшим. Но на его палубу портовый кран носил из вагонов ядрёные брёвна. Всё от кормы до носа было заложено пахучим смолистым лесом. Грузчики и матросы припрыгивали на брёвнах, обтягивали их стальными тросами. Как перед отплытием.

Я взбежал по трапу, глянул в открытую дверь: сейчас увижу Шубенко!

Но навстречу мне выскочил маленький, рыжий, словно огонёк, пёс, а за ним выбежал невысокий, тоже рыжий, парень в штурманской форме и сердито крикнул:

— Бойс, на место!

Он налетел на меня и выпрямился:

— К нам?

Я протянул направление, парень смущённо подал мне всю в веснушках руку:

— Третий штурман, Володя.

— А где капитан?

— Занят. У него начальство! Инспекция! А тут лови этого капитанского пса!.. Что ж, пока пошли ко мне.

«Третий» побежал по надраенным ступенькам вверх. А я за ним — через одну. Впереди нас, завернув рыжим бубликом хвост, прыгал маленький капитанский Бойс.

Пёс свернул налево и сел у двери, на которой была табличка: «Капитан». Мы повернули направо.

Володя дёрнул первую же дверь, и навстречу нам с шелестом вырвались листы белой бумаги. На всех листах по-английски был напечатан один и тот же список фамилий. Судовая роль, в которой указано, кто кем на судне работает.

Володя бросился ловить листы. Я — тоже. Потом он положил их на стол, где стояла машинка с английским шрифтом. И в неё тоже была заложена судовая роль.

— Десятый раз для Японии перепечатываю! — горестно вздохнул Володя. — То тут ошибка, то там ошибка. Недоучил

в школе. Придём в Кавасаки или Иокогаму, там всё по-японски да по-английски! Учиться надо!

Он взял мой морской паспорт и под фамилиями матросов одним пальцем выстучал мою.

Прочитал, проверил и обрадовался:

— Без ошибок!

Потом проводил меня до соседней каюты, открыл её и сказал:

— До вечера!

ВПЕРЕДИ — ОКЕАН!

Я посмотрел в иллюминатор на бухту, на белеющий вдали город, прилёг на минуту отдохнуть, а когда открыл глаза, было совсем темно. Мимо борта одна за другой перекатывались на воде сопки. Рядом с ними у берега, все в огоньках, приподнимались суда и оставались позади.

Видимо, нас выводили из бухты.

Выглянул — так и есть!

Впереди работал буксирный катер, бурлила пена. Я бросился в рулевую: отход прозеваю! Взбежал наверх, открыл дверь и вздрогнул.

У окна спиной ко мне стоял мой старый капитан. Стоял, как всегда опустив руки по швам, важно откинув назад голову.

Этого не могло быть! Мой капитан умер несколько лет назад.

Но вот он повернулся и сказал шубенковским голосом:

— А, проснулся? Ну, здравствуй!

Шубенко! Только манеры да осанка у него нашего старика. Подошёл, тронул меня, как, бывало, капитан, за плечо и улыбнулся:

— Ну что, до Японии с нами?

— Конечно!

— А то давай и до Зеландии.

— Так я сначала в Америку!

Я стал объяснять свои планы, но Шубенко выглянул в окно и сказал рулевому:

— Пожалуйста, право помалу!

Я начал было снова, да кто-то окликнул его:

— Товарищ капитан!

Такое дело — отход! Не поговоришь.

Я вышел на мостик. В лицо ударил ветер и горстью сыпанула морось. Морская, пахучая, будто огуречный сок.

Из тьмы к нам приближалось освещённое судно — в порт входил какой-то теплоход. Видимо, издалека: люди — ночью-то! — толпились у бортов, привставали на носки, нетерпеливо вглядывались в родной город...

Я тоже посмотрел на берег. Далеко-далеко оставалась уже тонкая цепочка городских огней, всё уменьшалось голубое неоновое пятнышко — морской вокзал, и на самом верху крайней сопки качался, будто прощался, последний фонарь. Тут и у меня сердце защемило: когда-то я теперь вернусь!..

На баке командовал боцман, команда быстро сворачивала тросы.

Вот гуднул катер и отвалил в сторону. Вот за бортом проплыл маяк, послал нам луч напоследок.

«Чаленко» приподнялся, как пловец перед рывком. Совсем свежо напружинился ветер, могуче занесла нас волна.

И опять, как несколько лет назад, я почувствовал: вот она, палуба, под ногами; вокруг гудит ветер, а впереди — океан. Японское море.

ЖИВ ШУБЕНКО!

Пока мы выходили из залива, я поглядывал на капитана и думал: «Да, переменился Шубенко. Этот уже пачангу не спляшет и прыгать через десять ступенек не станет».

Но вот утром захлопали на судне двери, запахло мылом, зубным порошком.

Схватил я ведро, тряпку и стал протирать в каюте палубу, как вдруг промчался мимо меня Бойс — с тапкой в зубах. Урчит, головой мотает. А за ним Шубенко! Смуглый, как когда-то на Кубе. Кричит:

— Дог-гоню р-разбойника! — А сам смеётся: — Дочкин подарок внимания требует, веселье любит!

Тут и мне веселей стало: это уже похоже на прежнего Шубенко. А что на мостике держится солидно, так что ж... Всё правильно: капитан!

«КОНИЧИВА!»

Шли мы быстро.

Сначала штормило. На палубу то и дело шипя накатывалась вода, и Бойс, сидя на капитанском стуле у окна, сердито рычал на каждую приближающуюся волну.

— Так её, так! — весело приговаривал Шубенко.

А как-то в полдень потрепал Бойса по загривку и похвалил:

— Ну, молодец, пёс! Море успокоил!

Море стало ясным, зелёным. За бортом прозрачными парашютами заиграли медузы, потом, распустив щупальца, прошла какая-то большая, коричневая — из южных вод.

Кто-то вдруг крикнул:

— Ты смотри! Вот идут! Хоть беги по ним, как по мосткам!

Это за бортом широкими лбами вспарывали воду дельфины. Один — наверное, вожак — шёл впереди. И, отталкиваясь от упругой синей воды, как гимнасты на батуте, за ним прыгали остальные.

— Хороши! — сказал Шубенко.

Вожак сделал стойку и пошёл по воде на самом кончике хвоста.

На палубе собралась вся команда.

Выбежал старпом проверить, не разгулялись ли где брёвна, — остановился.

Вышла дневальная вытряхнуть скатерть, да так у борта и замерла.

Натирал матросик у мачты стальные тросы тиром, чтоб не ржавели, — оглянулся; руки-то продолжают работать, скользят по тросу вверх-вниз, а сам смотрит.

Такое уж дело — дельфины!

— Молодцы! Прямо к Японии тянут! — определил Шубенко.

Вечером сели мы в кают-компании ужинать. Кто-то спохватился:

— Братцы, во Владивостоке-то сейчас футбольный матч! «Луч» играет! Вот бы посмотреть по телеку. Да не достанет, наверное...

Я подошёл к телевизору, повернул выключатель — по экрану побежали быстрые полосы, затем отпечатались вдруг белые, острые знаки, иероглифы, появилось женское лицо. Женщина улыбнулась и сказала:

— Коничива!

Капитан кивнул ей в ответ: «Здравствуйте!» — и повернулся ко мне:

— Ну, вот тебе и Япония!

ПОПРАВКИ В ГЕОГРАФИИ

Я старался рассмотреть японский берег в бинокль. И неожиданно увидел впереди какое-то странное волнение воды.

Прямо поперёк моря текла зелёная широкая река. Волны

её поднимались, приплясывали и друг за дружкой напористо шли к северу.

Я протянул бинокль штурману. Он скользнул по горизонту взглядом и сказал:

— Так это же Куросиво, тёплое течение.

Странно! Сколько раз бывал здесь, а Куросиво, про которое отвечал ещё в школе на уроке, увидел впервые!

Я скомкал лист бумаги, бросил вниз, и он, покачиваясь, быстро побежал в сторону от нас. По знаменитому тёплому течению.

Между тем впереди на острове забелел уютный маячок, потянулись навстречу старые рыбацкие шхунки. На рубках у них чернели иероглифы. На бечёвках, как флажки, трепыхались сушёные каракатицы.

Вокруг запахло рыбой, брезентом и резиной от рыбацких сапог.

Шубенко вышел покурить, посмотрел на берег и покачал головой:

— Ну японцы. Опять меняют географию! Снова вноси поправку в лоции.

Я сначала не понял, а присмотрелся к берегу и не стал спрашивать почему. И так видно.

Стоит у берега земснаряд. Всасывает насосом песок с морского дна и намывает к острову. К старому берегу молодой, ещё весь жёлтенький, прирастает. Бьёт в насыпь волна, набрасывается на песок, старается утащить обратно. Но берег растёт, теснит море.

Ходят по новой земле тяжёлые катки, трамбуют её, укатывают. Кричат рабочие в жёлтых касках, работают изо всех сил лопатами.

Скоро они поставят причал, поднимут новые маяки и выйдут встречать корабли!

— Коничива!

●

СВЕТЛЯЧОК

Справа по борту всю ночь угадывался берег. Вдоль него блуждали лёгкие огни катеров. Но потом нахлынул туман, всё исчезло, и штурман Володя включил локатор.

Сначала в центре экрана возникло пятно, потом от него протянулся и забегал по кругу яркий лучик. Он вращался, словно что-то нащупывал. Вот прояснилась на экране береговая полоса. А возле неё объявился зеленоватый светлячок: локатор обнаружил рядом с нами какое-то судно.

Скоро за бортом появилось голубое сияние.

Я выглянул за дверь.

Ничего себе светлячок! Нас обгонял четырёхпалубный лайнер. Все палубы его были ярко освещены. В открытых дверях тут и там темнели фигурки пассажиров. Иллюминаторов было так много, и все они так весело отражались в воде, что казалось, по морю плывёт целый праздничный город.

С теплохода доносилась музыка. И жаль было, что она проплывает так быстро.

Через час светляков в локаторе стало ещё больше. Будто в него насыпали горсть каких-то светлых зёрен.

Штурман посмотрел на экран, схватился за голову, крикнул:

— Вахтенный, право руль! — и побежал звонить капитану.

Шубенко вошёл в рубку, сонно тряхнул головой:

— Ну, сейчас достанется! Опять перед заливом пошли катера.

В это время туман полез влево — будто за шнурок потянули штору, — и впереди обозначились сотни пароходов, больших и малых.

Я снова посмотрел в локатор. Там пятна были светлые, а в заливе суда стояли тёмные. Они едва заметно качались на воде и, казалось, чего-то ждали. На трубе каждого из них было нарисовано солнце.

Шубенко закурил и тревожно сказал:

— Японцы-то, кажется, бастуют. А если бастуют и грузчики, застрянем!

В рубке раздался писк радиотелефона, потом в нём кто-то захихикал, и вдруг несколько голосов затараторили по-японски.

Тогда Шубенко снял трубку и спокойно сказал:

— Кавасаки, Кавасаки! Ай рашен шип «Витя Чаленко»... Я — «Витя Чаленко». Жду лоцмана. Жду лоцмана.

— «Ви-ть-тя Тш-а-аленко»? — спросил откуда-то с берега тонкий голосок.

И началась весёлая перекличка...

Мы входили в Токийский залив.

МАТРОССКОЕ ИМЯ

Как-то разом всё заалело. Я положил руки на поручни и удивился: руки-то у меня алые!

Сопки вдали светились, будто пламенеющие горы угля. Алыми стали вокруг пароходы, кричали алые чайки. И навстречу нам по-утреннему бодро торопился алый катер с большими буквами: «Peilot».

С катера на трап ловко прыгнул лоцман и, раскланявшись, побежал в рубку. На нём был лёгкий серый костюм, резиновые сапожки. А короткие, ёжиком, седые волосы розово блестели, как иней в зимнее утро. На боку у него висел транзисторный передатчик с тонкой сверкающей антенной.

Лоцману сразу подали, как положено, кофе. Он взял с подноса дымящуюся чашечку, высунулся в окно, глянул влево-вправо и тут же отдал команду по-японски на буксир, а по-английски — вахтенному.

Вахтенный повторил команду и повернул руль.

В транзисторе тоже послышался голос: на катере повторили команду. И мы двинулись вперёд.

Теперь громадные пароходы, стоявшие безмолвно на якорях, оказались совсем рядом.

Шубенко не ошибся: японцы бастовали.

— Тысяча двести судов! — сказал лоцман и сделал глоток из чашечки. — Стоят два месяца. Просят увеличить заработок.

— Требуют! — уточнил Шубенко.

— Да, да, требуют, — закивал лоцман.

Скоро рейд остался позади, а навстречу нам из порта пошёл громадный голубой голландец «Принц Оранский»...

Лоцман что-то сердито закричал, грозя ему пальцем.

— Куда же он — прямо на нас? — спросил я у Шубенко.

— Обойдёт! — уверенно сказал капитан.

«Принц» тут же взял правее, гуднул. На борту у него собралась команда. Все смотрели на нас, читали название. Наверное, гадали, кто это такой «Вит-ья Тща-а-аленко». Принц? Президент?

Конечно, не всякий знает, что был на земле такой мальчишка, хотел стать моряком. А началась война, надел матросскую тельняшку и прибился к взрослым, в разведку. Отважным был разведчиком, отправлялся в поиск, ходил за «языком».

Как-то во время боя залегли бойцы у высоты под смертельным огнём — дот на пути, косит из пулемёта. А Чаленко взял гранаты и пополз.

Пробрался к доту поближе и бросил в амбразуру гранату, другую — под корень! — и поднялся во весь рост: «Вперёд!»

Весь взвод метнулся к вражьим окопам. А впереди мальчик с автоматом.

Выбили с высоты фашистов.

В каждом бою старался Витя быть впереди. А когда упал от пули, только и попросил друзей: «Передайте маме мой орден, блокнот, бескозырку и скажите: пусть не плачет».

Погиб, как настоящий матрос.

Вот чья фамилия на нашем борту, вот чьё имя читают моряки во всех портах, по всем океанам.

ПЕРЕВЁРНУТЫЕ МАЛЬКИ

Я всматривался вперёд. Было мне легко, радостно. Снова вижу море, Японию, корабли!

Одно удивляло: рыбаков-то в заливе нет! Нет маленьких рыбацких шхун, на которых суетятся в синих куртках работящие японские рыбаки. Не видно ни флажков с солнышком, ни сетей.

Я сказал капитану:

— Рыбаков-то не видно.

— Да что ты! Какие теперь в заливе рыбаки, какая рыба! Всё отравили.

Я вздохнул раз-другой, даже нёбо защипало от кислоты и серы.

А Бойс выглянул в дверь, повёл носом и недовольно спрятался в рубку.

Вода вокруг стала коричневой, рыжей. У борта проплыла дохлая рыбина, за ней другая. Потом появилась стайка странных мальков. Они то подпрыгивали, то старались уйти вглубь, но один за другим переворачивались и, мёртвые, плыли вслед за большими рыбинами...

На минуту над заводами, над мачтами пароходов всплыло солнце, всё облило малиновым светом, но тут же ввалилось в густую полосу дыма, задохнулось и, вздрагивая, заколыхалось в облаках гари. Как перевернувшийся малёк.

Запахло циновками, загрохотали портовые краны, и показались пакгаузы с иероглифами на стенах.

Мы пришвартовались.

По трапу к нам уже бежали раскосые смуглые грузчики

в оранжевых касках, в тряпичных тапочках — большой палец отдельно — и приговаривали по-русски: «Давай-давай!»

Началась выгрузка.

ПОРЯДОК!

Теперь я был в Японии. Но вот где «Новиков-Прибой», на котором я пойду в Америку, в каком порту?

Несколько раз я брал бинокль и рассматривал стоящие у причалов суда... В наступившей жаре и духоте все очертания расплывались.

Может быть, этот, за пакгаузами, — белый, с могучими мачтами? Или вон там, высокий, сероватый, дальше по заливу, в Иокогаме?

Я сошёл на причал.

С улицы пахнуло рыбой. От рыбной лавочки торопливо шли грузчики. Одни несли в ладонях горстки ракушек, другие размахивали вязками вяленой рыбы.

Из маленьких серых домиков, как на всех тихих улицах, вежливо улыбались и кланялись седые японки в дешёвых кимоно. Вот простучали деревянными гета японки побогаче — в цветных одеждах. Вот молодой папаша-очкарик понёс за спиной дочку.

Вдруг кто-то тронул меня за рукав. Я оглянулся. Две аккуратные девочки протягивали мне запечатанный ящик с прорезью в крышке: «Пожертвуйте для больных».

Чуть дальше переглядывались два япончика в школьной форме с альбомами под мышкой: интересно! Человек из-за границы приплыл.

Я бросил в ящик несколько монеток, девчонки тряхнули чёрными волосами и убежали.

Тогда один из мальчишек смущённо хихикнул и попросил:

— Сувенир...

Я опустил руку в карман — там завалялось несколько наших копеек, — протянул мальчишкам. Они взяли монеты, засмеялись и припустили через улицу. Потом оглянулись, крича:

— Аригато! Спасибо!

Я ещё прошёлся и поднялся на судно.

— Ты где бродишь? — встретил меня Шубенко.

— «Новиков» ищу!

— Порядок! — сказал он. — «Новиков» твой в Иокогаме. И мы там будем. А завтра — в Токио. Тут у нас есть один знакомый деловой японец. Из фирмы, которая с нами торгует. Завтра едет в Токио, подбросит и нас. Посмотрим на город, на Токио-тауэр. И купим наконец дочке куклу. Три года обещаю и всё никак не привезу! Поедем?

ПОЮЩАЯ ЛАПША

Я нагладил парадные брюки, рубашку и пошёл побродить по судну. Не сидится! Завтра — в Токио!

В кают-компании команда смотрела японский телефильм.

Вдруг фильм прервался. По экрану покатились бутылки с соком. Рядом с ними возник пухлый малыш. Он стал пить сок и превращаться в могучего белозубого японца. Реклама. Это мне уже случалось видеть не раз. Я вышел на палубу.

Краны молчали. У грузчиков начинался ужин. Они сидели на корточках у стены пакгауза и быстро ели из пластмассовых коробок палочками рис или ловко макали в коричневую соевую подливу листья морской капусты, деловито отправляли их в рот и от удовольствия покачивали головой. Кто приправлял свой ужин кусочками рыбы, кто ракушками.

Небо становилось фиолетовым, поздним. А тишина дальней-дальней — на весь залив.

Из-за пакгауза донёсся звон колокольчика: динь-дон, динь-дон... И на причал въехала маленькая коляска с ящиком. Вёз её невысокий хрупкий паренёк. Рубашка у него была выпущена поверх брюк и раскачивалась в такт шагам... Смотрел он по сторонам нерешительно, даже, казалось, застенчиво. Но вот кто-то из грузчиков окликнул его и подбежал с коробкой в руке.

Мальчик остановился, открыл ящик, из которого дохнуло облачко пара, зачерпнул поварёшкой и положил в коробку порцию лапши. Грузчик бросил мальчику монетку, а тот уже доставал новую порцию: к нему торопился второй грузчик, и от стены поднимался ещё один.

Мальчик положил им тоже и уже решительней окинул взглядом остальных: не хочет ли ещё кто?

Но грузчики больше не обращали на него внимания. Одни прикорнули на часок в проходе на палубе, другие, расстелив

газеты, ложились вздремнуть прямо на бетонном причале. И мальчик покатил тележку к другим судам.

— В прошлый раз старик ездил, — сказал кто-то из матросов.

— Может, дед заболел, — предположил вахтенный. — Или просто послал парнишку учиться делу. Жить-то надо! Каникулы... — усмехнулся он. — Идёт поёт: «Лапша, лапша!» И повозка-то называется «Поющая лапша».

Издалека, как однообразная песня, всё доносился тонкий крик мальчика.

Быстро наступил вечер, стало прохладно. Иероглифы на зданиях запылали, как под ветром угли в костре. Вдалеке неоновым сиянием засветился Токио.

Грузчики взялись за работу. А внизу, за трапом, снова раздалось: динь-дон, динь-дон... Мальчик опять толкал свою тележку — в обратную сторону.

Теперь он шёл устало и только изредка всё ещё поглядывал вверх в надежде на случайного покупателя.

Но покупателей не было, и он, согнувшись, шёл дальше.

— Так и будет ездить, пока всё не распродаст, — сказал вахтенный.

Я постоял ещё, прислушиваясь к плеску воды, и отправился в каюту.

Прилёг на койку и стал смотреть в иллюминатор.

Вот засветились на небе несколько звёзд. Потом под резкий заунывный гудок по пакгаузу пробежал синий свет — проехала ночная полицейская машина. Крикнула испуганная чайка и успокоилась.

Только с палубы иногда раздавался мерный скрип троса.

А с причала, то издалека, то совсем рядом, всё слышалось: динь-дон, динь-дон... Как горькая колыбельная, от которой невозможно было уснуть.

●

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Утром, только я прибрал в каюте и сделал зарядку, на причал вкатилась новенькая легковая машина «тоёта».

Молодой японец в чёрном костюме покрутил вокруг пальца сверкающий золотистый ключик на цепочке и крикнул по-русски:

— Добрый день, капитан-сан!

Шубенко сверху помахал ему рукой:

— Коничива, Исиро-сан! Как жизнь?

— Отлично! — улыбнулся японец, снова весело взмахнул ключиком от машины, будто всё в жизни открывалось им, и спросил по-русски: — Ну что, едем?

— Пять минут на сборы! — приказал мне Шубенко.

А через десять минут мы уже сидели в машине.

Исиро-сан вырулил на шоссе, включил магнитофон. И под тихую приятную мелодию мы помчались по Хайвею — свободному шоссе до Токио. Мимо рисовых полей с крестьянами в соломенных шляпах, мимо фанерных домиков и каналов с серыми баржами...

Всё мчалось, торопилось, неслось.

Мы взлетели на мост. Исиро-сан прямо из автомобиля протянул девушке в форме несколько иен, получил квитанцию: проезд оплачен. И скоро перед нами распахнулся ошеломляющий город.

Дома теснились, поднимались один над другим, как акробаты в цирке. Над теми, что взобрались выше остальных, сияли названия фирм: «Хитаци», «Мицубиси», «Атака», «Сони».

А вдали, опираясь на алые стойки, высилась знаменитая токийская телебашня Токио-тауэр.

Машина катилась, как шарик в китайском бильярде: из тоннеля — на мост, с моста — в тоннель. И вышка быстро вырастала перед глазами, будто только что выпила несколько бутылок разрекламированного витаминного напитка.

Неожиданно над нами, оседлав рельс на столбах, промчался монорельсовый поезд. Я привстал, чтобы выглянуть. А Шубенко сказал:

— Ну молодцы японцы!

Исиро-сан улыбнулся одними губами и прибавил скорость.

Следом за другими машинами наша «тоёта» скользнула в гулкий тоннель.

Я пытался разглядеть, что там впереди. Со всех сторон, как огоньки глубинных рыб, светились лампочки автомобилей.

— Идём, как в подводной лодке, — сказал капитан.

— Зато быстро! — откликнулся Исиро.

Но вот передние машины остановились.

Затормозили и мы.

Все включили свет.

Стоянка затягивалась. Тоннель наполнялся синим тяжёлым дымом.

— Скоро начнём переворачиваться, как мальки в заливе, — сказал я.

— Что мальки! — Шубенко посмотрел на меня. — От этих газов люди погибают. За один июнь в Токио пострадало больше ста детей. Во вчерашней газете написано.

Исиро-сан сначала вроде бы не слышал, а потом коротко уточнил:

— Сто восемьдесят.

— Весь Токио в дыму! Строить дымоуловители хозяевам не хочется, за это нужно платить, — сказал Шубенко. — А платить нужно. И думать, как бы всю землю не отравить!

Исиро-сан холодно усмехнулся. Вспоминать о японских неприятностях он, видимо, не любил, но согласился:

— Думать нужно.

Наконец машина впереди двинулась. Мы за ней. И, как в подводной лодке, вынырнули в центр Токио, среди самой настоящей автомобильной реки.

Исиро завёл машину в подземный гараж, в лифте вывез нас наверх и снова взмахнул ключиком, словно им открывалось всё на свете: «Путь открыт!»

Мы поблагодарили его и попрощались.

АВТОГРАФ ИЗ ТОКИО

Через дорогу за высокой каменной стеной на скале белел древний императорский дворец.

Я разогнался к нему, но впереди зажёгся красный огонь светофора, и все японцы замерли у края пешеходной дорожки:

— Машин-то пока не видно. Ни одной! Чего стоят? — сказал я капитану.

Японцы переглянулись, посмотрели на меня и ещё аккуратней отодвинули носки ботинок за черту.

— Учись! — сказал Шубенко. — Никаких столкновений! — и похлопал меня по плечу, как, бывало, наш старый капитан.

Но вот светофор глянул на нас зелёным глазом, и мы перешли через дорогу.

В прудах перед дворцовой стеной плавали толстые золотые карпы. На газонах качали ветвями широкие добрые сосны. Я подошёл, погладил хвою — пушистая, бархатная. А отпустил ветку, смотрю — на ладони отпечаток сажи. Словно хвоинка иероглиф мне отпечатала. Достал я блокнот, приложил хвою к листку — тоже оттиснул. Настоящий автограф — иероглиф. Из самого центра Токио.

Только как он переводится?

Может быть: «Помогите»? А может быть, как сказал Шубенко: «Думать надо».

ВНУЧКА ФУДЗИЯМЫ

Мы шли в гору по шумным токийским улицам. Я оглядывался на голубые плакаты, на которых сверкала белоснежная гора Фудзияма. А Шубенко говорит:

— Пойдём, сверху увидишь настоящую!

Неожиданно, как Гулливер, расставив стальные опоры, из-за домов возникла алая громадина Токио-тауэр...

Раздался крик, хлопнул выстрел, и навстречу нам вылетел упругий мяч: два повара из башенного ресторана, улучив минуту, играли в бейсбол. Вся Япония играет в бейсбол!

Шубенко поймал мяч, броском вернул хозяину и пошёл к лифту.

Через мгновение прямо возле нас, за стеклом, замелькали в небе птичьи крылья и внизу во все стороны разбежался Токио. Он раскинулся так широко, будто не один город, а десятки городов смешались друг с другом и толпой направлялись к океану. Неподалёку виднелась громадная тарелка с зелёным дном — Олимпийский стадион. А вокруг на крышах цветных зданий светились бассейны, спортплощадки, крохотные спортсменчики гоняли по ним микроскопические мячи и вертелись на перекладинах.

Шубенко потянулся и сказал:

— Я и сам бы размялся на турнике. А ты?

А я смотрел вдаль, на голубое токийское небо, где должна была белеть гора.

— Всё Фудзияму никак не найдёшь? А раньше никогда не видел?

«В том-то и дело, что видел. В том-то и дело», — подумал я.

Как-то в маленьком японском порту рабочие пригласили нас в посёлок, к самой Фудзияме, которую, как человека, с уважением называют «Фудзи-сан».

Мы поехали.

Сначала всё вокруг забивал туман. Не только Фудзиямы, а и дороги не видно — такой туманище!

Провожатые виновато шутили:

— Не видно Фудзи! Фудзи-сан сегодня не в настроении.

Но вот пробежал поверху ветерок, смахнул туман, облака. И в небе забелела снегами гора. Как белая шляпа над Японией. Засияла, заискрилась.

Японцы сразу оживились:

— О, видите, Фудзи-сан развеселилась. Гостей встречает!

У подножия горы на зелёных полях старательно наклонялись к земле крестьяне. А на головах у них сияли островерхие шляпы — совсем как маленькие Фудзиямы.

Народу вечером набилось в рабочий клуб — ступить некуда.

Вышли мы на сцену, рассказали о Москве, о Владивостоке. О том, как живём, работаем. Даже спели. Раз просят, отчего не спеть!

Японки подарили нам цветы. А японцы поклонились, говорят:

— Теперь наши песни послушайте!

Один старичок сыграл на старинной флейте.

Потом паренёк то ли песню спел, то ли стихотворение прочитал.

А под конец поднялся рабочий с двумя дочками, засмеялся весело и объявил:

— Сейчас мы споём для друзей японскую народную песню «Катюша».

Тут засмеялись и мы и японцы, зааплодировали. И все запели!

И не успели допеть последние слова, выбежала на сцену ещё одна девчушка. Совсем маленькая, в большой «фудзияме».

Третья дочка!

Замахала в обиде ладошкой на сестёр, заплакала: отчего не подождали, ей тоже перед гостями выступить хочется!

Подождали бы, да ведь нам некогда! «Сёкай — дружба» — хорошо, но пора на судно!

Японцы проводили нас к автобусу, а сами взялись за руки, раскачиваются и кричат:

— Дружба — сёкай! Дружба — сёкай!

Вдруг слышим, девчоночий голосок в окно доносится.

Выглянули, а это маленькая певунья забралась к отцу на плечи и для нас японскую песню затягивает!

Громче всех поёт.

— Ну, боевая! — развеселились мы. Собрали все цветы в один букет и протянули девочке. Заработала!

Всю букетом закрыли, одна соломенная «фудзияма» над цветами высится.

Я потом не раз проплывал мимо этих мест. Выйду, бывало, на палубу, смотрю в сторону гор и вижу: шумит вокруг нашего автобуса толпа, а над ней — две Фудзиямы.

Одна вдали — большая, снежная. Сияет над всей Японией, а другая — маленькая, словно её внучка; сидит на отцовских плечах за букетом цветов, и только звонкий голос из-под шляпы доносится. Для друзей поёт!

Сейчас старшая Фудзи была «не в духе».

И сколько я ни всматривался, только припоминал её, а разглядеть не мог.

КОЛЁСА ЯПОНИИ

Не успели мы пройти квартал, другой, как набежали облака, столкнулись и хлынул ливень. Над японцами, над японками раскрылись зонтики. А мы бросились под мост, по которому грохотала электричка.

Под мостом — ряды лавочек.

В левом ряду висят брюки, свитера, колышут руками нейлоновые рубахи. Направо — разные древности: бронзовые

драконы, фарфоровые чаши, а на лотке мерцают древние монеты.

Направился я к ним: другу-то обещал. А Шубенко показывает:

— Ты сюда посмотри!

По стене ползли черепашьи панцири, возле них бодался настоящий самурайский шлем с обрубленными рогами. Шубенко взмахнул рукой, как мечом, рассмеялся:

— Посшибали!

В витринах колёсиками сверкали десятки транзисторных приёмников самых разных марок.

— Хороши колёсики! — отметил Шубенко.

Над головой опять загрохотало, промчалась электричка, рубахи и брюки на вешалках закачались. Будто мы ехали в длинном, бесконечном поезде.

И Шубенко опять сказал:

— Вот Япония. Кругом колёса! Внутри колёса, с боков колёса, сверху колёса! Техника!

Но вот дождь кончился. Мы вышли из-под моста и вдруг услышали странный шум.

С внешней стороны моста в стену был встроен целый ряд каморок. На их окнах стопками лежали новые, только что сшитые рубахи. В открытых дверях колебались под ветром циновки, а за циновками двигались босые истрескавшиеся ноги.

Людей не было видно, только их ноги нажимали на педали швейных машин, словно мчались наперегонки на одном месте.

Когда вверху грохотал поезд, казалось, что ноги нажимают на педали ещё быстрей, словно мчат на себе и этот мост и эти быстрые вагоны, а когда поезд проходил, казалось, что они бегут изо всех сил вслед и стараются его догнать...

— Да, это тоже колёса Японии, — вздохнул Шубенко.

●

НОВЫЕ ПОПУТЧИКИ

Магазинов вокруг было множество. Сверкали витрины, кланялись из-под веток синтетической сакуры франтоватые манекены. Раскачивались у входов воздушные шары в иероглифах. А кукол не было.

Попались однажды несколько под стеклянными футлярами — в халатах из золотой парчи, с гребнями-лопатками в чёрных волосах.

Но Шубенко щёлкнул пальцами:

— Красивые, да не те! Их и в руки-то не возьмёшь!

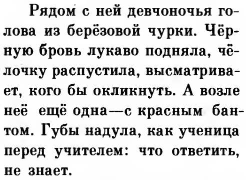
И вдруг я заметил небольшой прилавок.

Старик продавец пригласил нас кивком: «Посмотрите».

Полон прилавок деревянных кукол! И все разные.

Одна толстенькая, как матрёшка, да грустная. Склонила набок большую голову и горюет. Деревянная, а кажется, вот-вот живые слёзы закапают.

Рядом с ней девчоночья голова из берёзовой чурки. Чёрную бровь лукаво подняла, чёлочку распустила, высматривает, кого бы окликнуть. А возле неё ещё одна—с красным бантом. Губы надула, как ученица перед учителем: что ответить, не знает.

Вот японочка в шляпе «фудзияме». Дальше — рабочий, совсем как те, что на причале едят палочками рис и спят на газетах.

Да, тут настоящий мастер поработал! Он, видно, хорошо

знает, отчего японцы плачут, отчего им весело. Поэтому и куклы его хоть из чурочек, а живее иных живых!

Нужно купить!

Приглядел я себе целое деревянное семейство: стоят папа, мама и дочка и, видно, думают: «Куда бы отправиться на прогулку?»

Конечно, со мной! У меня дорога дальняя. Пусть поплавают!

А Шубенко взял в руки матрёшку-горюху, подбросил и рассмеялся:

— Ну, хватит горевать! Пошли с нами. Моряки народ весёлый, живо развеселим!

Город тем временем менялся на глазах.

Минута — и он порозовел, будто его окунули в розовую краску; потом сделался фиолетовым, словно накинул фиолетовое кимоно, на котором светились неоновые узоры; а через полчаса — густо-синим. И вокруг нас запрыгало столько цветных огней, что казалось, мы попали в цирк.

Над домами загорелись десятки неоновых картин. В центре засверкал, закружился электрический глобус. По крышам побежали огненные буквы реклам.

Город стал жонглировать огнями, как восточный иллюзионист. Каждый дом хотел показать самый сногсшибательный фокус.

— Не Токио, а Кио! — сказал капитан.

Мы сели в такси, выбрались из центра, и фокусы прекратились.

Мимо замелькали улочки, на которых тихо светились в окнах уютные огоньки, пахло вяленой рыбой, креветками, овощами.

И приветливо кланялись хозяева лавчонок, похожие на наших деревянных спутников.

Снова под колёсами промчался большой мост — Токио кончился. И впереди открылась дорога, небо и звёзды.

Шубенко запел; я тоже стал подпевать.

Так мы и ехали, пока не увидели в луче света красную трубу с серпом и молотом, японских грузчиков, дремлющих на причале, пока не услышали знакомое протяжное «динь-дон, динь-дон».

Свой дом, своя палуба, своя работа.

И ПРОЩАНИЕ И ВСТРЕЧА

На следующее утро мы вошли в Иокогаму. Шубенко с мостика оглядел порт и протянул мне бинокль:

— Ну, смотри.

Я вскинул его, и окуляры заполнили огромные буквы: «Новиков-Прибой».

На корме теплохода стоял могучий человек в берете и махал рукавицей. А на причале нас ждали уже два моряка.

Один ждал, сложив на груди руки, а второй подбрасывал в руке какую-то банку.

— Это мои дружки: Федотыч — механик и Виктор Саныч — «грузовой», идут проведать! — Шубенко положил руку мне на плечо: — Ну, а тебе пора. Собирайся!

Спрятал я в чемодан кукольное семейство, уложил вещи и подошёл ещё раз к капитану — попрощаться.

Он протянул мне руку:

— Ну, будь! Ты пока плыви в Америку, мы — в Арктику, потом в Зеландию вместе. Идёт? А на «Новиков» тебя ребята проводят. — Он посмотрел на друзей.

Я кивнул. Пожал лапу Бойсу и вышел на причал.

«Чаленко» стал отходить. А я всё стою, машу рукой, грустно мне: «Неужто никто меня с палубы не видит?»

Хоть и был-то здесь несколько дней, а привык, освоился.

Но вот появились на мостике капитан, рядом с ним рыжий

штурман Володя, а на руках у него Бойс. Лает на меня: зачем остался?

Я помахал ему: ничего, пёс, встретимся.

Смотрю, а с кормы вся команда прощается.

Вышел «Чаленко» из порта, как загудит на прощание! Я присел было на чемодан да слышу два голоса:

— Ну, пошли?

Оглянулся. А это гости капитана — механик Федотыч и похожий на индейца «грузовой» Виктор Саныч. Стоит, в руке банку кофе подбрасывает. И сам коричневый, как кофейное зерно.

С ними я и пошёл на «Новиков».

«САКИЯКИ»

Поднялись мы по трапу, а навстречу капитан и рядом с ним боцман. Могучий. Брови мохнатые, седые, да глаза под ними добрые. Протянул руку, спрашивает:

— Пополнение?

— Пополнение, Никоныч! — сказал за меня «грузовой».

— Давайте, давайте, — усмехнулся Никоныч. — У меня всегда работа найдётся. Пока устраивайся.

Поставил я чемодан в каюту, а тут опять Виктор Саныч:

— Ну-ка пойдём, кофейку попьём.

Чем ближе мы подходили к его каюте, тем крепче становился кофейный запах.

На столе в графине с кипятильником булькала вода. А на диване, положив ногу на ногу, сидел Федотыч и помешивал ложечкой в стакане.

Виктор Саныч взял знакомую банку, сыпанул мне в стакан две с верхом ложки кофе.

— Много! — сказал я. — Это очень много!

— А Саныч только такой и пьёт! — заметил Федотыч. —

У него кровь пополам с кофе. Оттого он и вертится, как заводной! Грузами, как оркестром, командует.

— А иначе попробуй повертись, — откликнулся Саныч.

В это время в двери появилась голова в рабочей каске, и вошёл высокий парнишка-японец, в руках рукавицы.

Он по-свойски сел и тоже налил себе кофе.

— Это Модзи. С грузчиками в трюмах работает, — сказал Виктор Саныч. — Мы с ним по ночам часто кофеёк гоняем. Для бодрости.

Модзи кивнул. Отхлебнул глоток. Закурил и, выпустив в потолок колечко дыма, важно сказал:

— Завтра все ко мне домой, на сакияки!

— А что, поедем? — посмотрел на меня и на Федотыча Виктор Саныч.

— Чего же не поехать! — рассудил Федотыч. — Человек рабочий. Да и сакияки — дело вкусное. Национальное японское блюдо!

И я кивнул: едем! Как все, так и я!

Весь вечер я повторял слово «сакияки». Привязалось!

СЕКРЕТ

За рулём «тоёты» нас уже ждал вчерашний знакомый. В простенькой рубашке и в резиновых босоножках на босу ногу.

Виктор Саныч похлопал по спинке сиденья и весело спросил:

— Модзи, «тоёта» твоя?

— О'кей, — кивнул парень и повёл машину.

«Наверное, хороший специалист, — подумал я. — Простой рабочий на такую машину не быстро разгонится».

Модзи небрежно держал руку на руле. Навстречу нам летела красивая дорога. Слева шумело синее-синее море, а спра-

ва нависали жёлтые скалы, все в зелёных кустах, таких пушистых, будто их расчёсывал и взбивал какой-нибудь парикмахер. Через дорогу пробежала цепочка ребят с рюкзаками, в панамках. Посмотрели на нас одинаково чёрными глазами и стали взбираться в гору.

— Начинаются каникулы, — сказал Модзи.

Наконец машина остановилась. Рядом стояли два дома. В глубине одного, похожего на старый склад, громоздились ящики с бутылками кока-колы, сигаретами. За прилавком курил высокий болезненный мужчина, а рядом с ним у столба, подпиравшего крышу, стояли мальчик и девочка. Они робко поглядывали на нас.

Второй дом, справа, был двухэтажный, крепкий. Возле него ветвились ухоженные сосенки.

Я растерялся, не зная, куда идти. Но Модзи показал: «Направо, направо».

У двери стояла полная седая женщина в пёстрой кофте, улыбалась и кланялась.

Я стал было на пороге снимать туфли, но женщина замахала руками и сказала:

— Не надо. У нас сидят только на стульях.

В большой комнате у стола хлопотала краснощёкая толстушка, сестра Модзи. Модзи по-хозяйски осмотрел стол и грубовато стал торопить её: «Быстрей, быстрей!»

Он подошёл к телевизору, включил его, и по цветному экрану помчались цветные всадники. Началась гонка. Раздался крик судьи.

И такой же крик послышался из другой комнаты.

Я оглянулся: там на экране тоже мелькали всадники.

В это время дверь отворилась, и на пороге появился чистенький мальчик с чёрной, будто нарисованной чёлочкой и розовыми щеками.

— О, Ёсуки! — всплеснула руками седая женщина и бросилась к нему.

— Племянник, — сказал Модзи, — Ёсуки.

А Виктор Саныч весело поправил:

— Ёсуки-сан!

И все засмеялись, потому что «сан» говорят только уважаемым взрослым. И Ёсуки засмеялся тоже.

Он достал из портфеля дневник и протянул бабушке. Она стала переворачивать странички слева направо и читать снизу вверх.

Ёсуки помогал ей тоненькими розовыми пальчиками.

Наверное, иероглифы в дневнике говорили, что Ёсуки-сан учится хорошо. Все хвалили его. И только молодой дядя Модзи смотрел на всё это со снисходительной усмешкой.

Бабушка поцеловала внука и сказала:

— Молодец Ёсуки, теперь пора за сакияки!

Мальчик быстро занял место за столом в высоком кресле.

Мы тоже сели за стол.

У моей тарелки лежали вилка и японские палочки. Посреди стола на электроплитке кипело в кастрюле сакияки — мясо с упругой травкой, похожей на вермишель. Я хотел взять вилку, но отважился и попробовал есть палочками. Сперва травка подпрыгнула в них, как резина, и все рассмеялись. Но Ёсуки показал мне, как надо держать палочки тремя пальцами.

Федотыч и Виктор Саныч тоже взяли в руки палочки, и Ёсуки рассмеялся:

— Все теперь — японцы!

Нам всё подкладывали, добавляли. А Модзи почти не ел. Положив ногу на ногу, он курил, оглядывал стол и жестами отдавал женщинам распоряжения: это подать, то отодвинуть.

Но вот мы пообедали. Ёсуки соскочил со стула и сел за пианино, стоявшее в углу.

— «Чижик-пыжик»? — пошутил Виктор Саныч.

Ёсуки ответил на шутку улыбкой и стал играть серьёзные мелодии.

— Вот тебе и «Чижик-пыжик»! — развёл руками Федотыч. — Будущий музыкант. А что? Приплывём когда-нибудь, глядишь, пригласит нас на свой концерт. Пригласишь, Ёсуки?

Ёсуки опять улыбнулся. Бабушка растроганно закачала головой.

А Модзи небрежно усмехнулся, словно говоря: «Всё это ерунда! Не в этом дело!»

Наступил вечер.

Мы вышли на улицу и увидели, что в доме напротив всё так же стоят мальчик и девочка и грустно смотрят на нас, на маленького Ёсуки, на его бабушку.

Потом вышел Модзи, и они тем же взглядом проводили его к машине.

«А всё-таки очень странный рабочий, — думал я по дороге. — И привычки у него не очень-то рабочие. Ученье для него ничто, музыка — ерунда. А что же не ерунда, почему?»

Виктор Саныч, наверное, тоже думал об этом.

— Модзи, сколько ты получаешь? — спросил он.

Модзи улыбнулся:

— Это неважно! Важно, сколько я буду получать!

— Почему? — спросил Федотыч.

— О, это маленькая тайна... — сказал Модзи, Но, видно, ему не терпелось рассказать о ней: — Столько, сколько сейчас получает моя мать. Она президент компании по найму грузчиков. А через несколько лет я займу её место. Все дела вы будете иметь со мной!

И он так посмотрел на нас, будто уже сейчас был президентом.

Федотыч закурил и подумал вслух:

— Вот оно что! Он учится хозяйничать. Он уже теперь завязывает с нами деловые отношения!

Виктор Саныч улыбнулся: «Деловой парень!» — а я посмотрел на убегающую дорогу. Теперь я понимал, почему

грустно смотрели на нас ребята из соседнего дома, почему невесело звенел ночной колокольчик у мальчика на причале.

Просто у них не было маленького секрета, который был у Модзи и который, конечно, был у маленького Ёсуки.

ПОБЕДА

Неподалёку от порта Модзи затормозил, и мы вышли. Ехать дальше было невозможно. Улица была полна народа. Из боковых улочек, из харчевен и магазинов с шумом выбегали люди в робах.

В порту надрывались от гудков буксирные катера, а с моря им отвечали гудки пароходов.

— Что-то случилось, — тревожно прислушался Виктор Саныч.

— Забастовка кончилась! — определил Федотыч. — Народ-то на суда пошёл. Победили!

Кто победил, было ясно. Пели-то моряки!

И мы стали пробираться сквозь толпу в порт.

Мы уже подходили к воротам, когда к Виктору Санычу подбежал взъерошенный японец и дёрнул его за рубаху.

— Ты что?! — отмахнулся Саныч.

Японец стал поперёк дороги и что-то прокричал.

— Что тебе надо? — спокойно спросил Виктор Саныч.

Японец закричал ещё громче и стал хватать за рубахи нас — то одного, то другого. Вокруг собралась толпа.

«Ну, кажется, начинается заварушка! И не поймёшь, из-за чего», — подумал я.

Вдруг взъерошенный японец схватил Саныча за руку и крикнул:

— Янки! Янки!

Федотыч повернулся к японцу и сказал:

— Ноу янки. Мы русские. Рашен. И тоже моряки.

— Ноу рашен! Янки! — упорно твердил японец.

Виктор Саныч показал портовый пропуск: «Читай!»

— «Рашен шип «Новиков-Прибой», — прочитал кто-то, и все вокруг нас зашумели, стали похлопывать по плечам: «Свои, моряки!» — и пошли рядом с нами по причалу. И только зачинщик стычки исчез в толпе, видно, недовольный тем, что мы оказались не янки.

— Весёленькая история! — возбуждённо проговорил Виктор Саныч.

— А если бы на нашем месте были американцы? — спросил я.

— Им бы, наверное, было веселей! — ответил Федотыч. — Могли бы и всыпать.

А мимо к судам всё шли японские моряки, доедали на ходу лапшу, дымили сладковатыми сигаретами, махали нам и, улыбаясь, что-то кричали. Может быть: «Счастливого пути». А может: «Попутного ветра!»

КАК РЕШИТ КАПИТАН

Я расположился в каюте, поставил на полку книги, пристроил рядом японское кукольное семейство: «Плывите, смотрите» — и представил, как будут видны в иллюминатор белые гребешки волн, горизонт. Светло, солнечно!

Но тут в каюте потемнело. Прямо перед иллюминатором подъёмный кран опустил на трюм высокий металлический ящик — контейнер, и от всего солнца мне остался только тоненький серпик с тонкой, как лезвие, полоской света.

— Что? Темно? — заглянул ко мне боцман.

— Да, не очень-то наглядишься на море, — огорчился я.

— Ничего, есть палуба, — утешил Никоныч. — Пошли наверх.

Контейнерами, как маленькими небоскрёбами, были за-

ставлены уже все трюмы. Будто сюда переместился целый городок. По его закоулкам нырял рядом с японцами Виктор Саныч. В белой рубашке, в белых перчатках дирижировал он своим оркестром: это — туда, это — сюда!

А японцы кивали головами.

Возле трюмов ржавыми горками лежали крупные цепи, и я спросил у боцмана:

— Контейнеры будем крепить?

— А как же! Не закрепи — все контейнеры волна расшвыряет. Волны-то до мачт! Вон Витька помнит, — и Никоныч показал на круглолицего матроса в берете, с усиками.

— Ого, прошлый раз как штивануло — так полконтейнера всмятку! Треснул, будто скорлупа!

— Океан! — весело сказал бородатый матрос, сверкнув стальными зубами. — Вон Наташку чуть не выбросило, — пошутил он, кивая на стоящую рядом девчонку в тельняшке.

— Меня-то? — изумилась она. — Сам держись!

А я только и хотел, чтобы «штивануло» покрепче: соскучился по шторму.

Наконец японцы установили последний контейнер, сняли рукавицы. Сбегая по трапу, замахали ими:

— До свиданья!

А боцман, наоборот, свои рукавицы надел, захватил могучей рукой цепь и крикнул матросам, как своим детям:

— Витька, Яша! Пошли!

Цепь загрохотала. Я тоже подхватил звено. Ноги от тяжести сразу примагнитило к палубе. И мы потянулись за Никонычем крепить контейнеры.

К концу дня выбежал Виктор Саныч проверить крепления, постучал по тросам ладонью, ударил каблуком и сказал:

— Хорош!

— А то как же! — откликнулся Никоныч и сам постучал по цепи кулаком. — До самого Лос-Анджелеса выдержат.

Скоро в динамике раздалось: «Палубной команде занять места по швартовому расписанию».

Мы выбрали из воды тяжёлый швартовый конец и ходко направились из залива.

На берегу всё ещё мигали множеством искр Иокогама и Токио. Вскидывались зарева, словно кто-то шевелил палкой в большом костре.

Но машина работала всё быстрей, и огни постепенно погружались в воду. Темней становилось небо, как морские ежи, шевелили иглами звёзды.

Потом в вышине побежали тонкие белёсые облака. И вдруг на нас плотной стеной надвинулся мокрый холодный туман.

— Ну вот и Япония позади, — подумал вслух боцман.

— Скоро в бассейне будем купаться, — сказал Витя.

— Это ещё как сказать: как пойдём — югом или севером. На север — бр-р! — вздрогнул кто-то из машинистов.

— Как капитан решит, так и будет, — заключил боцман.

А я подумал: «Да как бы ни шли, всё равно в Лос-Анджелес».

СЕВЕРОМ ИЛИ ЮГОМ?

И всё-таки мне не терпелось узнать, как пойдём.

Хотелось югом. Про юг только подумаешь, а перед глазами уже синие волны, стаи летучих рыб, пальмы над островами.

Я открыл дверь рулевой рубки и оступился. Темень! Только с переборки смотрели на меня зелёные цифры часов.

Потом кто-то прошёл мимо:

— Не спится?

Капитан! Голос его я узнал сразу.

— Не спится, думается потихоньку, — ответил я.

— О чём? — Капитан говорил чётко, отрывисто, как отдавал команду.

— Как пойдём...

Капитан усмехнулся.

Он может и не ответить. Это уже капитанское дело. Но он вдруг спросил:

— А вы бы как пошли?

— Я бы югом.

— Так я и знал, — рассмеялся капитан. — Пальмы, острова, акулы...

— Конечно! Да и веселей, — признался я. И вспомнил светящийся лайнер по пути в Японию.

— А хорошо бы, а, Атлас Вогизыч? — сказал в темноту капитан, и из штурманской рубки выбежал почти мальчишка, лобастый третий штурман. — Сколько мы в прошлом году с вами из Европы югом топали?

— Сорок пять суток! — отчеканил парнишка.

— Повезло вам, — как-то радостно позавидовал капитан. — Из училища и сразу в такой рейс. Всю Африку и Азию обошли!

Я посмотрел на штурмана: не штурман, а штурманёнок. А ничего себе «Атлас» — весь атлас обошёл.

— Небось с детства экватором бредили, а? — спросил капитан.

— Не-а, и не думал! — весело сказал штурманёнок.

— А как же на море попали?

— Случайно, — ещё веселей вспомнил Атлас Вогизыч. — Дружок говорит: «Поехали в морское училище». А я у себя в Татарии моря никогда и не видел. Подумал и согласился. Стали сдавать экзамены. Я сдал, а он сплоховал. Он — домой в степи, а я — в море.

— Повезло! — сказал капитан. — А я всю жизнь мечтал о море. Учился в школе — думал о море. Работал в шахте, а в голове — море! Тоже юг, пальмы, корабли... — И вдруг он крикнул: — Десять влево!

— Есть десять влево! — ответил вахтенный.

Перед самым носом теплохода во тьме замигал фонарик. Наверное, заплутал какой-нибудь японский рыбак. Ползает без огней — того и гляди, налетишь.

Лодка быстро стала отгребать в сторону, а капитан скомандовал:

— Наблюдать! — И повернулся ко мне: — А там, на юге, на каждой миле пароходов и лодок — как такси на улицах. Туда-сюда! Ни матросам, ни штурманам ни сна, ни отдыха. — И усмехнулся: — А отдыхать-то всем надо. И нам с вами тоже. Пошли по каютам!

Я спустился в каюту. Прикрыл иллюминатор, лёг и тут почувствовал, как гудят руки.

КАК ПОЛОЖЕНО

Утром я натянул робу, влез в сапоги. Хорошо, удобно. А Виктор хлопнул меня по плечу:

— Вот теперь ты матрос.

Никоныч достал ещё широченный плащ, зюйдвестку и велел:

— Надевай. Пароход мыть будем.

Потом осмотрел меня со всех сторон быстрым зелёным глазом — второй у него был белёсый, как в тумане, — и загудел:

— Ну, гвардия, пошли! Ты — с Витей и с Яшей мыть надстройку. Остальные — за мной, на палубу. Вымыть мне пароход, как младенца! Чтоб всё...

— ...как положено, — закончил бородач Яша и выбил вдруг ногами чечётку.

— Точно, — подтвердил боцман.

Я схватил ведро, побежал за горячей водой и заплутал. Смотрю, на трапе — Наталья, рукава тельняшки закатала, что-то напевает и драит ступеньки тряпочкой. Вспыхивают

медяшки, как золотые. Оглянулась на меня и показывает: «Горячая вода в душе!»

Набрал я воды. Яша наладил шланг, Витя — щётки. Развели в кипятке мыло и взялись за дело.

Помыли переборки, добрались до трубы. Витя посмотрел вверх, сдвинул берет на затылок и говорит:

— Сверху мыть надо.

Забрался на трубу, пристроился и давай сверху щёткой гарь счищать. Я натираю трубу снизу, а Яша из шланга грязь смывает. Вода свистит, даже без солнца, как павлиний хвост, сверкает. Яша мокрый, вся борода в ручьях!

Вдруг шланг вырвался у него из рук, струя хлестнула вверх. Витя нырнул за трубу, как закричит:

— Ты что, борода! Меня смоешь!

Яша засмеялся, весело сверкнули зубы: «Ничего! Не смою!»

Взялся за шланг я. И у меня он хитрит, как живой. Выворачивается, упрямится. Направил я воду на трубу, а брызги в ответ по лицу, по плащу, как дробью, хлещут. Я прихватил брандспойт покрепче, прижал пальцем край, и вода веером пошла по трубе. Краска под нею как лаковая засветилась. Даже посветлело кругом!

Посмотрел я на палубу вниз, там боцман стоит в плаще и зюйдвестке, как рыцарь в латах, и тоже брандспойтом орудует. Вокруг него волны гуляют. Летят вниз обрывки японских газет, коробки от сигарет, куски щепы! Мойка!

Забежал на минуту «грузовой» Виктор Саныч проведать. Оглядел нас, мокрых, и спрашивает:

— Ну как?

— Как положено, — говорю.

Наконец вымыли трубу. Яша обошёл вокруг неё и опять выбил чечётку.

— Ну что, пошли дальше?

А Витя спрыгнул, достал сигарету и сказал:

— Подожди, цыган, не посидишь! Тебе бы с табором кочевать!

— А я и так кочую, — засмеялся Яша. — Вон как — от Владивостока до Америки! И с табором! Это тебе сидеть бы всё на месте, в родной деревне, морковку дёргать. Палубу красишь, а про огород думаешь.

— Ну, цыган! — улыбнулся Витя. — Всё бы ему смеяться!

Так и сверкает зубами. Небось специально вставил, чтоб блестело!

Тут и я рассмеялся: это он верно подметил. Любят цыгане, чтоб блестело.

— Конечно, специально! — отозвался Яша. — Клюшкой на стадионе по зубам вклеили, а жевать-то охота!

Мы захохотали все вместе.

— Жевать, точно, хочется, — сказал Витя и потёр живот. — Ты бы вот погадал, когда обед.

— Позолоти ручку! — подмигнул Яша.

Но тут Никоныч махнул с палубы зюйдвесткой:

— Шабаш, хлопцы! Обедать пора!

И всё вдруг стихло. В машине отключили воду. Шланги успокоились, умолкли. Только ручейки в стоках-шпигатах фурчат, как после тропического ливня. И с нас капли падают: кап-кап...

Докурил Витя сигарету. Бросил — как раз в поток. Она побежала по ручейку и нырнула за борт.

Как положено.

ПРОСТАЯ РАБОТА

После работы Витя показывал команде кино. В коридоре было пусто. Одна Наталья наблюдала, как мы с Яшей играли в китайский бильярд. Бильярд как бильярд. Только вместо шаров бегают по полю шашки. Прицелился... хлоп киём! — и шашка в лузе.

Я уже собрался загнать шашку в лузу, как всё разом сдвинулось, шашки поехали, будто с горы вниз. Это под пароход подкатила волна. За ней другая!..

— Ну, началось, — сказал Яша. — Ох и укачает тебя сегодня, Наташка!

— Меня? — рассмеялась Наталья. — Меня ни в один шторм не укачивало!

А я вдруг встревожился. Сам хотел, чтоб «штивануло», а теперь забеспокоился: прежде-то меня не укачивало, а сейчас не знаю...

Полночи я прислушивался, как ухали за бортом волны, как сипел в тумане гудок. А потом уснул — и хоть бы что!

Сел завтракать — и тут аппетит нормальный. Судно ходит из стороны в сторону. А мне хоть бы что.

Но главное-то работа. Как там получится?

Я побежал в малярку. Кругом туман, всё сырое. По тросам и цепям перебегают из стороны в сторону капельки воды. Ноги скользят.

Но вот поставили мы на палубу железные бочки, положили доски, забрались на них и стали красить потолок. Протрём потолок насухо тряпкой, а потом по сухому уже кистью слева направо, взад-вперёд.

Сбоку волны гудят, забираются одна выше другой. Болтанка и толчея! А мне ничего. Вроде и не замечаю этого. Стою, крашу. Работа простая, а нешуточная: пароход из твоих рук как новенький выходит.

Заработался я, забыл и про качку и про туман. Да Никоныч напомнил.

КАК ДОПРАШИВАЛИ БОЦМАНА

Мы бросили кисти в ведёрко с водой, чтоб не засохли, и оттирались керосином. У меня всё лицо в зелёных веснушках, у Яши борода, словно у лешего, зелёным мхом подёрнута. А Вите с потолка прямо на пшеничный ус капнуло.

Никоныч в вязаной шапочке с помпоном выглядывал за борт, смотрел, как перекатываются по воде молочные туманные хлопья, и гудел:

— Ну, проклятущий, вот проклятущий! Палубу из-за него никак не покрасишь!

— Из-за кого, Никоныч? — спросил Витя.

— Да из-за тумана! Лягушки по палубе скоро запрыгают!

— Ну уж у вас запрыгают!

— Всё равно не люблю я его.

— Будто я люблю!

— Ты — это одно. А я-то всё равно больше твоего не люблю, — сказал Никоныч и сел на перевёрнутый ящик.

Витя мне подмигнул: увидеть Никоныча сидящим в рабочее время — дело редкое. Сейчас что-то расскажет.

Я бросил тряпку в ведро и пристроился рядом на бочке.

— Камень Опасности знаете? — спросил Никоныч.

— А как же!

— Так вот, лет сорок назад сели мы на него брюхом. В трюме пробоина, под нами глубина, а тут как тут самураи. Они тогда на Южном Сахалине хозяйничали. Согнали под оружием всех на берег — и пытать: «Где советские войска, какое у них оружие?» Капитана били-били — молчит. Они кричат: «Боцмана!» Притащили меня в штаб, стали допрашивать — я молчу. Предложили сигареты, а я говорю: «Не курю!» Тогда один молодой офицерик закурил сам и сигаретой мне в глаз. Один-то у меня окалиной побит, так он в другой прицелился... Я хоть раньше никогда никого пальцем не трогал, схватил табуретку: «Ну, сейчас они меня уложат, но и я их всех переломаю».

Я посмотрел на руки Никоныча, усмехнулся: таким кулаком приложишь — все винтики-шурупчики разлетятся!

— Разбежались японцы по углам, побоялись... И стали остальных допрашивать. Всех били, допрашивали... — сказал боцман. — А уж когда приехали за нами наши представители из посольства, самураи такими хорошими прикидывались! Конфетами угощали, вино наливали. Тоже тумана напускали. Только мы ни к чему не прикасались!.. — Боцман прищурил глаз и сказал уже тише: — Народ-то японцы неплохой, работящий. И моряки хорошие, и рыбаки. Да ведь сидит среди них

где-то и тот фашист. Он ведь молодой был. Так что ходить по Японии я хожу, глядеть — гляжу. Где-нибудь он, офицерик, среди тумана да вынырнет. Вот так! Такая с туманом история.

— Да, история — хоть капитану рассказывай! — заметил Яша.

— Это точно! — поддержал его Витя. — Хотя капитан не истории любит, а историю. Вот любит! И знает назубок. Где какое сражение, какая морская битва.

— Ага! — подхватил Яша. — По рубке ходит, а на горизонте, поди, видит Трафальгар или Синоп.

— Смотри-ка! И ты сечёшь в этом деле? — поддел его Витя.

— А как же! С каким капитаном плаваю! От капитана на судне вся музыка, — сказал Яша.

СРАЖЕНИЕ

Теперь, заглядывая в рулевую рубку, я тоже примечал: капитан и впрямь ходит, как адмирал перед боем. Ушаков — и только! То вглядывается в горизонт, словно видит там вражескую эскадру, то окидывает взглядом поле исторического сражения, а порой втянет голову в плечи и думает, думает, словно решает ход боя. Как-то я пошёл к нему за книгой и остановился у порога каюты. На полках стояли фолианты с золотыми тиснениями. История! Из магнитофона разносилась музыка композитора Равеля. Такая, что под неё армиям двигаться в решительную битву:

Трам, та-та-там, та-та-там, та-та-там!

Трам, та-та-там, та-та-там, та-та-там!

Капитан стоял у стола над картой, выстукивал эту мелодию пальцем. Точно разбирал какое-то сражение...

— Разрешите? — сказал я тихо.

— А, — улыбнулся Пётр Константинович, — входите. А я тут раздумываю, как лучше провести одно дело. — И он показал на карту.

Я подошёл ближе.

Никакой карты не было. Вместо неё на столе белел лист ватмана, на котором был вычерчен наш «Новиков».

— Вот думаю, как бы перестроить наши трюмы, чтобы брать больше грузов, удобней ставить контейнеры. Кажется, кое-что придумал...

Капитан посмотрел на меня и тряхнул головой:

— Но переделать пароход — всё равно что выиграть сражение.

Я рассмеялся: он, оказывается, не только про историю помнит.

— Не верите? — спросил капитан. — Целое сражение! Самое настоящее! — воскликнул он и, пройдясь по каюте, пропел: — Трам-та-та-там, та-та-там, та-та-там! Трам-та-та-там, та-та-там, та-та-там!

Потом вдруг посмотрел исподлобья в окно, словно увидел на горизонте предстоящее сражение, выигранный бой и наш «Новиков». Только он был ещё красивее, быстрее, лучше.

СКОЛЬКО ЕЩЁ ДО АМЕРИКИ?

Ночью я стоял рядом с вахтенным и всматривался в чёрные с белыми гребешками волны, когда капитан вошёл в рубку.

— Что, не терпится Америку увидеть? — спросил он.

— Не терпится, — сказал я.

— Ничего, — рассмеялся капитан. — Скоро начнётся: «Дорого-дёшево, дорого-дёшево».

— Как это? — не понял я.

— А так! О чём бы они ни говорили, всё оценят: дорого

или дёшево. Дом? «Дорого-дёшево». Земля? «Дорого-дёшево». Гость? «Дорого или дёшево».

Я посмотрел на капитана, не шутит ли. А он глянул в окно и спокойно сказал:

— Сейчас узнаем, сколько вам ждать... Атлас Вогизыч! Сколько до Америки? По-моему, три тысячи пятьдесят миль.

Я удивился: будто у него в голове целый вычислительный центр: раз, раз — и готово!

— Три тысячи четыреста шестьдесят, Пётр Константинович! — крикнул Атлас.

— Завтра определимся по звёздам, — сказал капитан.

За окном всё гудел ветер. Звёзд не было. Но на горизонте (или мне показалось?) вдруг вспыхнуло какое-то пятно и засветилось облако. Потом пламя поднялось выше.

Атлас Вогизыч, выбежав на крыло, тревожно крикнул:

— Пётр Константинович! Судно! Смотрите!

— Это вон то, где пожар? — небрежно спросил капитан.

Я поразился. На́ тебе: пожар, а он хоть бы что!

— Это поднимается луна, штурман! — усмехнулся капитан.

Атлас засмеялся:

— Вот ёлки-палки!

В самом деле, через несколько минут из облака вырвался серп, боднул одну тучу, другую и быстро побежал вперёд. А за ним по морю потянулась ломкая золотая дорожка.

И капитан сказал:

— Ну вот, будет завтра боцману радость!

Так оно и получилось.

Повеселел к утру ветер, напружился, навалился на стену тумана и сдвинул её за корму. Вырвалось сверху солнце, вывалило разом все лучи. Будто долго было связано, и вдруг лопнула эта связка, разлетелся свет во все стороны. На палубу, на облака.

Посинели волны, побежали широкие, чистые, каждая с белым воротником.

Боцман вышел, глазом, как миноискателем, прошёлся по палубе, посмотрел вверх и шумнул:

— Ну, гвардия, за дело! Не терять солнышка.

ОТ АКУЛ ДО ЗВЁЗД

Как-то ко мне в каюту заглянул Федотыч:

— В машину сводить просил?

— Просил, — сказал я.

— Ну пошли. Только забежим за Виктором Санычем.

Но Виктор Саныч, закатав рукава, вычерчивал на ватмане трюмы, размечал положение груза и отмахнулся:

— Некогда, Федотыч! Капитан ждёт. Это не то, что твоё хозяйство. Тут нужен расчёт!

— Ну ладно, — сдерживая улыбку, сказал мне Федотыч. — Что ж, пошли. Посмотрим, что ты скажешь про наше хозяйство.

— Только осторожно! — крикнул мне вслед Виктор Саныч. — А то он привык по сопкам бегать за козлами да кабанами. Охотник.

Из машинного отделения вырвался такой жар и грохот, будто навстречу летел невидимый раскалённый поезд. У порога стояло с десяток пар сандалий, а в сторонке несколько пар замасленных — сменных, только для машины. Федотыч надел одни, я — другие и, держась за поручни, стал спускаться за ним.

Надраенные металлические лесенки уходили вниз этажей на десять. Кругом грохотали механизмы, гулко двигались гигантские поршни. Они выдыхали жар и потно блестели от горячего масла, совсем как спины людей во время напряжённой работы. Шумел целый металлический городок. Тут и там свер-

кали яркие цилиндры и кубы. А в отсеке за решёткой работала такая электростанция, что не у всякого города найдётся.

Изредка нам кивали деловитые бледные машинисты.

Ладони припекало: поручни были горячие.

Я торопился, спешил за Федотычем. А он сбегал быстро, легко, как охотник по сопкам за козлами. Тренировка. Десять лестниц пробежали, а дно всё ещё было где-то внизу. Я взмок. Но и у Федотыча рубаха пошла влажными пятнами.

Наконец он остановился, открыл люк в палубе и сказал:

— Ну, вот мы и рядом с акулами. Тут тебе шахта гребного вала, на котором работает винт. А там, — он постучал в борт, — вода, акулы... Как, ничего хозяйство?

Я говорю:

— Ничего.

Поднялся наверх, вышел на корму под звёзды. Отдышаться. Смотрю, как бегут от винта волны, и думаю: это работа Федотыча. Ничего себе хозяйство! От звёзд до акул! И нужно, чтобы каждое колёсико, каждый винтик работали как следует.

КИТЫ

Акул, однако, на этот раз мы не видели. Наверное, холодно здесь для них. Мы вошли в холодное течение. Это Куросиво добралось до самого севера, остыло и повернуло вдоль американского берега на юг.

Несколько раз, пока я красил трюмы, выпрыгивало из воды огромное стадо каких-то маленьких дельфинов и скрывалось у горизонта. Все уже привыкли, что смотреть здесь не на что, и не часто выглядывали за борт.

Но вот однажды на мостик вышел вахтенный с биноклем в руках. За ним показался капитан.

Я оторвался на минуту от работы. А боцман подвёл ладонь под шапочку с помпоном и сказал:

— Кит.

Я сначала ничего не видел, кроме чёрной качающейся бочки. Но потом бочка всплыла, вытянулась. А из самого её носа ударил вверх фонтан. Тут и я понял, что это кит.

Я ждал, когда он подойдёт поближе. Но кит близко не подходил, а всё нырял среди волн, то и дело выбрасывая короткие султанчики воды.

— Не подходит, боится людей! — вздохнул Никоныч. — Запугали. А сколько их тут бродило! В войну, бывало, идёт кит, а думаешь, не подводная ли лодка гонится. Запугали, выбили... — горько повторил он. — И море без них опустело. А как было хорошо. Посмотришь, плывёт рядом такая махина, фонтан пускает. И работать веселей! А теперь не то...

К первому киту подошёл ещё один, поменьше. Пристроился боком, и вдвоём, выбрасывая фонтан за фонтаном, они пошли в стороне от нас.

Я снова стал красить трюм. Окуну каток в краску, прокатаю лист — посмотрю на китов. Плывут! Покрашу ещё — опять взгляну. Плывут!

Действительно, веселей. Море-то с китами живое! Живёт, небу радуется. И мне с живым морем весело!

НИЧЕГО СЕБЕ АМЕРИКА!

До Америки было ещё несколько суток ходу. А на палубе только и слышалось: Америка да Америка.

Мы уже подровняли шаровой краской фальшборт, подновили охрой трапы и докрасили палубу. А Витя взял кисть и стал закрашивать белилами рымы — скобы на палубе.

— Ты что? — удивился я. Никогда такого не видел.

— Так в Америку плывём, — говорит. — Кто-нибудь из

американцев о рым споткнётся, нос расшибёт, скажет: «По вашей вине. Платите за нос».

— Там так! — подтвердил Яша.

Я засмеялся:

— Шутишь!

— Какие там шутки! — сказал Витя. — Ты лучше бери кисть и помогай!

Помогать так помогать.

Вытянули мы на палубе целое многоточие. Положил Витя на место кисть, закурил и выглянул за борт. А Яша подошёл, говорит:

— Что, Америки не видно?

— Да скорей бы... — вздохнул Витя. — В Америку, а оттуда домой, в отпуск. — И пошутил: — На огород! Целый год дома не был!

Это понять можно. За год любая палуба надоест. Это мне пока ничего. Америку посмотреть хочется. Да ещё Новая Зеландия и Австралия впереди.

А Яша погладил бороду и толкнул Виктора в бок:

— Ничего, не скучай! Придём в Лос-Анджелес, всё быстро раскрутится, если под забастовку не попадём. Ещё приедет Серж с Джоном, развеселит.

— Я ему кино везу, — сказал Витя.

— И у меня есть подарочек, — улыбнулся Яша.

А я поинтересовался:

— Какой Серж?

— Да такой. Армянин. Говорят, мальчишкой его фашисты угнали откуда-то в Германию, а потом попал сюда.

— А почему не вернётся? — спросил я.

— Не так всё просто, — сказал Яша. — Родственников у него вроде бы не осталось. Жена американка. Дети уже... Сначала бедовал, а теперь прижился. Домик у него свой, магазинчик на колёсах для моряков.

— И не только это...

— Ага, — сверкнул Яша огромными глазами и посмотрел на море, будто там что-то увидел. — Заехали к нему в гости, а он вдруг достаёт из-под подушки автомат-пистолет и в нас целится. Как гангстер.

— Настоящий автомат? — усомнился я.

— А какой же! Новенький, боевой! Мы спрашиваем: «Зачем тебе? Охотиться, что ли?» А он говорит: «На всякий случай. Как ночью без автомата дверь открывать? Ограбят». Он без автомата ночью не откроет. Ни дом, ни свой магазинчик.

Я только присвистнул и усмехнулся: «дорого-дёшево», за скобы плати, автомат под подушку... Ничего себе!

Я тоже стал чаще поглядывать на горизонт: где же они, небоскрёбы Америки?..

ЗДРАВСТВУЙ, АМЕРИКА!

Каждый день во время обеда по судовому радио звучало: «От порта Иокогама пройдено столько-то тысяч миль». «До порта Лос-Анджелес осталось столько-то миль».

Выйдешь на палубу, поднимешь голову вверх и думаешь: даль-то какая! А посмотришь вниз, и мурашки по спине побегут: глубина-то какая!

Только однажды прочертил в небе след самолёт, один-единственный — из Сан-Франциско на Гонолулу — и пропал.

И вдруг по радио объявили:

«До порта Лос-Анджелес осталось 220 миль».

И началось! Один наглаживает брюки, другой драит ботинки. Наталья печёт пирог. Говорит: «Гости придут». А около своей каюты стоит электромеханик, чикает ножницами, как заправский парикмахер, смеётся:

— Всех электриков подстриг. Кто следующий?

Завтра Калифорния!

Небо стало голубым, жарким. Потянулись по нему тонкие сухонькие облака и отразились в океане. За бортом заиграли мазутные пятна. Мы вышли на большую морскую дорогу.

Теперь вся команда высыпала на палубу.

Вон от Лос-Анджелеса на Сан-Франциско или Канаду пошёл элегантный белый «пассажир», за ним увязался старик бананововоз, а ещё дальше — громадный танкер. И все под разными флагами. Сияют, чуть в небе не отражаются.

Потеплела вода. И ожила вдруг. Откуда ни возьмись, прошла по борту черепаха. А из-под форштевня как вынырнул, как засопел морской лев! Разбудили!.. Спал на волне, как на диване.

Отфыркался он, ругнулся, наверное, и поплыл подальше. Сложил ласты на брюхе, усы — вверх. Досыпает, работяга!

Всю ночь плескались в глубине непонятные огни, вспыхивали звёзды, шумело что-то живое.

А утром, только я поднялся на ботдек, смотрю, — вокруг бело от крыльев. Парят в небе чайки. Садятся на мачты, на колонки грузовых стрел, держат гордо точёные головы, как ездовые.

Впереди голубеет над водой ажурный мост, и по далёким горам струится, перекатывается синеватый зной.

Прошла рядом с нами белая яхта под парусом, перегнулись через борт загорелые ребята, закричали:

— Привет, русские!

— Привет, привет! — помахал им Виктор Саныч. В белых перчатках, сияет: сам в порядке, «оркестр» в порядке. Никто не придерётся!

Вышел покурить Федотыч — тоже при параде.

И я побежал в каюту: надо бриться!

Намылился, подмигнул японскому кукольному семейству: «Ну что, не зря в плавание отправились? Вот и приплыли в Америку».

Задышали зноем бетонные причалы, засверкали под жар-

ким калифорнийским солнцем тысячи разноцветных автомобилей. Будто волна выплеснула на берег колорадских жуков. Упёрлись в самое небо подъёмные краны. Из-за пакгауза вылетел на причал на голубом автопогрузчике могучий негр в оранжевой каске, тёмной пятернёй повернул руль... А высоко в небе закувыркался самолётик и стал выписывать по голубому ослепительными буквами: «Посетите нашу ярмарку».

Подставил я лицо солнцу и думаю:

«Ну, здравствуй, Америка! Как-то ты нас встретишь? Дорого, дёшево?»

НЕ ХОТИТЕ ЛИ ВЫ «КАРУ»?

В полдень я пошёл в кают-компанию обедать, но на моём месте возле Виктора Саныча сидел старик: в зелёной форме, сухонький, словно высох в этой жаре. Он всем учтиво кланялся, и мне поклонился. Я сел рядом, а Саныч сказал:

— Мистер Джордж приглашает в город, посмотреть Лос-Анджелес. Говорит: всё покажу. Едем?

Ещё бы! За иллюминаторами заманчиво синели горы...

— А что, — спросил я, — он таксист?

— Нет, просто так, — сказал Саныч, — по своей воле.

Старик радостно кивнул:

— О'кей!

Я зарядил фотоаппарат, сбежал по трапу, попробовал землю ногой: как-никак Америка! Качается после плавания!

Мистер Джордж захлопнул за нами дверцу автомобиля, и мы мигом влетели на широкий мост, который я видел ещё с моря. Причалы качнулись внизу слева, справа вдруг сверкнул залив, над пароходом-гигантом вытянулись в небо три розовые трубы.

— «Куин-Мери»! — показал Саныч. — Самый большой «пассажир» в мире!

Я вскинул фотоаппарат. Но мы уже пролетели далеко вперёд, и вдоль дороги закачали верхушками высокие деревья. Не берёзы, не тополя — пальмы, словно негритянки, стриженные под мальчишку.

— Сфотографировать бы их, остановиться! — крикнул я.

Но мистер Джордж крепче припал к рулю.

Дорога понеслась ещё быстрей. Вдали запрыгали прекрасные горы, за окном засвистел горячий ветер Калифорнии.

Ничего себе — «всё посмотрим»! Куда он так гонит?

Я щёлкнул раз-другой фотоаппаратом: хоть на плёнке разгляжу что-нибудь. Мимо нас летели десятки цветных автомобилей. Рядом мчалась напудренная старуха, челюсть у неё выпятилась, будто она старалась обогнать машину. Вперёд! Летел чёрный «Линкольн», а в нём хохотали десятка полтора негритят. Вперёд!

Летели цветные домики, летели долины, летели пальмы. Всё растягивалось от скорости, как резина.

Но вот засверкал стёклами первый небоскрёб; я вновь приготовил фотоаппарат. И вдруг мистер Джордж обернулся ко мне и каркнул.

Я оторопел.

А он опять повернулся и говорит:

— Карр!

Шутка, что ли? Странная шутка! Я удивлённо посмотрел на Саныча. А Саныч засмеялся:

— Он спрашивает, сколько стоит твоя «кара»?

Вот оно что! Я хоть и привык разговаривать на морском «международном» языке — где по-английски, где по-немецки, где глазами и руками, а этого не понял. Сколько стоит мой автомобиль?

— Нисколько, — пожал я плечами.

— Нисколько? А какая у вас «кара»? — обернулся мистер Джордж и, наклонив голову, посмотрел на меня сбоку одним глазом.

Я развёл руками. Да нет у меня «кары»!

А мистер Джордж опять каркнул, уже весело:

— Так вы, конечно, хотите «кару»?

Да что он раскаркался? «Кара да кара»!

Тут с обеих сторон засверкали рекламы. Замелькали закопчённые старинные улочки. Прошествовал по широкой улице в одних трусишках невероятный толстяк. Пронесла над головой большой ананас полная глазастая негритянка. Прошёл босиком бородатый хиппи. Юг. Калифорния. Сфотографировать бы! Но мистер Джордж сильней прижимался к рулю и радостно поблёскивал глазами, будто торопился показать нам самое важное.

Мелькнул отель, в котором застрелили кандидата в президенты Америки Роберта Кеннеди. Мелькнул какой-то стадион. Но мы всё летели, и коричневое лицо мистера Джорджа вытягивалось и заострялось. Вперёд!

Вдруг мы затормозили. Перед нами на пустыре мерцали пыльными крышами сотни автомобилей.

— Пожалуйста! — Мистер Джордж, приветливо кланяясь, отворил дверцу и повёл нас к пустырю. — Кары. Покупайте любую!

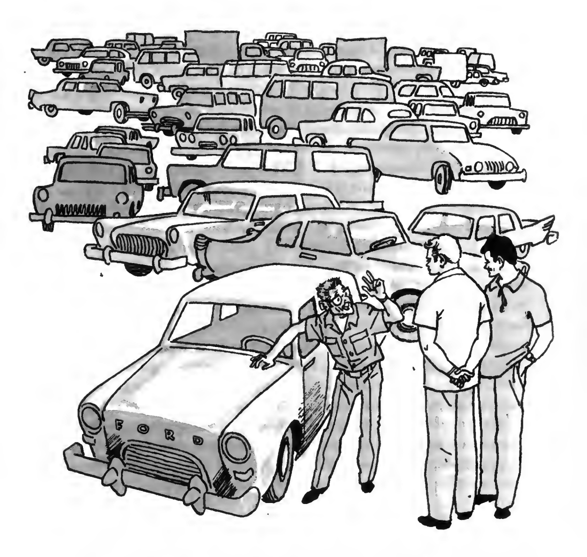
За оградой, как стадо в загоне, изнывали от жары подержанные машины.

— Недорого, — убеждал мистер Джордж. — Выбирайте.

А навстречу нам торопились ещё два американца и, открывая ворота, показывали: «Кары! Кары!» Мы с Санычем переглянулись: вон куда торопился мистер Джордж! Продавать старые автомобили! И сказали:

— Нам не надо!

— Не нравится? — насупился мистер Джордж. — Поедем дальше.

Мы проскочили ещё несколько знойных кварталов и снова оказались у загона старых машин.

— Пожалуйста! Покупайте! — распахнул дверцу Джордж.

Я засмеялся. Да что он! Приеду во Владивосток на такой «каре», покачу по городу, на меня все мальчишки пальцем показывать будут: «Вон тот самый, что старую «кару» тащил на пароходе».

— Нет, — говорю. — Не надо.

Мистер Джордж нырнул в машину, нос у него вытянулся, как клюв у сердитой птицы, и мимо нас ещё стремительнее полетело голубое калифорнийское небо.

Возле парохода мы вышли. Мистер Джордж сверкнул нам вслед глазом, прижался к рулю, как ворон в самом настоящем гнезде, только не каркнул на прощание. И помчал к другим пароходам.

МОЛОДЕЦ, НАТАЛЬЯ!

На пароходе из конца коридора тоже неслось: «Кара! Кара!» Ну, думаю, мистер Джордж всю голову мне прокаркал. Мерещится уже!

Но вот вошёл в каюту, опять слышу: «Кара».

Выглянул за дверь, а это напротив, у Натальи, каюта открыта. На диване сидит её гостья — в пёстром платье, вся накрашенная, и от неё по всему пароходу духами, как из вентилятора, тянет. Держит в руках кусок Натальиного пирога и на ломаном русском языке говорит:

— Как же можно без «кары»?

А Наталья рядом что-то вяжет на спицах и усмехается:

— На автобусе, на троллейбусе. Далась вам эта «кара»!

Потом встала, прошлась в своей тельняшечке и засмеялась:

— Вот люди! Есть «кара» — так человек! Нет «кары» — не человек! И без этой «кары» чего-нибудь стою. Не на таких «карах» ездила! На кране работала, на автокаре работала, всю Камчатку объездила. А сейчас весь мир посмотреть хочу. Вот, — говорит, — моя «кара»! — и по переборке похлопала.

Дама с куском пирога притихла. А я остановился на пороге и улыбаюсь:

— Ну молодец, Наталья!

ДЖОН И ВИТЯ

В коридоре то и дело возникал весёлый шум, команда толпилась вокруг бильярдного стола, возле которого деловито двигался высокий мальчишка в джинсах и кедах. Перебросив через плечо тельняшку, он жевал резинку, азартно щёлкал киём по шашкам и выкрикивал:

— Лево борт! Право борт!

Напротив него с киём в руке стоял Яша, а Витя наблюдал за игрой и приговаривал:

— Ты смотри, Питер-то морским словечкам выучился!

За открытой дверью скрипел трап: на судно всё поднимались американцы. Целые семьи. Были и русские — из тех, что жили здесь с давних времён. Они шли послушать про нашу страну, посмотреть на советский пароход, а кое-кто, между прочим, похвалиться своей «карой». Будто и впрямь, какая «кара» — такое счастье, такой человек!

С причала доносились удары мяча. Там две девчонки в брючках играли с нашими механиками в футбол.

— Вот разбойницы, третий час гоняют! — сказал Яша.

Но тут Витя подтолкнул его плечом:

— Смотри, борода!

С порога всем сразу улыбался ещё один гость. Маленький, курчавый, он держал за руку такого же курчавого глазастого мальчика в матроске и в фуражке с морским «крабом».

— Здорово, Серж! — протянул руку Яша. — А мы тут с твоим Питером уже час в бильярд гоняем! — И он показал глазами на мальчишку у бильярда, но тот даже не оглянулся.

Витя приподнял вошедшего мальчугана за локти и подкинул:

— Как дела, Джон-моряк?

А Яша передал мне кий и подхватил гостя под руку:

— Ну-ка, пошли ко мне!

Теперь я догадался. Это же пришёл тот самый Серж, ко-

торый прячет автомат под подушку. Это ему Яша припас какой-то подарок...

Серж появился из каюты с ярким альбомом в руках. Он быстро листал страницы и кричал:

— Питер! Питер! Смотри! Ереван, Арарат!..

Там на глянцевитых листах вспыхивали снегами горы, желтели скалы и под голубым небом розовели сады.

Но Питер отгородился ладонью: ему было некогда. Он обдумывал, откуда лучше нанести удар противнику. И каждая секунда у него была рассчитана.

— Питер, Арарат! — повторил Серж и позвал: — Джон, Джо-он!

— Ну разволновался Серёга! — сам волнуясь, сказал Яша и взял у меня кий. — А Джон-то, наверное, опять в рулевой.

Я поднялся в рубку. Дверь была открыта. За штурвалом стоял Джон в фуражке с «крабом», а сзади, положив на его маленькие руки свои большие, матросские, командовал Витя:

— Право руля, Джон.

— Есть право руля! — ответил я за Джона.

Витя оглянулся и сказал:

— Вот учу!

— А его отец ищет.

— А! — рассмеялся Витя. — Это старая история. Серж ему говорит: «Торговать будешь», а он кричит: «Моряком буду!» Чуть на судно — сразу к штурвалу.

— Молодец парень! — сказал я.

— Молодец, — согласился Витя. — Питер — тот деловой человек, тот будет торговать. А этому Серёга говорит: «Дом есть. «Кара» есть». А он кричит: «Не надо дом, пароход надо!» Так, Джон?

— Так, — сказал мальчик.

— Только вот, пока вырастет, всё забудет, — вздохнул Витя.

— Нет, не забудет! — сердито сказал по-русски Джон и, взмахнув большими чёрными ресницами, посмотрел из-за штурвала на море.

В это время за дверью раздалось:

— Джон! Джо-он! — и на пороге появился Серж. — Джон, смотри, Арарат! Яша привёз!

Он протянул сыну свои горы, свои сады, по которым когда-то бегал мальчишкой. Но Джон мельком взглянул на альбом и снова повернулся к окну: в заливе возле пальмового острова делала разворот удивительная яхта.

Серж горько вздохнул и опустил альбом.

А Витя, утешая его, сказал:

— Ничего, вырастет, увидит и сады, и Арарат. Вот только станет моряком. Так, Джон?

— Так! — сказал мальчик.

— Ну и хорошо, — сказал Витя. — Ещё настоишься! А пока хватит, пошли — покажем отцу кино. Я ведь ему тоже кое-что привёз!

В столовой погас свет, и на нашем, хоть и маленьком, экране грохнули взрывы, задымился тяжёлый бой. Гости смотрели, как фашистские самолёты бросали бомбы на сонные города, как горели дома, отстреливались раненые бойцы, как фашисты гнали под автоматами на каторгу стариков, женщин и маленьких детей...

Но потом загрохотали могучие советские «тридцатьчетвёрки», погнали врага по дорогам Польши и Румынии, Чехословакии и Германии.

И все увидели, как из-за колючей проволоки тянут руки и плачут люди в полосатой одежде, как жители сёл и городов бегут навстречу нашим бойцам; как на лафете пушки сидит молоденький солдат и кормит из котелка закутанного в шинель мальчика...

Американцы волновались, что-то говорили друг другу, но больше всех, что-то припоминая, волновался Серж.

В кинобудке потрескивало, шуршала бобина, и в окошечке показывались две головы.

Там Джон заправлял в аппарат плёнку, и Витя помогал ему.

А я думал: «Нет, не забудет нас Джон». Если не станет моряком, затоскует где-нибудь в магазинчике по морям, вспомнит наш пароход. А уйдёт в море — вспомнит и подавно.

Встанет когда-нибудь на вахту, поглядит на море и вспомнит, как держал наш штурвал и как рядом с его маленькими смуглыми лежали большие Витины руки.

Уж что-что, а Витины руки обязательно вспомнит.

ХОРОШО ЖИВЁТ НА СВЕТЕ ВИННИ-ПУХ

Утром я зашёл к капитану за свежими газетами. И тут же за мной в каюту шагнул молодой человек из управления порта с тяжёлой папкой в руках. Весь розовый, упругий, как мяч, он пропел: «Гуд монинг», и стал энергично выкладывать на стол разные бумаги: карты калифорнийского побережья, описания отмелей и новых причалов. Он должен был многое рассказать, объяснить, уточнить.

Следом за ним на пороге появился другой молодой человек, перетянутый широким ремнём с громадной бронзовой пряжкой.

Этот сложил на груди руки, как бравый ковбой, и, расхаживая по каюте с видом ценителя, рассматривал книги в шкафах: много!

Первый уже что-то рассказывал капитану, манипулировал картами и качался над столом, как воздушный шар на верёвочке.

Он не столько объяснял, сколько радовался тому, как здорово у него всё получается. Щёки его раскраснелись. Он вскидывал руки, будто дирижировал себе, и казалось, вот-вот нач-

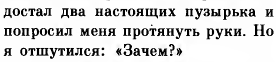
нёт присвистывать от радости: «Хорошо живёт на свете Винни-Пух».

Капитан только кивал головой и улыбался: ему всё и так было ясно. Но молодой человек продолжал взмахивать пухлыми руками и дирижировать.

Наконец он всё выложил, всё вспомнил, энергично поклонился, махнул рукой: «Гуд бай!» — и, повернувшись на каблуках, выкатился за дверь.

Его место у стола мгновенно занял другой молодой человек.

Он выложил десяток каких-то проспектов, на которых были изображены разные флаконы, и заговорил нараспев так громко, словно выступал перед всей Америкой. Из кармана он достал два настоящих пузырька и попросил меня протянуть руки. Но я отшутился: «Зачем?»

Тогда молодой человек, пройдясь по каюте, плеснул из одного флакона себе на руку машинного масла, пританцовывая и мурлыча, растёр его так, что руки стали чёрными, и сделал страшные глаза: посмотрите, какая жуть!

Потом он запел ещё веселей, побрызгал на ладони из второго флакона и побежал в ванную.

Через минуту он вернулся: руки блестели! И молодой ковбой затрубил так, будто стоял не в каюте, а на площади:

— Приобретайте все моющие средства только в нашей фирме!

Мы засмеялись, а молодой человек стал листать проспекты:

— Какие моющие средства вам угодны? Эти? Эти? Эти?

Пётр Константинович прошёлся по каюте и сказал:

— Мы покупали у вас в прошлый рейс. Да и продаёте вы очень дорого. Дороже других.

Парень на секунду стушевался, покраснел. Но тут же воскликнул:

— О'кей, капитан! Гуд дэй, капитан! Я к вам зайду в следующий раз. — И застучал каблуками по трапу. К следующему пароходу.

— Ну и артисты! — рассмеялся я.

Пётр Константинович посмотрел парню вслед и сказал:

— Долго ему ещё бегать и долго петь. А что поделаешь? Это ведь только начало его карьеры. Надо уговаривать покупателей. Не уговоришь—расстанешься с местом. Беги, уговаривай, убеждай! Весели потребителя, демонстрируй продукцию лучшей фирмы моющих средств! В Америке нужно быть весёлым.

ТОСТ МИСТЕРА РОБЕРТА

Как-то жарким утром мы с Яшей убирали палубу и наблюдали за работой американских грузчиков. Работали они чётко, ладно.

И белые, и чёрные.

И тоже приглядывались к нам.

На причале раздался крик. К трапу подкатил миниатюрный автофургон, и вверх по ступенькам, скрипя протезом, заковылял наш шипшандлер, поставщик продовольствия, могучий мексиканец Джулиано. Лицо у него было оранжевым и пористым, как апельсины, лежащие в фургоне.

Он кричал, наверное, на трёх языках сразу — английском, испанском, русском: «Давай-давай!» И мы с Яшей бросились таскать в артелку овощи.

Я отнёс огурцы и лук, когда по трапу лёгким шагом побежал подтянутый, хоть и с брюшком, высокий американец. Правой рукой он словно бы опирался на невидимую трость, а левой приподнимал пробковый шлем. Я часто видел его с Виктором Санычем — оба они отвечали за груз — и посторонился.

Капитан на палубе поздоровался с ним и окликнул меня:

— Ящик на место и мигом сюда! Мистер Роберт обещает показать порт. Только подпишем в конторе бумаги.

Я торопился. Ещё бы! Смотри всё, что можно! Сегодня в Лос-Анджелесе, а завтра уже в океане!

Но только спустился на причал, вздохнул:

— Опять машина?

— Америка! — с улыбкой ответил капитан. — Они сами на всё смотрят из окна машины.

Я забрался на заднее сиденье.

Мы заглянули на несколько минут в контору. И только выехали за ворота, мистер Роберт направил машину к стаду старых автомобилей!

«Ну, начинается, — подумал я. — Джордж № 2».

Но мистер Роберт проскочил мимо ограды.

Мы осмотрели «Куин-Мери».

Я сфотографировал лучшие пароходы порта, пальмы, залив, и мы уже въезжали на мост, как вдруг меня прямо подбросило.

Среди пальм струился ручей и стояла хижина из пальмовых стволов и листьев.

— Вигвам! Настоящий! — крикнул я. — Посмотрим?

Мистер Роберт усмехнулся: «Йес», но тут дверь вигвама раздвинулась, за нею показались столики со скатёрками, а через ручей запрыгали по камням двое коротышек — в шлемах, с фотоаппаратами через плечо. «Туристы», — понял я.

А мистер Роберт показал на них:

— Индейцы! Быстроногие олени! Правда?

И я засмеялся.

Мы летели среди пальм и холмов, мимо аттракционов и пляжей и лишь иногда вдруг вклинивались в поток машин.

Машин было множество. Они старались обойти друг друга, пластались по воздуху, как борзые. Их хозяева из-за стёкол посматривали на соседей с чувством превосходства, и машины, казалось, задирая металлические носы, тоже бросали друг на друга заносчивые взгляды:

«Мы самые дорогие!»

«Мы самой лучшей породы!»

Наша машина была не из лучших. Но мистера Роберта это не волновало. Он легко держал на руле крепкую руку. Просторная дорога так и вырывалась из-под колёс. Вдали, как лёгкие язычки пламени, голубели калифорнийские горы, и Пётр Константинович вдруг хлопнул рукой по колену:

— Вот дорога! Красота! И не подумаешь, что здесь стреляют в президентов, а где-нибудь там, — он кивнул в окно, — начиняют страшные бомбы. Калифорния! Солнце, пальмы, океан!

Мистер Роберт затормозил, и мы вышли из машины.

Перед нами среди пустыря громадный механический молот тяжело бил по раскалённой земле. Вверх-вниз, вверх-вниз. Казалось, вокруг всё гудит и клокочет.

Роберт постучал каблуком по рыжей глине, покатал ногой пустую консервную банку:

— Очень дорогая земля.

— Эта пустыня? — спросил я.

— Под нами бурлит нефть! — сказал капитан.

— А этот насос её качает! Поставил насос, и деньги — сюда! — Роберт похлопал себя по карману.

— И вы качаете? — спросил я.

— Я? — Он захохотал и весело поддел ногой консервную банку.

Капитан тоже засмеялся:

— Нет, Роберт не бизнесмен. Он наш коллега. И тоже плавал капитаном.

— Йес. Семнадцать лет! — сказал мистер Роберт.

— Всю войну — над подводными лодками! — вскинул руку Пётр Константинович. — Это подумать надо! В Арктике, в Индии, в Африке!

— А в Новой Зеландии? — вырвалось у меня.

Капитан снова засмеялся:

— Больной! Бредит Новой Зеландией!

— О! Правда? — спросил мистер Роберт и коротко хлопнул меня по плечу. — Тогда пошли!

Я не понял куда, но Роберт ещё раз позвал:

— Пошли!

По бокам машины снова закачались пальмы, вдали, как сахар в горячем чае, забелели и заструились в волнах знойного воздуха небоскрёбы.

Мы свернули в тихую улочку и остановились у зелёного коттеджа среди роз.

Мистер Роберт открыл ключом дверь:

— Прошу! — и ввёл нас в большую комнату.

На столе и на полу стояли громадные раковины-тридакны, на подоконнике лежали моржовые бивни. У дверей темнели морские барометры и часы. А на стене коридора, среди новозеландских деревянных масок, висело несколько старинных новозеландских мечей.

У меня захватило дух.

Роберт снял с гвоздя коричневый старый меч, резко выдернул его из ножен и протянул мне:

— Плиис. Пожалуйста. Сувенир.

Я оторопел. Такую вещь?

Я отодвинул меч рукой:

— Нет! Такой подарок!.. Нельзя!

Старый капитан хотел возразить. Но Пётр Константинович тоже сказал:

— Нет, он раздобудет сам.

— О, это другое дело! Согласен! — сказал мистер Роберт.

Он повесил меч на место, принёс три высоких бокала и, достав из холодильника бутылку, наполнил их весёлым шипящим напитком:

— За дружбу! За хорошую дорогу! За то, чтоб было больше хороших плаваний, хороших грузов. К вам и к нам. Есть грузы — есть работа, есть хлеб, есть крыша над головой...

Он огорчённо посмотрел на часы:

— А теперь пора! Жаль, не показал вам Мариенленд, не показал Диснейленд... Мало увидели! Очень мало!

Что ж, может быть, и верно, увидели мы не очень много. Но главное, пожалуй, увидели: что есть на этой земле не только мистер Джордж. Есть ещё и мистер Роберт!

В ДИСНЕЙЛЕНД!

Каждый день, поднимаясь на судно, кто-нибудь из американцев обязательно спрашивал нас:

— Вы уже были в Диснейленде?

— Вы, конечно, собираетесь в Диснейленд?

— Как?! Вы ещё не были в Диснейленде?!

Об Уолте Диснее, замечательном художнике, отце мультипликации, я, конечно, знал.

Мультики про Белоснежку и Микки-Мауса, про Бэмби и трёх поросят я, конечно, видел. Ещё в детстве.

А вот о Диснейленде, целом мире чудес, который долгие годы строил для детворы этот замечательный кинорежиссёр, я только слышал.

Говорили, там воздвигнуты высокие горы и прорыты глубокие реки. На поезде можно попасть к древним ящерам, а из ракеты увидеть рядом Луну. По этой стране сказок и приключений ходят ожившие герои книг, которые Дисней любил

мальчишкой, и рядом с Белоснежкой выступает мышонок Микки, похожий на того, который жил когда-то у юного Диснея в каморке и делил с ним все невзгоды.

Да разве только это?! Там можно встретить живого президента Америки — Линкольна! Столкнуться с Рузвельтом! И играют их не только живые артисты, но и куклы с удивительными механизмами.

Чудеса техники!

Конечно, я хотел в Диснейленд!

И в воскресенье шипшандлер Джулиано повёз нас в страну сказок.

Могучий мексиканец то и дело вертел головой и восторженно вращал глазами:

— О, Диснейленд — вери гуд! Фантастик!..

— Посмотрим! — усмехался капитан, напевая: — Трам-тата-там, та-та-там, та-та-там...

И Джулиано налегал на руль.

Казалось, и ветер, и дорога, и пальмы — всё неслось к Диснейленду.

Едва машина остановилась на просторной площади, у нас над головой промчался яркий монорельсовый поезд. Из его окошечек глазели в небо взъерошенные пассажиры.

Джулиано посмотрел на нас, вскинул брови: «Видели?», пожелал: «Весёлых приключений!» — и укатил до вечера по своим делам.

Мимо нас к воротам бежали смуглые мальчишки, молодые папаши толкали перед собой коляски, старушки тянули за руки малышей — в Диснейленд! И мы с капитаном заторопились за ними.

У касс стояли длинные очереди, а из ворот слышалось весёлое пиликанье флейт, доносились удары барабана, совсем по-игрушечному кричал паровозик. И я заволновался, как Буратино перед кукольным театром сеньора Карабаса-Барабаса.

Следом за нами к кассам подошла толпа тоненьких негритят. Рядом с ними грациозно вышагивали стройные воспитательницы, тоже негритянки. Я вскинул аппарат. Но одна воспитательница заслонилась ладонями: «Ноу! — Нет!»

Сердится, что ли?

Она быстро построила ребят в линеечку, стала рядом с ними и улыбнулась: «Теперь пожалуйста».

Тем временем Пётр Константинович выбрался из очереди. Он размахивал двумя цветными билетными книжицами, на которых было написано: «Десять весёлых приключений в Диснейленде».

— Ну что, начнём? — взмахнул он билетами.

ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Как только мы вошли в ворота, я налетел на сурового индейца в головном уборе из орлиных перьев.

— Извините, — сказал я, но капитан засмеялся:

— Так он же гуттаперчевый!

Индеец стоял на улочке среди старинных домов, из которых доносилось:

Бах!.. Пах!..

Это ребята стреляли в тире по слонам и носорогам. А впереди была площадь, в конце которой поднимался голубой замок с зубчатыми стенами и островерхими башнями. Оттуда и раздавалось пиликанье флейт, мяуканье кларнетов, буханье барабанов.

— Вам не кажется, что из замка сейчас выйдет Белоснежка или Кот в сапогах? — спросил капитан.

— Похоже! — сказал я.

И мы стали пробираться в сторону замка.

Но тут послышались возгласы, смех, и навстречу нам повалило шумное пёстрое шествие.

Первым, поводя картонной головой, переваливался с лапы на лапу огромный медведь. Рядом с ним, точь-в-точь как в мультяшках, юлила лиса. А сзади перекатывался настоящий Винни-Пух. Кругом стоял шум, крик. Толпились мальчишки, девчонки в новеньких разноцветных майках, на которых красовался ушастый Микки-Маус. Малыши торопились поздороваться со старыми знакомыми и поговорить с ними.

Я хотел отойти в сторону — надо же уступить людям дорогу! — но кто-то крепко схватил меня за руку.

Мальчишка с Микки-Маусом на майке — такой рыжий, загореться можно! — тянул меня за собой.

— Эгей, парень, ты чей? — спросил я.

Капитан с весёлым удивлением посмотрел на меня:

— Где вы подцепили этого Микки-Мауса?

— Это он подцепил меня! — сказал я.

Мальчишка выдернул руку и испуганно забегал по сторонам зелёными глазами. Видно, спутал меня с кем-то, потерялся.

Я тоже стал смотреть по сторонам: надо помочь человеку!

— Не потеряется! — сказал капитан.

Из толпы выбежала женщина в брючках, майке, тоже вся рыжая и с рыжей девчонкой на руках, схватила своего рыжего сына и стала кланяться.

— Экскьюз ми! (Извините меня!) Мы с Аляски.

Мы улыбнулись и разом сказали:

— Ничего. Мы-то живём ещё дальше. — И посмотрели друг на друга: вот тебе и первое приключение.

ДВЕ СОТНИ ТОМОВ СОЙЕРОВ

На большой площади сияли алыми боками и сверкали медяшками старинные автомобили, чернели кебы, цокали копытами об асфальт стройные кони...

— На чём едем? — спросил капитан.

— Конечно, в лимузине! — решил я.

Шофёр в огненной куртке вырвал из наших книжиц по талончику и нажал на клаксон: «Поехали!»

Всё вокруг обещало тысячу приключений.

На громадной карусели кружилось — один за другим —

целое стадо крылатых слонят. В пасть громадного кита вплывала настоящая шлюпка с настоящими пассажирами. Отражала солнечные лучи ледяная гора, и к её вершине ползли на тросах вагончики канатной дороги.

— Фантастик! — воскликнул капитан. Глаза у него горели, как у мальчишки.

Но вот впереди послышался плеск воды, и капитан сказал:

— Приехали!

Мы остановились у маленькой старой пристани. Перед нами струилась река, за ней зеленели джунгли, а со скалы низвергался водопад.

Причал уже осаждала толпа пассажиров.

На пристани громоздились странные ящики с надписью: «Кожи», пирамидами высились бочонки, на которых было выведено: «Порох», «Солонина», «Виски». Рядом лежали свёрнутые в бухты толстые манильские канаты.

— Как во времена Тома Сойера, — сказал я.

— А вы ничего не видите? Вон там! — Капитан показал глазами в сторону водопада.

К шуму падающей воды прибавились звуки весёлого марша. Из-за джунглей появился старинный белый пароход. На палубе играл оркестр, по воде быстро плюхали плицы колёс, а на борту было написано: «Марк Твен».

— Всю жизнь мечтал прокатиться на таком пароходе. Это же самый первый американский пароход, который ходил по Миссисипи! — воскликнул капитан. — А вы никогда не мечтали стать Томом Сойером?

— Ещё как! — сказал я.

Пароходик закричал, прижался бортом к пристани, по сходням с него повалила толпа, а капитан сказал «Вперёд!» и бросился на мостик.

На борт «Твена» торопились старики, юноши, дети. И рядом с нами поднималось всё семейство рыжего Микки. Как

будто все почувствовали себя весёлыми Томами Сойерами. Две сотни Сойеров!

Одни спешили на корму, другие на нос. Я приглядывался, где бы занять поудобней место, но капитан показал: «Наверх!»

Капитан везде капитан! Он привык смотреть с мостика.

Весело, как сто лет назад, крикнул гудок, грохнул оркестр, зашлёпали плицы. И я не заметил сам, как стал напевать про весёлый ветер. Мимо нас проплыл плот с надписью: «Бэкки Тэчер». Такой, как соорудил когда-то Сойер в честь своей подружки. Среди кувшинок показалась водяная мельница. И на ней всё было как в те давние времена!

Капитан весело посмотрел на меня и спросил:

— А вы никогда не хотели затеряться в пещере вместе с Бэкки Тэчер?

Я поразился: и как это он всё отгадывает! Конечно, хотел!

Капитан с удовольствием что-то вспомнил и вздохнул:

— И я хотел. Только ту девочку звали не Бэкки и не Тэчер, а всё равно хотел.

И мы оба засмеялись.

Но вот все встали на цыпочки. А Микки стал подпрыгивать. И капитан приподнял его.

За бортом, в джунглях, показались индейские вигвамы. Возле них стояли индейцы, бродили олени, на палках сверкали белые бизоньи черепа. А по гребням гор скакали на мустангах ковбои.

За мысом река раздвоилась, и по её рукаву в глубь острова пробежала шлюпка с пассажирами.

— Сейчас они будут шарахаться от гиппопотамов и крокодилов и в ужасе кричать, — сказал капитан. — Эта река полна диких животных. Но у нас другой путь!

Я хотел сфотографировать реку, но в это время и у нас кто-то громко закричал и все бросились на нос.

В зарослях бушевало пламя.

Неужели в Диснейленде пожар?

Всё трещало. В яркое небо взлетали снопы искр.

Но всё было как положено.

На берегу пылала подожжённая индейцами ферма. Сам фермер лежал на земле, пронзённый индейской стрелой.

— Снимайте же! — крикнул капитан.

Картины менялись одна за другой. Я щёлкал затвором, вертел головой: там в кустах мелькнул всадник без головы, а там притаились воинственные индейцы...

Но скоро я отложил аппарат в сторону. Снимай да снимай! Сам ничего не увидишь.

Джунгли расступились, снова послышался гул падающей воды, и засверкал знакомый водопад.

За ним появилась пристань, ящики с кожами, бочонки с порохом, откуда-то запахло жареной кукурузой. Грохнул оркестр, и мы прижались к причалу.

На нём уже ждала приключений новая толпа Сойеров — и с бородами, и в коротких штанишках.

— Куда бросимся дальше? — Капитан заглянул в билетную книжечку. — Так... «Страна фантазий»... «Страна сказок»... «Страна приключений»...

Неожиданно он спросил:

— А пиратом вы никогда не мечтали стать?

— Ещё бы! — сказал я. — Ну и вопрос!

— Я тоже! — И капитан взмахнул рукой. — Тогда за мной!

Мимо колоссального дерева, на которое по лестнице поднимались цепочки мальчишек за огнивом, мы прошли к маленькому двухэтажному дому. К его дверям тянулась большая очередь.

Я посмотрел на капитана:

— А при чём тут пираты?

— Очередь видите? Зря американцы стоять не станут!

Следом за нами бежал рыжий Микки, за ним торопилось всё рыжее семейство.

Про пиратов Микки понял сразу.

ХРУСТЯЩАЯ ОЧЕРЕДЬ

Попасть в пираты хотели многие.

Впереди нас стоял носатый старик с тоненькой девицей, сам похожий на пирата, и брезгливо отодвигался от стайки шалящих негритят. Высокая красивая мулатка с белым цветком в волосах доедала мороженое... А дальше вся очередь весело хрустела жареной кукурузой. Кукурузой пахло до умопомрачения!

Рядом с нами за пластмассовым лотком два молодых человека жарили и рассыпали её по острым бумажным колпачкам.

Кукурузой хрустели на скамейках, в очереди, в колясках. Не хрустели только мы, носатый пират да ещё трое маленьких мексиканцев в потёртых сомбреро.

Мальчуганы стояли в стороне, пересчитывали монеты и, улыбаясь, всем своим видом показывали, что с удовольствием составили бы компанию всем хрустящим. Но ведь не их вина — немного не хватает! И, простодушно улыбаясь, они подбрасывали на ладонях монетки.

Но этого никто не замечал.

Носатый пират демонстративно отворачивался.

А кукурузой пахло всё сильней. Лопнувшей от жара, румяной, диснейлендовской кукурузой!

У меня защекотало в горле, и я посмотрел на капитана. Капитан озорно потянул воздух ноздрями, посмотрел на меня и блеснул зрачками в сторону мексиканцев:

— Ну что, похрустим?

И все мы — и я, и они — весело ответили взглядом: «Конечно, похрустим!»

Капитан бросил на прилавок монету, показал продавцам на трёх маленьких мексиканцев, на меня и ещё на Микки, который быстро пристраивался к очереди.

Мы вкусно захрумкали, а все вокруг улыбнулись. И старый пират, не вытерпев, тоже бросился за кукурузой.

ЛОДКА С ПИРАТАМИ

Мы изнывали от жары. Рубахи намокли — хоть выжимай. Калифорнийское солнце! Я посматривал на дом с сомнением: неужели могут быть какие-нибудь приключения в этом благопристойном месте?

Но едва мы ступили за дверь, день пропал. Нас обступила тьма.

Вверху светились звёзды. Где-то у ног еле слышно плескалась вода. И среди темноты блуждали, словно кого-то искали, зелёные таинственные огоньки. Слышался скрип уключин. Наконец глаза привыкли, и мы различили впереди силуэты пальм и подплывающую к нам шлюпку.

Капитан сел впереди. Сзади на скамейку уселось рыжее семейство. Я пристроился рядом с ними. За мной сели старый пират с девицей, красивая мулатка с цветком в волосах, кто-то ещё, и мы тихо поплыли среди пальм и мангровых зарослей.

Через минуту шлюпка пошла быстрей, ещё быстрей, нырнула в скалистый грот и в смоляной тьме помчалась под уклон по стремительной подземной реке.

— Ну и темень! — крикнул я. Даже белой рубахи капитана не было видно.

И вдруг шлюпка резко дёрнулась, сорвалась и ринулась в невидимый водопад. Вода рухнула на нас, всех окатило брызгами. Рядом завопили на нескольких языках сразу. А капитан в восторге заорал:

— Ну, ёлки!..

Я замер от весёлой жути, но ко мне прижалось робкое плечо маленького Микки, и я выпрямился. Наши спутники шумели, а капитан кричал:

— Здорово, а?!

Потом нас снова швырнуло в сторону, мы сорвались ещё в один водопад, и старый пират вцепился мне в плечо.

Но тут лодка выплыла на ровную воду. Кто-то вздохнул: «Пронесло». А впереди забелел какой-то жутковатый свет.

Я привстал. Соседи тоже вытянули шеи.

При свете старинного фонаря перед нами возникла арка, за которой из стороны в сторону качались чьи-то ноги. Там висел человек.

Тело висельника повернулось, и из белого черепа на нас глянули пустые глазницы.

Крикнула какая-то птица. Мальчонка прижался ко мне сильней и ткнулся в бок рыжими вихрами. Сердчишко его стучало изо всех сил.

Но мы уже промчались мимо этого места. И все громко вздохнули.

А капитан показал налево:

— Внимание!

Я потянулся влево, и влево повернулись все.

На диком песчаном островке лежал одноногий скелет и качалась торчащая в песке шпага. По другую сторону ручья лежал ещё один скелет в пиратском платке...

— Узнаёте? — повернулся ко мне капитан.

— Ещё бы! Как в «Острове сокровищ» Стивенсона, — сказал я.

— Мы сами как пираты, — сказала вдруг рыжая мама. — Кажется, даже со своим капитаном.

И команда посмотрела на Петра Константиновича. Капитан есть капитан.

Сверкнула голубая зарница. Послышался штормовой гул и вой ветра. Донеслись удары шквала, и, вспыхнув во всё небо, молния осветила выброшенную на скалы палубу корабля. Там, в изодранном плаще, в треуголке, всё ещё налегал на штурвал мёртвый штурвальный. Ветер трепал лохмотья его одежды и бросал на скалы.

Наша шлюпка летела прямо на рифы, в океан, а за скалами клокотали настоящие волны и топили какое-то несчастное судно.

— Ну, Дисней! — Капитан повернулся ко мне.

— Фантастик! — прошептал я.

А маленький мой сосед прижался ко мне ещё сильнее.

Но тут река крутнулась влево. И вдруг раздался весёлый хохот капитана:

— Ну и рожи! Посмотрите на эти пиратские рожи!

Мы засмеялись.

Теперь пассажиры чувствовали себя единым экипажем и словно действовали по капитанскому приказу.

Прямо в скале, за железной решёткой, несколько пиратов приманивали лукавого пса. Они присвистывали, подсовывали ему кость, но пёс хитрил, повиливал хвостом, а в зубах его болтался тяжёлый ключ от клетки...

Берега сузились. Грохнул выстрел. Всё озарилось багряным светом. И где-то завязалась перестрелка. Мы оказались у стены крепости, напротив которой качался борт пиратского пушечного корабля. Пираты штурмовали город.

Но едва мы приблизились к порту, как все — пираты, защитники — направили ружья на нас и коварно засмеялись: «Попались, голубчики!»

По нашей шлюпке грохнули пушки. Над головой просвистело ядро, я пригнулся. Ядро врезалось в воду и, зашипев, пошло ко дну, кроваво светясь в глубине.

В нас палили со всех сторон.

— Ну, ёлки! — крикнул капитан.

И, несмотря на обстрел, все засмеялись: и рыжее семейство, и старый пират с девицей, и мулатка. А Микки, подпрыгивая, тоже кричал:

— Ну, ёлки!

А я уж тем более. Как капитан — так и матросы.

ГУД БАЙ!

Весь день мы путешествовали.

Мы проезжали сквозь Скалистые горы, пробирались через доисторические болота, в которых грызли друг друга динозавры. Всем экипажем спускались в «Наутилусе» в морскую бездну и, словно капитан Немо, следили сквозь иллюмина-

тор, как возле затонувших кораблей дерутся морские чудовища.

Всматривался в глубину капитан. Забыл о том, что рядом негритята, старый пират.

А негритята прижались к иллюминаторам так, что у них побелели носы...

Мы смотрели на ракеты, на лунные кратеры, летели со страшных гор.

А через несколько часов кричали друг другу:

— А с горы-то как летели? Жуть!

— А помните, как вылупились из яиц маленькие динозавры?

— А какие на дне раковины!

— А Алиса-то в стране чудес! Вот штучка!

Говорили на разных языках, а всё было понятно.

Ноги у нас гудели. Билетики в книжице кончились. Кончились и деньги. Капитан покачал головой:

— Фантастик! — И, прищурив глаз, посоветовал: — А книжицу с билетными корешками спрячьте. Она волшебная. Когда-нибудь достанете из кармана, вспомните всё и снова очутитесь в Диснейленде. Без билета в сказке.

Уже был вечер. Как морские ежи, шевелились в небе настоящие звёзды. Закрывали буфеты усталые повара. Быстро шагали к выходу продавцы жареной кукурузы. Стучали мимо нас каблучками сонные стюардессы лунной ракеты. Все покидали сказку. Нужно было прощаться и нам. И хотя мы не были знакомы, мы кивнули друг другу...

А Микки сказал:

— Гуд бай!

И всем стало немного грустно.

— Прекрасный день, — вздохнул капитан.

Скоро могучий Джулиано вёз нас с капитаном обратно в своём автомобиле и азартно спрашивал: «Фантастик?! Фантастик?!»

За спиной с треском рассыпались яркие гроздья огней — это в Диснейленде вспыхивал прощальный фейерверк.

В большом городе становилось тихо, как ночью в глухом селе. Мерцали фонари. На улочках хозяева магазинов опускали на окна и двери тяжёлые металлические решётки. Закрывались окна домов. И где-то Серж снимал со стены автомат. Всё, как в сказке, в «Трёх поросятах»: запор покрепче, окна на крюк и автомат под подушку. На всякий фантастический случай.

БОЦМАН СЖИМАЕТ КУЛАКИ

Прошло уже немало дней, но пока что я не встретил ни одного американца, против которого хотелось бы, как недавно японцам в Иокогаме, пустить в ход кулаки.

Старый ворон мистер Джордж? Пускай себе каркает. Не бить же его из-за этого! Может, он и в самом деле, кроме этих «кар», ничего не видит.

Грузчики? Славный народ!

Мистер Роберт, бывший капитан, — совсем хороший американец!

И я уже стал забывать маленькое происшествие в японском порту.

Но однажды, когда мы сидели в кают-компании возле телевизора и смотрели передачу о выборах президента, мистер Роберт принёс капитану свежие газеты.

Капитан с шумом раскрыл «Лос-Анджелес таймс» и стал читать вслух новости: «Важные переговоры в Москве», «Небывалая жара в Европе», «Демонстрация против военных приготовлений».

Он добрался до последней страницы.

— О, интересное объявление! — И прочитал: — «Компании требуется агрессивный...» то есть напористый, — объ-

яснил Пётр Константинович, — «...агент, инженер по продаже ракет...»

— Ого! — сказал кто-то.

— «...с уклоном в военном направлении...» — дочитал капитан.

Мы удивлённо переглянулись.

— Не верите? Ну вот, читайте: «Требуется агрессивный...» ну, значит, пробивной... Вот «агент». Вот вам «по продаже ракет». Правильно я перевожу, мистер Роберт? — спросил капитан.

— Йес!

— И продавать их будут? — спросил я.

— Конечно, — пожал плечами мистер Роберт. — Им это выгодно. Это их бизнес!

— Ничего себе бизнес! — сказал я.

— Кто же их купит? — спросил Никоныч.

— А вот вам и покупатель! — Пётр Константинович побарабанил пальцем по портрету пожилого джентльмена. — Вот что он пишет в газете... «Нам нужны ракеты, которые поразят любую точку за океаном...» А? Как вам это нравится?

— Да кто же это такой? — вскинулся Никоныч.

— Адмирал!

— Тот самый, который минировал заливы Вьетнама... — пояснил мистер Роберт.

— А седенький, чистенький, — сказал боцман. — По физиономии и не прочитаешь, что он за штука. Не написано.

— Зато вон у того написано всё! — сказал вдруг Виктор Саныч и кивнул на телевизор.

На экране рыхлый мужчина размахивал кулаками и бубнил, что Америке незачем договариваться с Советским Союзом и что показывать ему нужно только свою силу.

— Ну, запел, красавец! — сказал боцман. — Вот запел! С этим мы не споёмся! Никак! — И пальцы его собрались в крепкий кулак. — Пусть попробует!

— Что боцман сказал? — спросил мистер Роберт.

Пётр Константинович перевёл.

Мистер Роберт прошёлся по кают-компании, подумал и сказал:

— И Америка с ним тоже не споётся. Не захотят американцы с ним петь вместе! Ноу!

САМЫЙ ВИДНЫЙ БИЗНЕСМЕН

Контейнерный городок уже переместился с палубы на причал. Трюмы опустели. Утром мы должны были уходить в Сан-Франциско.

— А сегодня вечером едем на приём к основателю фирмы, — сказал капитан. — Соберутся самые влиятельные лица в порту.

Я достал из чемодана вышитую рубашку в цветах. Собрался. И вот в Морском клубе пожилой, необыкновенно подвижный основатель фирмы представлял нам гостей:

— Капитан из Швеции — мистер такой-то.

— Старпом — мистер такой-то.

— Деловой человек из Лонг-Бича — мистер такой-то...

Теперь, по словам основателя фирмы, все были в сборе. Однако кого-то ещё ждали, и гости, переходя от кружка к кружку, вели деловые разговоры, в широкие стёкла-витражи смотрели на море.

Но вот, приветственно помахав всем рукой, в зал вошёл бодрый старичок в джинсах с весёлой старушенцией под руку.

А основатель фирмы широким жестом пригласил гостей к столу: «Прошу!»

Я подумал: с кем садиться? Конечно, морякам — с моряками, деловым людям — с деловыми людьми.

Но основатель фирмы взял нас с капитаном под руки

и усадил за стол рядом со стариком и старушенцией.

Ничего себе, весело! А капитан подмигнул:

— Нам оказывают честь. Это самый важный гость в сегодняшней их компании! Миллионер. Самый видный бизнесмен в порту. И хочет с нами не драться, а торговать.

Это, конечно, дело другое!

Нам подали ужин. А основатель встал и говорит:

— Нам очень приятно видеть русских моряков в нашем порту и в этом доме. Надеюсь, они будут здесь частыми гостями. И у нас будет много хороших дел. Их честь! — и поднял бокал.

— Ваша честь! — И розовый старичок тоже поднял бокал.

А капитан ему в ответ — целую речь на английском! Миллионер откинулся на стуле, посмотрел на капитана и удивился:

— О! Да вы лучше меня по-английски говорите. О'кей!

— Ну нет, — сказал капитан и улыбнулся. — Пока ещё нет!

Старичок хмыкнул. И, выпив, посмотрел на меня:

— А вы, кажется, занимаетесь спортом?

— Занимался, — сказал я.

— Чем?

— Стайером был, занимался боксом и штангой.

— А хоккеем? — быстро оглядел меня старичок.

— Хоккеем — нет.

— А я занимался! До семидесяти лет занимался!

Тут оживилась старуха:

— Я у него каждый день клюшку отбираю. Ему уже семьдесят три!

— А я всё равно играю! — рассмеялся бизнесмен. Щёки у него раскраснелись, как от морозца. И вдруг он сказал: — А ваши хоккеисты — плохие!

— То есть как?! — Я даже отодвинул тарелку. — Как-никак чемпионы мира! Олимпийские чемпионы!

— Всё равно, — поморщился старичок.

— Да почему же? — полюбопытствовал я.

— Если бы они были хорошими, — рассудил он, — они бы все давно были миллионерами.

Вот так так! Вот это логика! Мы с капитаном захохотали. А я спрашиваю:

— А вы, наверное, тоже чемпион мира?

Миллионер захлопал глазами, а старушенция засмеялась.

Тем временем стало садиться солнце. Бокалы на столе, лица гостей сделались алыми.

Миллионер посмотрел на мою рубаху — цветы на ней стали ещё красней — и говорит:

— Какая красивая рубаха! Это вы купили у нас в Америке?

— Э, нет! — покачал я головой.

— В Японии?

— Ноу!

— Так где же? — удивился старик.

— Это русская, — говорю, — рязанская.

А сам думаю: «Поди, какая-нибудь девчонка-комсомолка вышивала. А может, бабуся. Хоть про миллионы и не думают, а мастерицы!»

●

ГАМБУРГСКИЙ ГАМЛЕТ

Ещё в первую поездку с мистером Джорджем я заметил на улице ресторан со странным названием — «Гамбургер Гамлет».

Я заинтересовался. Сказал мистеру Джорджу:

— Странно, почему это Гамлет гамбургский? Принцем-то он был датским. Написал о нём Шекспир, англичанин, где-нибудь в Лондоне... А вот почему он в Лос-Анджелесе, да ещё гамбургский?

Мистер Джордж только сухо пожал плечами.

Спросил я у друзей — и они не знают.

Подошёл к торговому агенту — и он ничего не сказал. Никто объяснить не может!

На приёме я подумал о жене миллионера: «Старушка-то немка, хорошо по-немецки говорит. Наверное, про Гамбург знает. Город-то немецкий».

А она тоже удивилась, завертела головой:

— Действительно, есть такой ресторан. Но почему Гамлет гамбургский, да ещё в Лос-Анджелесе, не имею представления!

Все стали гадать — почему?!

Тогда из-за соседнего столика поднялся датский капитан и сказал:

— Извините, но вы напрасно волнуетесь. Дело в том, что этот Гамлет не имеет никакого отношения к Шекспиру. Потому что он не гамбургский Гамлет, а гамбургский омлет.

Все рассмеялись, мы с миллионершей тоже. А я ещё и подумал: «Попав в чужую страну, многое нужно узнать и увидеть, во многом как следует разобраться, чтобы, рассказывая потом о ней, не спутать омлет с Гамлетом, а Гамлета с омлетом».

●

«НЕ ДАДУТ ПОРАБОТАТЬ!»

Я давно мечтал увидеть Сан-Франциско. Ещё мальчишкой песни про него пел. И попросил разбудить меня пораньше.

Под утро вахтенный растолкал меня: «Вставай!»

Я выбежал на мостик. Было ещё совсем темно.

Мы медленно подходили к берегу. За бортом еле плескалась вода, а впереди, насколько хватало глаз, словно бы поднимались в гору квадратные поля, засеянные электрическими огнями. Целые плантации электрических огней. Не огни, а настоящие электрические подсолнухи — лучи лепестками во все стороны.

— Ну как, нравится? — Это подошёл капитан. Уже в форме.

Мы приблизились к берегу, и поля превратились в городские кварталы.

Вдали поднимались небоскрёбы. С берега на берег пружиной перекинулся мост. Мы пошли по заливу. Мимо пристаней, аэродромов, а небоскрёбы начали подрастать. И стало видно, что город спит. От улиц потянуло свежим утренним сном, туманом.

Но вдруг в одном небоскрёбе зажёгся свет. Одно окошечко. И кто-то в нём стал размахивать рукой. То ли протирал стекло, то ли приветствовал нас. Я тоже помахал на всякий случай.

Тут выглянуло солнце, и всё сразу засверкало, загорелось. И мост, и стёкла в небоскрёбах, и улицы.

А капитан спросил в микрофон:

— Как дела, Никоныч?

Никоныч уже на баке, у якорной лебёдки! Стоит, первым вплывает в Сан-Франциско на своей палубе. Ему первому в лицо сан-францисский ветерок дует.

Я пошёл тоже на бак, но капитан остановил меня:

— Загляните к «грузовому».

Открыл я дверь к Виктору Санычу, а там идёт работа. Сидит за столом Наталья, рисует на листе ватмана наш пароход, а на пароходе — громадного боцмана, как раз на баке.

Наталья посмотрела в иллюминатор и сбоку от парохода нарисовала небоскрёб.

Виктор Саныч как-то торжественно посмотрел на меня, говорит:

— Дело вот какое: нашему боцману шестьдесят лет сегодня. Все моря и океаны прошёл. В Америке был. В Арктике лёд ломал. В войну грузы через океаны возил. На груди у него орден Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», медали. Приветствие надо написать.

— Конечно, надо, — говорю. — Вот так и надо написать.

И записал слово в слово. И как ордена на груди горят, и как грузы возил, и как лёд ломал. Красиво получилось.

Пришвартовались мы. Капитан заглянул в каюту, спрашивает:

— Ну что, готово? Вывешивайте, пора боцмана звать!

Я пошёл за Никонычем. А он всё возится на баке. Хозяйство укладывает. Говорит:

— Приду, вот только приберу.

Я повернулся к рубке, руками развёл: «Не идёт!»

Тогда сверху раздалось:

— Боцману подняться наверх!

Никоныч вздохнул, скинул рукавицы: «Поработать не дадут!»

Вошёл в коридор, смотрит — стоит толпа у газеты, читает про ордена, шумит:

— Вот это боцман! Ну боцман! Никому не говорил!

Капитан поздравил его. А Никоныч хлопнул рукавицей о рукавицу:

— Вот тебе и раз! Чуть про собственный день рождения не забыл!

ОДНОЙ ПАЛУБОЙ

Только мы успели позавтракать, в столовую вбежала Наталья. Да не в тельняшке, а нарядная, в цветастом платье, затараторила:

— С боцманом в город не собираетесь? Он по какому-то делу идёт, приглашает!

— Хочет инспекцию провести в Сан-Франциско! — сказал Яша.

— А как двигаться? — спросил Витя.

— Где автобусом, где на своих двоих!

Никоныч уже ходил по причалу. В белой рубахе, в плетёной шляпе — не узнаешь!

Витя надел светлый костюм, я—вышитую рубаху: любуйся, Америка!

Следом за нами отстучал по ступенькам ,чечётку Яша:

— Ну, тронули? Кого ждём?

— А вон, переводчика, — показала наверх Наталья. — Он тут всё знает.

С сигаретой в зубах нас догонял Атлас Вогизыч, штурманёнок.

— Ну, с боцманом и без переводчика не заблудимся! — сказал Яша. — Никоныч тоже всё знает. Поди, ничем его не удивишь.

Но только мы прошли мимо полицейского за ворота, Никоныч удивлённо посмотрел на берег:

— Ого! Вот это понастроили!

На пустыре у самого залива засияли яркие, как игрушечные кубики, коттеджи. Казалось, они собрались сюда позагорать на прекрасном пляже: калифорнийский загар — лучший в мире.

— Юг! Дачи! — сказал Яша.

— Виллы, — уточнил я.

Но Атлас, покуривая, усмехнулся:

— Вы посмотрите на окна.

За открытыми окнами почти везде были видны смуглые люди. Мексиканцы, негры. Они смотрели нам вслед, и лица их были вовсе не курортными — понурыми, удручёнными. Словно у всех сразу случилась какая-то беда.

Мы поглядели на Атласа.

— Судовая компания собиралась строить здесь новые причалы, — сказал он. — Но в городе было так много бедняков, неимущих, без крыши над головой. Вот и поставили этот городок. Постройки эти лёгкие, построили быстро.

— А так красиво! — задумчиво сказала Наталья. — Если позагорать, то можно бы!

Дальше зазеленели привычные заборчики, цветники, понеслись по шоссе машины, и боцман уже ничему не удивлялся.

Становилось жарко, небо раскалялось, и Витя вздохнул:

— Может, поедем? Вон сколько протопали!

Но Никоныч всё не останавливался.

— Старому захотелось поразмяться! — сказал Яша.

Однако боцман не просто шёл, а внимательно вглядывался вперёд, будто что-то искал.

И чуть только раздвинулись, расступились дома, боцман весь подтянулся: пришли!

Перед нами над голубым заливом выгибался гигантский мост. Он разбегался, как палуба могучего корабля, и повисал на гудящих стальных тросах.

Никоныч первым сделал шаг и следом за ним на мост поднялись и мы.

В ногах загудело, лёгкий ветер заполоскал рубахи. Далеко под нами шли катера, от них клиньями бежали волны. К горизонту катились рыжие, как во Владивостоке, сопки, а вдали на мысу вытянулись к облакам силуэты небоскрёбов. Белые, точёные, будто их вырезали лезвием бритвы из скрипучего пенопласта.

— Вот это красотища! — сказал Яша.

— Лететь хочется! — чуть не пропела Наталья и вскинула руки к небу.

— «Голден-Гэйд» бридж, — произнёс Атлас Вогизыч. — Мост «Золотые ворота».

— Не зря боцман сюда пеший топал, — сказал Витя, а Яша тряхнул головой:

— Вот чёрт! Никто и не поверит, что я в таком месте цыганочку отплясывал! — и хотел отбить чечётку, но посмотрел на боцмана и сдержался.

Никоныч стоял, сняв шляпу, и смотрел куда-то мимо сопок, небоскрёбов, горизонта.

Потом положил руку на поручень и вздохнул:

— Ну вот и всё. Можно ехать.

— А дело? — удивилась Наталья.

— Дело сделано, — сказал боцман.

Наталья удивилась ещё больше:

— Какое?

— Простое, — сказал боцман. — Мы тут с двумя дружками лет тридцать назад фотографировались. Снялись и договорились: кто сюда ещё попадёт, придёт на мост и других вспомнит. Вот я и вспомнил.

— Ну, теперь их очередь! — сказал Яша. — Теперь они придут.

— Нет, — тихо проговорил Никоныч. — Они уже не придут... Это вот вы ещё вернётесь, вспомните. Хорошее место. Ну, поехали?

Мы сели в автобус и молча ехали вверх, через старинные, как музеи, кварталы с двухэтажными домами в балконах, с колоннами, мимо небоскрёбов, а наш штурманёнок рассказывал, как столетие назад от страшного землетрясения рухнул весь город, сопки словно расшвыряли дома, поставленные когда-то первопроходцами, моряками, золотоискателями.

Но люди снова взялись за работу — повели по высоким холмам новые кварталы, перебросили с берега на берег удивительные мосты, поставили небоскрёбы, и новый прекрасный Сан-Франциско опоясал берега залива. Конечно, беднякам, рабочим достались захолустья, окраины.

Атлас Вогизыч показывал, в каких кварталах живут люди победней, в каких — состоятельные. И вдруг он рассмеялся и махнул рукой за красивые сосны большого парка:

— А там есть очень интересное справочное бюро. В нём, если ты перебрался в район побогаче, можешь за плату

узнать, с кем выгодно завести новые знакомства, кого выгодно взять в новые друзья.

— Ну всё! — засмеялась Наталья. — Бросаю вас и завожу выгодные знакомства. — Она вдруг повернулась к боцману и спросила: — Неужто правда, Никоныч?

— Не знаю и знать не хочу. Жил я везде — и вверху и внизу, а друзей не менял по выгоде и менять не собираюсь. Разве нам плохо? Вон как хорошо: все — своя команда, одна палуба!

Так одной палубой и въехали мы по холмам на самый верх Сан-Франциско.

ЗОЛОТАЯ ЛЕСЕНКА

На смотровой площадке жужжали кинокамеры. Вспыхивали под солнцем зеркальные очки. Сверкали дорогие украшения.

Вдоль горячего от зноя каменного барьера переходили с места на место туристы.

Одни чопорно созерцали, другие с волнением разглядывали город, холмы и всматривались в берега залива.

В солнечной дымке жёлтые холмы казались золотистыми, прозрачными, а вода — голубой и лёгкой, как небо. Ни единого пятнышка!

Только у самого выхода в океан, будто бабочки-капустницы, двигались по ней крохотные паруса.

Справа, на выступе полуострова, тянулись вверх небоскрёбы.

Небоскрёбы были крохотные, а громадные мосты, по которым мы ехали, теперь казались тросами для канатоходцев.

Рядом с нами слышалась японская, немецкая, французская речь, и боцман вдруг сказал:

— Дорого сюда из Франции да из Германии добираться.

Как посчитаешь — лесенка золотой получится. Это не то что тебе, Наталья: на своей палубе и даром!

— А Наталья тоже по золотой лесенке добиралась, — сказал Яша.

Все улыбнулись.

Что верно, то верно. Каждый день трапы драила, так что любая ступенька золотом горела. Сложить все — от Иокогамы до Америки — целая золотая лестница! Вон как добиралась. И не зря.

Стоит себе, на мир смотрит. Красота! Синеют заливы, горят под солнцем «Золотые ворота», гуляют волны, висят над ними невиданные мосты.

Есть на что посмотреть!

ПАРУСА НА ПРИВЯЗИ

Кого куда, а моряка тянет к морю.

Подошли мы к причалу, а возле пирса белым-бело от парусов. Покачиваются мачты, стоят на цепях яхты. Всё на них сверкает, поигрывают паруса на ветру, в море просятся.

Вода чистая; видно, как по дну ползают морские звёзды, колышется в волнах трава. Сверкают лодки. Одна — с каютой, другая — с двойной палубой и мостиком. Третья отсвечивает надраенной медью и бронзой. Выбирай какую хочешь!

— Наверное, яхт-клуб, — сказал Витя. — Отлично. Взял яхту, кати куда угодно.

Атлас Вогизыч посмотрел на нас с иронией:

— Конечно, катить можно куда угодно. Если есть деньги. Это не клуб. Это распродажа. Покупайте, — рассмеялся он, — если у вас лежат доллары в этом банке. — И он кивнул в сторону небоскрёба с буквами «Бэнк оф Америка», а потом на таблички, которые были развешаны возле яхт.

— А что, покупаем? — сказал Витя, заломил берет и подошёл к причалу поближе.

И вдруг лицо его вытянулось:

— Шестьдесят тысяч долларов!

— Что шестьдесят! Вон двести пятьдесят тысяч! — показал Яша.

— Это целой команде год вкалывать! — подсчитал Витя.

— Так на того, кто может купить, и вкалывают целые команды, — сказал Атлас Вогизыч.

Возле нас стояли мальчишки, взрослые туристы и тоже смотрели на таблички с ценами.

— Вот вам и яхты! — сказал боцман. — Столпились на якорях. А чего их держать на привязи? Вон сколько кругом людей. Пусть учатся править, водить. Дело-то какое красивое!

«И верно, что держать? — подумал я. — Пусть учатся водить! Волны вокруг широкие, бегучие. Зовут! И человеку в яхте весело, и парусу хорошо лететь по морю. Красивое дело!»

СУВЕНИР ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Уже вечерело, когда мы вернулись на судно. Стали подниматься, а навстречу капитан и мистер Роберт. Прилетел... Дела!

— Находились? — спросил меня Пётр Константинович. — А то поехали с нами? К утру погрузят контейнеры, и уйдём.

— Как к утру? А другу монеты? А сувенир?

— Поезжай! — посоветовал с трапа Виктор Саныч. Он опять «дирижировал ансамблем»: — Сейчас заварю на всю ночь кофеёк, а утром — «гуд бай», Сан-Франциско!

— Конечно, поехали! — согласился я.

Капитан сел впереди с напевающим что-то Робертом, и мы

помчались по причалам, шумным стритам и просторным мостам.

На минуту Роберт остановил машину на скалистом берегу океана у прозрачного стеклянного домика:

— Сувениры.

Я вошёл в дом.

Он был весь, как морское дно, уставлен кораллами и раковинами. Но их у меня в достатке ещё с прошлых плаваний. Сам доставал! А вот что бы найти такое, что напоминало бы Америку?

Я увидел на столе большую синюю кружку. На ней яркими красками были оттиснуты виды Сан-Франциско. Вот «Голден-Гэйд» бридж, к которому мы шагали с боцманом, вот улочка со старым трамваем, а вот гора, на которую мы взбирались всей палубой.

Оглядел я кружку со всех сторон. Хоть и простая, а приеду в Москву, возьму её в руки — передо мной весь Сан-Франциско. Всё вспомнится.

Подбросил я её на ладони, шёлкнул по донышку. «Беру».

ПЕСНЯ

Мы мчались по улицам города. Солнце уже село.

Посреди маленькой площади мексиканский оркестр стучал в розовые тарелки и отплясывал «Кукарачу». Трубы

в руках музыкантов светились, как раковины. Стены домов были тоже розовыми.

Потом всё это вдруг погасло, и, перекрашивая город по-своему, в воздухе заплясали цветные огни реклам.

На одной из улиц рекламы горели особенно ярко и заполняли голубоватым светом площадь перед высокой стеной.

У стены стояли прилавки. Они были завалены разноцветными рыбинами. За стёклами стоек грозили клешнями громадные алые крабы.

Торговцы расхваливали товар. Один кричал:

— Крабы, крабы!

Другой поднимал за щупальца осьминога.

За высокой аркой плескались волны залива, и рыбаки, ещё в робах и сапогах, тащили в корзинах свой товар. Рыба плескалась и шлёпалась, как где-нибудь в шаланде.

Это был рыбный базар. Всё пахло морем, сырой солью, глубиной.

Мы отведали крабов по-санфранцисски.

Роберт сказал:

— Теперь посмотрим Сан-Франциско!

Казалось, что мы летим среди звёзд. Я старался что-нибудь запомнить, но видел только огни, огни, огни... В ночной темноте ближние кварталы снова становились электрическими полями, а дальние мерцали, как таинственные галактики, — с какими-то весёлыми пятнами света, силуэтами людей они проносились мимо и навсегда пропадали из глаз...

Наконец послышался гул океана, мы выехали на набережную и подкатили к большому зданию среди пальм.

Через минуту мы словно вошли в горящую печь.

Всё в зале было угольно-красно. За столиками сидели люди и цедили сквозь трубочки и соломинки из бокалов напитки. А в конце зала стоял микрофон и лежала гитара. Капитан сказал:

— Будет музыка.

На стол нам поставили напитки со льдом. А в это время на маленький помост вышел парень в алой рубахе. Около него на тумбе светилась тарелка. И все стали бросать на неё деньги. Парень кланялся и исполнял под гитару разные песни.

— Хорошо, а? Хорошо... — шепнул капитан.

Что парень пел, было непонятно. Но, наверное, про море, про паруса. А может быть, так мне казалось, потому что ветер доносил в зал запахи моря.

— Хорошо, — согласился я и опустил руку в карман. У меня ещё оставался последний доллар. Хотел я его отвезти товарищу для коллекции, но встал и положил на тарелку.

Парень посмотрел на меня, потом на тарелку и пренебрежительно усмехнулся.

Я растерялся: ему показалось мало. Всего доллар!

Но ведь я от всей души — последний, матросский!

Тут подошёл Роберт, бросил на тарелку несколько долларов и сказал:

— Спой русскую песню!

Теперь смутился певец:

— Я русских не пою. Я спою мексиканскую.

— Пусть поёт мексиканскую, — сказали мы.

Парень поставил ногу на стул, ударил по струнам и запел «Челиту». Мы переглянулись.

Так это же, хоть и мексиканская, а наша песня! Я её ещё до войны пел по вечерам с нашим соседом дядей Володей. Он, бывало, вынесет патефон, заведёт «Челиту», сам поёт и меня подбивает: «Подтягивай!» Хорошо получалось!

Потом дядя Володя ушёл на фронт, патефон разбомбили. А я, когда ходил выступать в госпиталь к раненым, всегда пел «Челиту».

Своя это песня!

Мы с капитаном стали подтягивать. Получается!

Я взял выше, мексиканец — тоже.

Я затянул ещё сильней. Получилось.

Капитан хлопнул меня по руке: «Давай!»

Я разошёлся, раззадорился, и голос зазвучал чисто, легко. Словно не я пою — сама песня поётся!

Гляжу, парень притих. Американцы повернулись ко мне и слушают. И не просто слушают, а подхватывают хором, подпевают!

Кончилась песня. Я слышу, кругом аплодируют. Ещё петь просят. Я попробовал, про себя затянул, а потом махнул рукой. Всё. Пропал голос. То ли от волнения, то ли спел я своё — и хватит. Лучше остановиться вовремя.

Успокоился я немного. Смотрю, американцы идут ко мне. Один, другой... Автографы просят. Я отмахиваюсь. А капитан смеётся:

— Пишите, разве жалко! Это ведь не только от себя, а от России!

Стали мы прощаться.

Подошёл ко мне парень-певец, пожал руку и говорит:

— А с русскими хорошо петь.

Я поклонился и говорю:

— И с американцами тоже.

РАДИОГРАММА

Всю ночь я не мог понять, сплю или нет. Перед глазами у меня всё сверкал Сан-Франциско; то из угла каюты всплывали алые крабы, то фосфорились рыбы... И мчались, пружинили, уносились дороги.

А на рассвете раздался крик: «Подъём!» Мы отшвартовались, выбрали концы и под спящими мостами пошли мимо небоскрёбов. Я посмотрел на окна, помахал напоследок: «Гуд бай! Уходим!» И днём наши штурманы уже отсчитывали мили в океане.

Мы крепили новые контейнеры, опять грохотали цепями. За бортом отфыркивались морские львы, и чайки, покружив над нами, поворачивали к берегу.

— Ну, вот теперь дело! — сказал Федотыч. — Десять суток до Японии, а там домой.

— А вдруг опять пошлют в Америку? — откликнулся Никоныч.

Федотыч ударил ладонью о поручень:

— Ну нет, я — всё, я в тайгу! В отпуск. Не могу больше!

— А я бы ещё полгодика прихватил, — вмешался Яша.

«Мне и вовсе рано скучать, — подумал я. — Можно бы ещё по Америке поездить. И Новая Зеландия впереди!»

Тут ко мне подошёл Витя:

— Тебя к капитану...

Я постучал в рулевую.

Пётр Константинович повернулся ко мне:

— Ну что, прощай Америка? — и улыбнулся. — Теперь мы домой идём. Мы — домой. А вы... — И он протянул мне радиограмму: «Иокогаме пересядете «Старый большевик» следованием Гонконг, Бангкок, Сингапур, Малазию, Индию. Судно Новой Зеландии будет осенью».

— Вот те раз! — сказал я.

— Что? — рассмеялся капитан. — Ничего дорожка?

Я перечитал радиограмму снова.

— Ничего! Бродить ещё месяца два.

— Да нет! Пожалуй, все четыре, — сказал Пётр Константинович. — К зиме вернётесь. Ещё надоест.

— Зато Гонконг, Бангкок, Сингапур, Индия, а впереди Новая Зеландия! — поразмыслил я.

— Да, Новая Зеландия — это здорово. — Капитан прошёлся из угла в угол. — В Новую Зеландию я бы тоже хотел попасть. Да вот не получается. Но всё-таки надеюсь! — азартно сказал он. — У каждого впереди должна быть своя Новая Зеландия. Должна, Атлас Вогизыч?

Третий штурман, наклонясь над картой, сверял курс. Он приподнял циркуль и кивнул:

«А как же иначе».

ПРИВЕТ КАПИТАНУ!

Федотыч как угадал. До Японии мы шли ровно десять суток.

Ночами от горизонта до горизонта то тут, то там грохо-

тали ливни, судно пробиралось среди молний и настоящих водяных столбов.

К утру тучи разбегались, выглядывало солнце, и мы раскатывали палубу коричневой краской. Торопились.

А на одиннадцатый день задымила впереди Иокогама. Собрал я вещи, попрощался со всеми и сел на японский катер.

Никоныч выглянул из-за борта, закричал:

— Привет передавай капитану, Ивану Савельичу! Там мой дружок капитанит!

— Ладно, — пообещал я, — передам! — Прижал ногой к борту чемодан, чтоб не вывалился, и махал, пока «Новиков» не остался за горизонтом.

Мы подкатили к трапу нового теплохода. Нашего, с красной трубой, с серпом и молотом. У трапа стояли наши ребята, встречали — тоже свои! Один, вихрастый, сбежал по трапу, протянул мне руку: «Привет», подхватил чемодан и повёл за собой.

Поднялись мы к капитанской каюте, постучали. Из-за двери быстро выглянул седой мужичок в трусах, замигал:

— Добрый день!

Я поздоровался, говорю:

— Капитана можно?

— Ну, я капитан!

— Иван Савельич?

— Иван Савельич. А что?

Я отдал свои документы и говорю:

— Привет вам от боцмана.

Капитан открыл дверь пошире:

— От какого?

— От Никоныча!

— От Володи?! — улыбнулся капитан. — Так где он?

— Здесь, — говорю. — На «Новикове».

— Ну ладно, спасибо... Устраивайся, — сказал капитан

и зевнул. — Потом поговорим. Двое суток с этой погрузкой не спал. — Он улыбнулся и прикрыл дверь.

А я пошёл устраиваться в маленькой лоцманской каюте возле радиорубки.

У КАЖДОГО СВОЁ ДЕЛО

Несколько дней мы ещё стояли в Японии, в Иокогаме и Кобе. В трюмы теплохода грузили рыбные консервы «Макрель», картонные ящики с сушёными рачками-креветками. И от судна шёл запах, как из огромной банки с крабами.

Потом трюмы закрыли, сверху поставили тридцать чёрных автомобилей «тоёт» — на Бангкок. С мостика раздалось: «Палубной команде занять места по швартовому расписанию!»

Сбоку поплыли зелёные острова. Замахали нам вслед ветками кривые японские сосенки.

Мы взяли курс на юг.

Я подобрал себе скребок и вышел на корму сбивать с палубы ржавчину. Судно другое, а работа матросская та же: драй палубу, крась, мой. Да на горизонт посматривай!

Вдруг слышу, кто-то бежит, напевает: «Мы с тобой старики, мы с тобой старики...»

Капитан. Тоже выбрал себе скребок, попробовал лезвие большим пальцем, пристроился рядом и спрашивает:

— Ну как там Никоныч?

Я стал рассказывать про Америку, про то, как ходили на мост. А капитан чиркает скребком, подставляет солнцу спину и покряхтывает:

— Вот так мы когда-то матросами с Никонычем драили! Наперегонки! Молодыми были...

Поработал час-другой, говорит:

— Ну ладно, отдохнул, пойду за арифмометр садиться. Тонны, мили, тонно-мили. Подсчитывать надо. Бухгалтерия!

И снова запел про комсомольцев двадцатого года.

Только он закрыл дверь, появился его помощник Фёдор Михайлович. Грузный, похожий на большую букву «Ф», он нёс под мышкой бамбуковые палки.

Помощник подошёл к борту, обрадовался.

— Ну наконец топаем. Удочки, — говорит, — готовить нужно. Где-нибудь около Гонконга или Бангкока рыбку ловить будем.

— Что рыбку! — Из камбузного окошка выглянул раскрасневшийся повар Ваня с камбалой в толстой руке. — Скоро попугаев и мартышек покупать будем!

— Ну уж сразу попугаев и мартышек... — сказал Фёдор Михайлович.

— А что! — сказал Ваня. — Я как-то купил в Индии обезьяну. Выговор чуть из-за неё не схлопотал.

— Как это? — спросил Фёдор Михайлович.

— А так, — рассмеялся Ваня. — Наш старпом любил абрикосы в компоте. И Чика любила. Старпом возьмёт в обед кружку с компотом, возмущается: «Где абрикосы?» А их, что ни день, меньше и меньше. Старпом распалился, решил устроить инспекцию. Как-то забежал на камбуз, а Чика из мешка абрикосы вытаскивает. Он на неё с кулаками, а она

в него — абрикосами! Вот так! Ей абрикосы, а мне — чоп, — сказал Ваня.

— Будешь знать, кого покупать! — засмеялся Фёдор Михайлович и пошёл в плотницкую делать бамбуковые удочки.

Ваня стал чистить камбалу, а я снова зашаркал скребком по палубе.

У каждого своё дело.

ДРУЗЬЯ ИЗ ПЕРУ

В несколько дней мы обогнули Японию, миновали остров Тайвань и заторопились по Южно-Китайскому морю с солнцем наперегонки. С утра оно гналось за нами, вечером мы бежали за ним. На запад, к Гонконгу.

Я пошёл в рубку посмотреть на карту — скоро ли будем на месте, как вдруг с крыла услышал крик:

— «Перуанец» догоняет!

— Наш!

— Я и говорю — наш «перуанец»!

Спорили три дружка: молодые штурманы — каждый ростом с дядю Стёпу — Коля и Веня, а между ними щупленький белобрысый Митя, второй радист.

Я тоже вышел на крыло и увидел вдали встречное судно.

— Уже успели в Гонконг сбегать. Машут! — крикнул Коля.

На «перуанце» действительно кто-то махал платком.

— Уз-з-знали! — обрадовался Веня.

— Что, небось монеты вместе меняли? — спросил с порога капитан.

— И эт-то б-было! — заикаясь сказал Веня.

«Было и это, — подумал я. — Но главное-то, конечно, не в этом, а совсем в другом».

...Как-то в Иокогаме мы окружили на причале Веню, который выкладывал на ладонь одну за другой монеты:

— Английская, нем-мецкая...

Наменял.

И тут за нашими спинами кто-то сказал:

— О, мони!

Мы оглянулись.

Сзади стоял смуглый крепыш с усиками и тоже заглядывал в Венину ладонь.

Он запустил руку к себе в карман и вытащил несколько тёмных монет. Но каких!..

На одной монете величественно поднимала вверх голову

перуанская лама. На другой возвышались зубцы древней крепости инков...

— Перу, — с гордостью сказал крепыш.

— Ч-ченч? — едва выговорил Веня. — М-меняем?

Но крепыш закачал головой и высыпал монеты ему на ладонь. Даром!

— А что тебе? — спросил Коля.

— Ничего, — развёл руками перуанец. — Ничего.

Он уже собирался уходить, но вдруг спросил:

— Есть Ленин-фото? Ленин-портрет?

— Для тебя? — спросил Коля.

— Си, — сказал перуанец. — Я коммунист.

— Будет! — пообещал Коля и в три прыжка взлетел по трапу.

Через несколько минут он принёс небольшой портрет, который снял со стены в каюте.

Перуанец слегка отвёл портрет в сторону, посмотрел. Потом взмахом руки пригласил нас к себе — на соседнее судно.

Перуанские моряки с нами здоровались, поднимали вверх руки: «Буэнос, амигос!» В каюте сидел мужчина и слушал приёмник, мы тоже сказали: «Буэно». Но мужчина молча взглянул на нас и отвернулся.

Наш знакомый махнул на него рукой: «Не обращайте внимания».

В каюте были две койки. Перуанец встал на табуретку и над верхней приколол портрет Ленина.

— Амиго Ленин, камрад! — сказал он торжественно. И вдруг его рука двинулась по воздуху, как маленькое судёнышко — с волны на волну. — Теперь он поплывёт со мной в Перу, через все моря! — улыбнулся перуанец.

В каюту стали заглядывать матросы, механики, которых мы видели на трапе.

Одни из них несли нам монеты, другие доставали из карманов письма и отрывали от конвертов марки:

— Сувенир! Память!

А у старого, морщинистого матроса в руках была бутылка с кукурузным напитком из Перу, и он протягивал её нам.

Моряки подходили к портрету, рассматривали его и одобрительно кивали.

И только один человек всё сутулился у приёмника.

— Всем нравится! — сказал старый моряк. — А ему нет. Он с капиталистами и сам думает стать маленьким капиталистом. О себе только думает. А чтобы стало хорошо всем, нужно ещё много работать. Очень много придётся работать.

Так и поплыл наш Ленин в перуанской каюте по морям, по океанам, в волны и штормы. С друзьями, у которых ещё очень много работы...

Вот почему сейчас с «перуанца» посылали нам привет.

Мы тоже отвечали им и как-то незаметно раскачивались: вверх-вниз.

Над нами спокойно горели яркие созвездия, но постепенно начинало покачивать.

МИШЕНИ НА КАРТЕ

За час-другой море вздулось большими широкими волнами, и судно стало перекатываться с бугра на бугор. В коридоре застучало, захлопало. Все бросились крепить двери.

Я тоже взял дверь каюты на крючок, чтобы не стучала, и сел за свой дневник. Но тут в коридоре послышалось: «Мы с тобой старики, комсомольцы двадцатого года», и мимо каюты пробежал к радиорубке капитан. Поёт «старики», а носится шустрей десяти молодых!

— Ну что, карта погоды есть? — спросил он и тут же послышался его возглас: — Ай-я-яй!..

Я тоже бросился в рубку.

Там в крохотном отсеке потрескивал аппарат, а начальник

рации из-под его валиков вытаскивал влажный лист сиреневой бумаги, на котором я узнал очертания Японии, Китая, увидел змеистые линии, а в центре — кружочки, похожие на мишени.

Капитан поднёс к глазам очки, отвёл лист в сторону, взглянул на него и снова закачал головой:

— Ай-я-я-яй!..

— Что? — спросил я.

— Ну и даст кому-то! Ну и даст! Да и нам может влепить! — оценил обстановку капитан, внимательно вглядываясь в карту. — Вон что делается! Здесь как в кастрюле. Самые страшные тайфуны завариваются. Сядет тайфун на хвост — только держись! Попадёшь в этот кружочек, — он ткнул очками в центр мишени, — и крышка!

— Так уж и крышка? — спросил я.

— А из центра тайфуна ещё никто не выкарабкивался, — сказал капитан. — Вон американцы послали когда-то судно, исследовать, что там внутри, — и больше никто о нём не слышал. Что там внутри, никто не видел. А кто увидел, уже не расскажет... — Он ещё раз покачал головой: — Ай-я-я-яй!..

— Убегать надо! — сказал начальник рации.

— Попробуем, авось проскочим. Да вот автомобили у нас на палубе. Если их накроет — фарш будет! Ох и завертит!..

КАСТРЮЛЯ В ОКЕАНЕ

По палубе с криком «Вот тебе и рыбная ловля!» уже торопился Фёдор Михайлович, а за ним с фонариком в руке шагал длинный, как Гулливер, боцман. Несколько матросов подтягивали возле машин тросы. И я стал помогать им. Помощник с боцманом ходили от машины к машине, стучали, как всегда, по тросам каблуками, проверяли, хорошо ли натянуты крепления.

Судно уже вреза́лось в волны, высоко задирало нос, и среди темноты разлетались над мачтами белые фейерверки брызг.

Казалось, автомобили вот-вот сорвутся с места и пойдут кувыркаться друг через друга. Но они стояли прочно. И при падении судна вниз вдавливались в трюмы, как наши подошвы в палубу.

— Ну, как машинки? — выскочил на минуту из камбуза Ваня.

— Машинки ничего! — крикнул боцман. — Ты лучше кастрюли и сковородки крепи.

— Это точно, — сказал Ваня. — Побегу! А то устроят такой джаз — барабанные перепонки лопнут. Вон как заворачивает!

Вокруг уже всё свистело, тонко взвизгивал, словно порезавшись о тросы, ветер, бил в лицо и толкал в грудь, в спину.

— Ну, теперь задраим двери, иллюминаторы — и по койкам! — сказал Фёдор Михайлович.

Всю ночь нас ворочало. Я прислушивался к взрывам ветра, к грохоту волн. А иногда заглядывал в рубку.

Капитан тоже не спал. Набросив на плечи потёртую фуфайку, он вымерял по карте пройденное расстояние, с карандашиком в руке подсчитывал мили: вроде бы, если поторопиться, должны проскочить! И он то и дело звонил в машину стармеху:

— Ну, дед, поднажми!

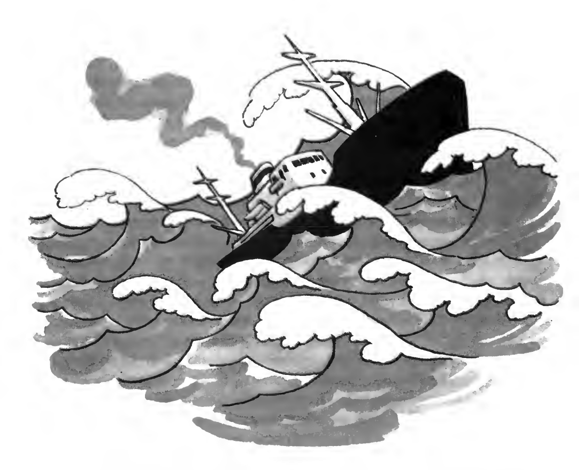
— Жмём! Больше некуда!

— Ещё немного попробуй! Покочегарь!

А утром, когда поднялось хмурое, укачавшееся солнце, Иван Савельич вышел на крыло и покачал головой:

— Ты смотри, что творит!

Волны крутились, перебрасывали с одной на другую какие-то ящики, окунали в зелёную пену бамбуковые клетки, а вдали взлетал и проваливался в воду чуть ли не целый дом.

— Вот даёт! Здесь бед натворил, а теперь пошёл на Японию, — сказал вахтенный.

— Но мы в-вроде бы п-проскочили, — сказал Веня. Он только что заступил на вахту.

— Насчёт проскочили сейчас посмотрим, — остановил его капитан.

Он пошёл в радиорубку и вернулся оттуда с новой картой погоды. На ней опять мишенями расползались тайфуны.

— Ну и кастрюля! — сердито сказал капитан. — Вот варит! Ещё один тайфун катит на нас от Филиппинских островов.

Из-за двери сквозь свист ветра послышался треск динамика и суровый голос диктора:

«На побережье Японии обрушились ураганные волны.

Улицы городов залиты водой. Разрушено множество домов, имеются жертвы».

— Да, д-достаётся японцам! — вздохнул Веня.

Капитан ещё раз с тревогой посмотрел в окно на автомобили и приказал:

— Следите за морем.

НЕБО КАК В АРТЕКЕ

Я всё старался разглядеть кастрюлю, в которой завариваются тайфуны, но волны, хотя ещё кипели, становились тише, мягче, и скоро вся поверхность моря сделалась ровной, упругой, как плёнка из полиэтилена.

— Ну, порядок, теперь дойдём. Теперь машины доедут! — Капитан весело пробежался по палубе и затянул уже новую песню: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

А над бортом у мостика снова возникли три головы. Чёрные, смоляные Коли и Вени, а между ними одуванчиком светлая Митина.

Все три друга плавали недавно и, чуть что, собирались стайкой, как мальчишки. Передаст Митя радиограмму — и на мостик. Посидит Коля над грузовыми документами — и к дружкам. Смотрят на острова, на дельфинов, покуривают — взрослые! — и вспоминают училище или школу.

Как-то из-под борта выпорхнула летучая рыба, повела по воде хвостом, как сапожным ножом.

Коля сказал:

— Вот бы такую поймать! Я в школьный музей обещал привезти.

— И я об-бещал в школу, — сказал Веня. —Только не рыбу, а коллекцию монет из разных стран.

— А меня просили привезти из Индонезии плёнку с песнями. А я никак туда не попаду! — пожаловался Митя.

А когда обошли Тайвань, Коля выбежал на мостик, зажмурился от солнца и охнул:

— Ну и небо! Синее, как в Артеке!

— А ты что, в Артеке был? — спросил я.

— Ага! — сказал Коля. — После пятого класса. В Кипарисном. Купался, виноград собирал.

— Вот наелся, наверное? — спросил Митя.

— До отвала! А шелковицей так объелся... Шелковица там такая большая росла. Вот наелись! — Коля засмеялся. — Всему звену промывание желудков делали! А потом после изолятора мы планёры строили, с Медведь-горы их запускали.

На минуту все притихли и посмотрели вдаль, будто увидели там и шелковицу, и Медведь-гору. А Коля взглянул на море, на небо и повторил:

— Ну точь-в-точь как в Артеке!

Вдруг послышался гул, от горизонта летел военный самолёт.

На палубу выбежал капитан, поднял бинокль.

Самолёт заходил с левого борта. Он с гулом пронёсся над мачтами, потом сделал ещё один круг и прогудел совсем низко, чуть ли не над самой надстройкой. На гул из камбуза выскочил Ваня с ножом в руках.

— Ну пират! — крикнул он. — Над мачтами летает! Настоящий пират!

— Такое место. Подходим к Гонконгу, — сказал капитан.

УТРО НА РЕЙДЕ

На заре мы стали подходить к Гонконгу. И я с самой темноты торчал на баке. Шутка ли!

Когда-то это слово будоражило весь мир. Мы с друзьями растаскивали на части книги, в которых оно попадалось:

за каждой буквой нам виделись тысячи таинственных историй.

Ещё в очень давние времена этот китайский порт старались прибрать к рукам дельцы из многих стран. Завладел Гонконгом — получил ключ к богатствам неведомого Китая: ввози свои товары, торгуй, вывози золото!

Захватила его Англия — и тысячи британских кораблей хлынули в порт...

Но добраться до богатств Азии было много охотников. И от разных хозяев — американских и японских, французских и немецких — в Гонконг пробирались разведчики, тайные агенты. По городу шныряли шпионы, наёмные убийцы, грабители. Они устраивали друг другу ловушки. И мир потрясали истории одна таинственней другой.

А в гавани бродили целые флотилии пиратов и контрабандистов. Тысячи спекулянтов — английских, китайских, японских — старались обобрать друг друга. Самые удачливые, самые жестокие из них богатели, становились капиталистами, хозяевами богатого Гонконга.

Вот в какой порт входили мы сейчас.

Среди зелёной воды возникали холмистые острова — целые лабиринты! Из-за них, весело играя, поднимались к небу лучи солнца.

На фоне жёлтого острова чётко обозначился серый силуэт авианосца.

— Американец! — показал биноклем Иван Савельёвич. Я его узнал сразу. Видел, как провожали из Сан-Франциско, и усмехнулся: бывают же встречи!

Мы быстро миновали судно.

Скоро из-за островов вышли джонки под яркими цветными парусами. Они набирали полные полотна солнца и наполняли воду весёлыми отражениями. Алыми, фиолетовыми, коричневыми. У берегов по всему заливу затемнели баржи с навесами. На их палубах резко чадили керосиновые дымки, гудели

примусы, у кастрюль стояли женщины и перекликались звонкими голосами.

Просыпался рабочий люд.

На длинных цепях в бухте чуть пошевеливались сотни судов. А за ними поднимался Гонконг.

Он белел десятками высоких зданий и, чем ближе мы под-

ходили, тем больше казалось, что не только мы глядим на него, а сам город, как с трибун стадиона, смотрит на свой залив, на идущие по нему корабли, любуется ими. И казалось, что всё в этом городе под этим синим небом прекрасно.

ВЕСЁЛЫЙ ГОРОД

К борту сразу же потянулись баржи, полезли на палубу грузчики.

За Колей, как за буксиром, побежали к трюмам бойкие торговые агенты, заскрипели тросы лебёдок и закачались в стропах ящики с креветками и макрелью.

А команда, свободная от вахты, получила у помощника капитана гонконгские деньги и села в катер.

— Только не теряться в щелях, — предупредил на прощание капитан. — А то облапошат в два счёта.

— Это т-точно, — сказал Веня, он сидел на самом носу катера. — К п-пи-ратам едем. Голову от-торвут, как к-кокосовый орех. В-вес-сёлый город!

Вдали зеленели острова. Между ними ходили тугие волны. Катер быстро зарывался носом, и в лицо летели радужные брызги. Я ловил их руками. То с одной, то с другой стороны сверкали влажные бока судов. В стороне качались баржи. На одной женщина держала малыша и умывала из таза. На другой хозяйка доставала ведром из-за борта воду. Тут и там полоскалось под ветром бельё и светилось от солнца.

— Красиво... И раздеть здесь тоже красиво могут, — засмеялся тоненький Митя.

— А что, кроме шуток, — вмешался Ваня. Он был в новенькой рубахе, в остроносых туфлях. И брюки у него были наглажены, как отточенные лезвия. — Тут сколько случаев было, целые пароходы пропадали! Недавно ограбили какое-то шведское судно.

— Ну, это уж сказки! — рассмеялся я. — В наше-то время?

— Какие сказки?! — выпучил глаза Ваня. — Ограбили шведское судно! Ночью подошли на джонках с оружием из-за этих вот островов, согнали на корму всю команду. Пистолет к виску, а сами бросили груз на джонки — и концы в воду. Один полицейский напал на след пиратов, так потом его голову нашли где-то в кустах.

— Г-го-лову от-торвут з-запросто, — таинственно повторил Веня, будто не раз попадал в такие истории.

— А, ерунда! — сказал электромеханик Валерий Иваныч, у которого было прозвище «Чудеса ботаники», потому что он собирал редкие, диковинные растения. По переборкам его каюты вились лианы, на полу стояла пальма... И сам он со своей стрижкой «ёжик» походил чем-то на кактус. Он и сейчас ехал снимать чудеса ботаники Гонконга.

— Красивый город, — сказал Валерий Иваныч. — Нужно уметь видеть красивое.

И Гонконг утвердительно сверкнул всеми своими стёклами.

ДИСНЕЙЛЕНД В ГОНКОНГЕ

Мы подошли к причалу. Катер со скрипом протиснулся среди барж. И Веня, прыгая по ним, вдруг закричал:

— Братцы, м-монеты! — и бросился к киоску, за стёклами которого издалека поблёскивали серебряные кружочки.

Я хотел было побежать за ним — другу-то обещал монеты! Но «Чудеса ботаники» взял меня за локоть:

— Посмотрим на город сверху. А остальное ещё успеем.

Только мы отошли от причала, как Валерий Иваныч воскликнул:

— Ого! Вот это да!

Прямо перед нами, как скала, возникла многоэтажная го-

лубая громада. Странное сооружение! Вроде бы и дом, но вместо окон сияли огромные круглые иллюминаторы.

— Видел? — с изумлением сказал Валерий Иваныч. — Морской вокзал! Недавно построили! А ну пошли дальше! Что там ещё за чудеса?

Мы втёрлись в шумную толпу и вышли на бойкую улочку.

И тут тоже начались чудеса. Но совсем другие.

По улице, словно в Диснейленде, дребезжал старинный двухэтажный трамвай. Из окон его смотрели китайцы, но не гуттаперчевые, а настоящие, живые.

Рядом с трамваем бежал человек и тащил коляску, в которой сидел толстый мужчина.

Не мужчина — пуховик! Будто его нарочно посадили продемонстрировать, как капиталисты эксплуатируют бедняков.

За ними ещё один тощий китаец тянул ярко-красную коляску с картонными ящиками, а сбоку бежала китаянка и покрикивала. Наверное, «быстрей, быстрей!».

Совсем как в прошлом веке! Только люди были сегодняшние, живые.

Какой-то мальчишка взмахнул передо мной пачкой газет. Прошли несколько шагов, и старик рикша тронул меня за плечо:

— Поехали!

Но я показал на ноги:

— Ничего! Как-нибудь на своих на двоих!

ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕТИ ГОНКОНГА

Мы быстро прошли шумную улицу, заваленную картонными ящиками, уставленную лавочками, возле которых хозяева жевали резинку, кричали, размахивали платками, лентами, трещали трещотками, и стали подниматься в гору.

Здесь не было ни лавок, ни рикшей. Высоким зданиям

было просторно. Под тенистыми деревьями проносились сверкающие автомобили. И маленький полицейский в шортах и в белом шлеме указывал жезлом дорогу.

Над одним высоким домом развевался английский, над другим — американский флаги.

Здания светились, будто айсберги. А шум города долетал сюда снизу, как гул птичьего базара.

Дорога вилась по сопке, и над нею нависали крепкие тропические лианы.

— Это только начало, — сказал «Чудеса ботаники», снимая фотоаппарат, похожий на ствол миномёта. — Вон какая красота!

Сверху действительно было на что посмотреть. Между зелёными островами качались цветные суда, голубое небо сливалось с голубой водой, а далеко-далеко, у самого горизонта, тянулись пароходные дымки.

Но вот мы поднялись ещё выше и пошли по широкой лестнице. Она была вся белая и уходила вверх — в небо. Возле неё рабочие подстригали газоны, а где-то вверху, казалось у самых облаков, темнела статуя английского короля в высокой, как колпак, короне... Вскинув голову, выставив вперёд ногу, он оглядывал океанские дали.

Рядом с памятником ходили павлины с яркими хвостами. И тоже по-королевски поднимали головы, будто прислушивались к рокоту моря.

— Отличный вид! — сказал Валерий Иваныч.

Он приготовил фотоаппарат.

Но тут из аллеи выбежала стайка китайчат с чёрненькими чёлочками, в белых сияющих рубашках. Мальчишки шалили, болтали головами из стороны в сторону.. За ними семе-

нила на высоких каблучках изящная няня или воспитательница.

Они взобрались на пьедестал к королю, смеясь уселись вокруг него, а один, подпрыгивая, как козлёнок, подбежал к нам и показал мизинцем на детей: сфотографировать!

— Можно! — улыбнулся Валерий Иваныч.

Мальчуган взобрался на пьедестал и, сев среди своих товарищей, наклонил голову набок.

«Чудеса ботаники» прицелился и щёлкнул аппаратом. Я тоже сделал снимок.

Мальчишка наклонил голову в другую сторону и показал: ещё и так.

Электромеханик улыбнулся:

— Пожалуйста и так!

Тогда малыши спрыгнули, а один, тот самый, остался и показал пальцем: «Теперь меня одного».

— Ишь ты! — удивился я.

— Хватит, — сказал Валерий Иванович.

Воспитательница подошла к нему и тоже сделала знак: «Хватит». Но мальчуган поджал губы, гневно поглядел на неё, потом в нашу сторону и топнул ногой.

Остальные дети притихли и с любопытством смотрели то на воспитательницу, то на мальчишку — ждали, что же будет. Видно, здесь привыкли выполнять его капризы.

Но мы закрыли аппараты, и мальчишка зло спрыгнул вниз.

— Ничего себе! — сказал я Валерию Иванычу. — Ничего себе привычки с детства. Выучился у кого-то!

— Дети, — ответил он. — Обыкновенные дети Гонконга.

«Не очень-то обыкновенные», — подумал я.

Мы посмотрели ещё раз сверху на море, на ослепительные облака и стали спускаться по лестнице — с неба на землю.

ВСТРЕЧИ НА ТОРГОВОЙ УЛИЦЕ

Снова послышался уличный шум, запахло соей, перцем, появились улочки, заставленные лавками. В одной лавке седенький старичок в треснувших очках вколачивал в старый ботинок гвозди. В другой — женщина чистила рыбу.

Из харчевен потянуло запахом чеснока и каракатиц, под ногами зашуршала обёрточная бумага в иероглифах, захрустела скорлупа. И впереди между высоких домов показался торговый ряд — настоящая щель!

Торговцы выскакивали из-за прилавков, хватали прохожих за руки, хрипели, шептали, кричали:

— Мохер!.. Нейлон!.. Вери гуд!.. Америхэн!..

Ко мне подскочил желтозубый молодой китаец, вцепился в рубаху и затараторил:

— Корефан, друг, покупай!

— Что-то наших не видно, — сказал я Валерию Ивановичу, — уж не потеряли ли голову? — И вдруг столкнулся нос к носу с поваром Ваней. Цел! И голова на плечах.

— А я босоноги купил! — похвастал Ваня. — По камбузу бегать. А ты что?

— А ничего. Марки ищу!

— Да вон их в киоске завались! — Ваня схватил меня за руку. — Пошли.

Перед нами пробежал мальчуган с коромыслом. Маленький, тощий. Бока у него вздувались, как мехи, и было видно, как ходят рёбра. На коромысле качался десяток кастрюль, и из всех валил пар.

Следом за ним бежал ещё один, ещё меньше. Ноги его, казалось, подламывались, коромысло врезалось в плечо. В котелках плескалась горячая похлёбка, и он старался не расплескать её. Лицо его было искажено от напряжения.

Я посторонился, чтобы дать дорогу. Но тут сзади на меня кто-то прикрикнул.

Я оглянулся. И там, обливаясь потом, мчался мальчишка. Нейлоновая рубаха на нём была расстёгнута, и в руках тоже покачивались большие котелки.

А за ним ещё и ещё... Потные, взмокшие ребятишки толкали коляски с ящиками, тянули вёдра. Они ловко прокладывали себе путь, покрикивали, как катерки, и пропадали в узких проулках.

— Видел жизнь? — вздохнул Ваня.

— Дети Гонконга, — сказал я.

Валерий Иванович нахмурился и ничего не сказал.

Я достал фотоаппарат, но тут же спрятал. Здесь было темно, да и неловко как-то фотографировать человеческую беду. А стоило бы снять, чтобы дома показать, какой он, настоящий Гонконг. Сверху донизу.

ПЕНСИЯ ДЛЯ РИКШИ

По улице валили толпы народа. Шагали с покупками американские матросы с авианосца. Как кораблики, качались их белые шапочки. Сердито извивались драконы на блузах китаянок.

Сквозь толпу пробирались автомобили и, обгоняя их, потея, снова торопились рикши — на велосипедах и в упряжи.

Я спросил:

— Интересно, такси вокруг полно, а люди на рикшах раскатывают. Зачем?

— Дешевле, — сказал Валерий Иванович.

— На машине два-три доллара, а тут доллар бросил — и кати куда угодно, — объяснил Ваня. — Экономия.

— А бегут-то старики, — сказал я.

— А молодому что тут делать,—сказал Валерий Иваныч.— Молодой на стройку пойдёт или торговать.

— Так этим уже на пенсию пора! — заметил я.

— На пенсию? — усмехнулся Ваня. — Сейчас увидишь пенсию.

И он потянул нас в какой-то тесный проулок. Стало совсем темно. Солнце сюда не пробивалось. Было душно и влажно.

Небо словно пропало. Кое-где в лавочках горели свечи. На улице прямо на лотках горами лежали пальто, куртки, мотки ниток. Торговцы провожали нас и, кося глазами на соседей, таинственно шептали:

— Не надо его покупай. Его плохо! Моя покупай!

А у грязной стены среди окурков и обрывков целлофана, вытянув голые ноги, дремали старики, привалясь друг к другу. Рядом лежала ободранная, старая кошка и поглядывала по сторонам.

Это сюда, в эти ряды, бежали мальчишки с кастрюльками, котелками и раздавали их налево и направо торговцам. А старики только косили им вслед уголками глаз.

У богатой лавки стоял молодой упитанный торговец с тарелкой в руке. Он степенно доставал палочками рис и отправлял в рот.

За его спиной переливались шелка. На вешалках висели в ряд пальто и шубы.

Наконец он поел, выставил ногу вперёд — как король на пьедестале, — что-то крикнул, и тотчас к нему подбежал тощий, согнутый старик. За стариком потянулась кошка.

Торговец показал старику на пол: «Подмести». И старик стал быстро мести мусор бамбуковой метёлкой. Подмёл, поставил метёлку в угол и встал около двери.

Торговец подбросил монету — она упала на пол к ногам старика, — протянул ему тарелку: в ней что-то оставалось. Тот, кланяясь, взял её, подобрал монету и хотел сесть у дверей магазина, но хозяин замахал рукой: «Пошёл, пошёл!» И старик, кланяясь, попятился к стене.

Он примостился на корточках, взял горстку риса, положил возле кошки и, подвинув тарелку поближе, стал есть.

Мимо него шли матросы с покупками, задевали платьями торговки-китаянки, перешагивали через ноги мальчишки-разносчики. Но старый рикша не обращал на них никакого внимания.

— Вот тебе и пенсия и прекрасный Гонконг, — сказал Ваня. — А что город красивый, так кто спорит!

ТЕНИ НА ВОДЕ

Ночью на палубе у нас не работали. Молчали лебёдки, тихо было в трюмах.

Я заступил на вахту и иногда обходил палубу, чтоб никакие пираты не стащили у боцмана краску, не сбили замки с малярки.

Небо играло звёздами, отражалось в воде, и по нему скользили баржи и джонки — домики на плаву. Легко, невесомо. Будто это были только тени. Казалось, что и живут в них тени, а не люди. Вот течение понесло плавучий дом — заколебалась на окне занавеска, а на занавеске тени.

Вот тень-мужчина взяла тень-чашку, вот из чашки закурился тень-дымок.

А вон потянулось ещё судёнышко. У него на занавеске тень-женщина баюкает на руках тень-ребёнка. А рядом на джонке две тени укрылись тенью-одеялом и разом дунули на тень-свечу...

Я всё ходил по палубе и смотрел, как проплывает мимо тень-жизнь...

Вышел штурман Веня, закурил и тихо сказал:

— Как в т-театре т-теней.

Я кивнул ему молча, чтобы никого не разбудить. Утром начнётся дневная жизнь: заскрипят краны, зашумят лебёдки, и не тени, а живые люди потянут на спинах грузы, понесут ящики, потащат на коромыслах чаши и, как маленькие лод-

чонки перед айсбергами вельможных зданий, будут толкаться и кричать старые, усталые рикши.

Пусть отдыхают.

«КОРЕФАН»

Все уже купили для друзей сувениры. Кто раздобыл монеты, марки, а я пока — ничего.

И теперь шагал за помощником капитана, приглядываясь к прилавкам.

В одном магазине приглядел целое деревце. Сосенку. Такую, как провожала нас из Японии, только миниатюрную. В другом продавали кобру с мангустой. А ещё дальше хохотала обезьяна из кокосового ореха. Выкатила глаза, выпучила красные губы. Шляпа на ней, как на английском офицере, очки из проволоки...

Хороша!

Но Фёдор Михайлович поморщился и тряхнул чубом.

— Зачем тебе обезьяна из кокосового ореха! Да этих кокосов кругом пруд пруди! Сам вырежешь! Такую образину соорудишь — упадут! — И вдруг он повернулся ко мне: — Ты себе куртку купи. Возвращаться когда будем? Зимой! А ты в рубашке. А ну-ка пошли!

И мы опять нырнули в «щель».

Едва мы пробрались к прилавку, от которого несло запахом кожи, ко мне подскочил знакомый уже китаец:

— А, корефан! Пальто! Смокинг! Куртка!

Он вытащил одной рукой из вороха вещей жёлтое хрустящее пальто, подбросил его, другой — бесцеремонно похлопал меня по карману:

— О, мони есть! Деньги есть. Покупай!

— Ладно, ладно, — отодвинул его в сторону Фёдор Михайлович. — Знаем! — И подмигнул мне: — Уже подсчитал, сколько содрать. Тут ухо держи востро.

Помощник капитана сам вытащил чёрную куртку, чтоб и от снега и от дождя, примерил мне к плечам и вздохнул:

— Маленькая.

Китаец засуетился:

— О, литл, маленький. Не надо литл, найдем биг — большой! Только покупай, мы — друзья. Ты корефан, я корефан...

Он метнулся в лавчонку, выбежал с новой курткой, стал надевать на меня. Не лезет!

— Сейчас, секунд, — сказал китаец, что-то выдернул из рукава, крутнулся волчком. Полезло!

Фёдор Михайлович обошёл меня со всех сторон, посмотрел и степенно сказал:

— Хорошо.

Китаец обежал вокруг, закачал головой, зацокал языком:

— Хорошо, корефан. Мони давай.

Отсчитали мы ему доллары, завернули куртку и пошли дальше. Вдруг я почувствовал, что в руке у меня чего-то нет. Не хватает чего-то!

Прошёл ещё немного и спохватился:

— Фотоаппарата нет!

— А был? — спросил Фёдор Михайлович.

— А как же! — говорю. — Аппарат сына, да и плёнка интересная.

Мы вернулись к лотку, где видели мангусту, — нет аппарата! Остановились у магазина, где продавали обезьяну, — нет аппарата!

Фёдор Михайлович уверенно зашагал к «корефану». И я вдруг вспомнил: «Да ведь я аппарат в руке держал, когда к нему подходил! У меня ещё рука в рукав почему-то не влезала. А потом полезла!»

Подошли мы, а китаец нас будто и не замечает.

Фёдор Михайлович приподнял одно пальто с лотка — китаец покосился. Я приподнял второе — он подбежал и как затараторит:

— Что тут корефан ищет, что надо?

— Фотоаппарат, — говорю.

— Аппарат?—Торговец щёлкнул пальцем у глаза.

— Да, — кивнул я.

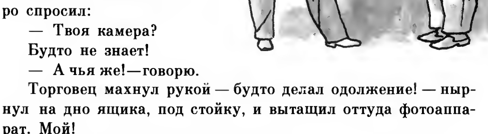
— Нет фотоаппарата, — говорит,— не знаю. Тесное слово!

Тут Фёдор Михайлович приподнял чуть не весь лоток. А китаец повернулся ко мне и быстро спросил:

— Твоя камера?

Будто не знает!

— А чья же!—говорю.

Торговец махнул рукой — будто делал одолжение! — нырнул на дно ящика, под стойку, и вытащил оттуда фотоаппарат. Мой!

Протянул он мне его и говорит:

— На! Ты корефан, я корефан. Мы друзья. Теперь всё только у меня покупать будешь!

Торговцы вокруг ухмыльнулись.

— Ну и корефан! — сказал я весело.

— Пират ты, а не корефан, маленький гонконгский пират! — рассмеялся Фёдор Михайлович. — Надо ещё посмотреть, не валяется ли у тебя там чья-нибудь голова.

— Голова? — торговец быстро поднял глаза и затряс ладонью. — Голова нет! Тесное слово! — И он бросился ловить новых покупателей.

А Фёдор Михайлович отобрал у меня свёрток и, пристраивая его под мышкой, проворчал:

— Давай сюда, а то тут и без аппарата, и без куртки останешься!

ВАЛЬС НА ПРИЧАЛЕ

Ещё утром, сойдя на берег, мы увидели в порту маленькую босоногую девочку. По всему причалу сидели и лежали грузчики и рабочие в пыльных робах. А девочка аккуратно переступала через них и подавала то одному, то другому блестящие оловянные чашки.

Плескалось море, скрипели баржи, чашки стучали о причал, и казалось, будто она под эту оловянную музыку танцует какой-то странный танец. С чашками.

— Вальсирует, — сказал я.

— Хозяйка, — заметил Фёдор Михайлович. — Стольких накормить! Навальсируешься. — И тут же похвалил: — А молодец!

Девочка задвигалась ещё быстрей. Со всех сторон её звали, а из лавки, стоявшей на причале, пожилая женщина всё подавала чашки с горячей кашей, и вслед нам доносился их стук...

Когда мы вернулись на причал, был уже вечер. Хорошо! Ни городского шума, ни крика торговцев. Морской ветерок, волны да корабли до самого горизонта.

И вдруг Фёдор Михайлович сказал:

— А девчонка-то всё вальсирует...

Мы этого как-то сразу не заметили.

Весь причал был уставлен чашками, и девочка устало наклонялась и собирала их.

Следом за нами на причал спустились несколько чопорных англичан, а за ними, вся в белых кружевах, как облако, по-

явилась высокая молодая женщина. Она словно бы возникла из прошлого. На шляпе у неё развевались пышные перья, а сзади чуть ли не тянулся настоящий шлейф!

Она прошествовала мимо девочки и пальцами отвела в сторону край платья, чтобы не испачкать об чашки.

Девочка подняла голову, лицо её вдруг вспыхнуло от удивления, глаза засветились. Но женщина как-то высокомерно взглянула на неё и на её руки; девочка тоже оглядела себя, своё платье, сгорбилась и стала собирать посуду. Как Золушка.

Раздался гудок. Это сигналили катера, и мы отправились на пароход.

Вокруг нас бурлила вода, мчались рядом судёнышки — не таинственные пиратские, а натруженные джонки, баржи, на которых вместе со взрослыми деловито раскачивались в такт волнам дети. Они ворочали тюки с хлопком, швыряли сетки макулатуры, раскатывали тяжёлые рулоны бумаги.

Постепенно Гонконг удалялся. Пропали из виду улочки, скрылись причалы, и всё за кормой становилось снова ярким, весёлым, праздничным.

●

НАДО ГОТОВИТЬ КРЮЧКИ

Мы шли через Сиамский залив в Бангкок, столицу Таиланда. Я и думать не думал попасть в эту страну, хотя слышал о ней давно, ещё когда она называлась «Королевство Сиам». По её джунглям пробирались самые страшные кобры. В болотах таились крокодилы, а её король выезжал во время праздников на белом слоне...

Иван Савельевич, довольный, пробежался по судну, сообщил:

— Порядок! Тайфунов не предвидится.

Я взял матросский инструмент — швабру, ведро, — но тут хлестнул тёплый тропический ливень, смыл с судна всю пыль и грязь почище заправского боцмана, выровнял волны, и по воде во все стороны зачиркали хвостами стаи летучих рыб.

На палубу выбралась вся команда.

Радисты монтировали антенну. «Чудеса ботаники» высаживал в банку новую рассаду, а боцман — молодой, высокий — прохаживался рядом и насмешливо приговаривал:

— Палуба — это железо, металл! Всё на ней должно быть железным! — И он показывал мозолистую ладонь, будто она тоже была из железа. — А тут на́ тебе! Чудеса ботаники, травки-муравки...

Но Валерий Иванович спокойно продолжал своё дело.

В дверях появился Фёдор Михайлович:

— Правильно, Валерий! Боцман ещё спасибо скажет!

Боцман хотел что-то ответить, но посмотрел на помощника и воскликнул:

— Вот это другое дело!

Фёдор Михайлович, держа несколько крючков, спаянных вместе, обматывал их красными тряпицами,

— Кальмарницу готовлю. Кальмаров ловить,—сказал он.

— Эх и половим кальмарчиков! — обрадовался Ваня. — А потом их на сливочном масле, с лучком, а? — Глаза под

очками сверкнули. — Всю команду накормим. Да ещё с жареной картошечкой... Объедение!

Видеть кальмаров я видел, а вот чтобы тянуть на крючке, этого мне не приходилось. Так бы и я половил!

«Чудеса ботаники» вдруг подпрыгнул, как мальчишка, схватил фотоаппарат и бросился к борту:

— Дельфины! Какие дельфины!..

Что дельфины! Надо готовить крючки. Впереди — кальмары.

ПОДПИСЬ КАЛЬМАРА

Как-то под вечер по правому борту возникли и скоро исчезли голубые прозрачные острова. А впереди открылся странный берег. Прямо из воды торчали жёсткие кусты, кое-где они поднимались над водой на спутанных корнях, будто на лапах.

Тут и там посреди залива одиноко стояли пальмы.

Вот сверкнул впереди огонёк на каком-то судне. Мигнул одинокий маяк.

Капитан дал на берег радиограмму, что мы подходим к Бангкоку. В ответ сообщили: «Ждите. В порт поведём утром». На баке загрохотала цепь. Плюхнулся в воду якорь. И всё стихло.

В распоряжении у нас была целая ночь. И после ужина вся команда повалила на корму за Фёдором Михайловичем.

Я притащил большую электролюстру, вывесил за борт и включил. В воду упал луч света, и сразу с трёх сторон вниз полетели кальмарницы.

Лиловое небо стало совсем тёмным. Из прибрежных джунглей уже доносились неясные ночные звуки, цверенчали цикады. Над мачтой всплеснулась тень — порхнула, закружила летучая мышь.

Фёдор Михайлович сказал:

— Ничего, сейчас совсем стемнеет, пойдут кальмарчики.

И вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите!

Мы перегнулись через борт и увидели, как из глубины всплывает бурая вьющаяся лента. Она подняла над водой плоскую голову и ушла вглубь. У меня мороз побежал по коже.

— Змея! — крикнул боцман. — Дёргай!

— Я её сачком! — сказал Валерий Иванович.

Но к борту подошёл капитан:

— Не трогать, она ядовитая.

Змеи выныривали одна за другой, а кальмаров всё не было.

Фёдор Михайлович зевнул. Дёргать леску ему надоело, и он отдал её мне.

Я налёг на борт и потянул крючок на себя. В воде блеснуло что-то прозрачное, как целлофан. А матросы вокруг меня закричали:

— Да что же ты, дёргай, тяни! Осторожно...

Я торопливо стал тянуть леску. Внизу за бортом кто-то затрепыхался. Но я подтянул добычу выше, и рядом со мной зафыркал живой прозрачный мешочек. На меня смотрел маленький злой глаз, дёргались короткие щупальца.

Я сбросил мешок на палубу, нагнулся, чтобы рассмотреть, и вдруг он подскочил, хрюкнул и стрельнул в меня из острого хвоста чёрной жидкостью. Вся палуба вокруг стала чёрной, а по моему лицу и по рубахе поплыли чернильные пятна.

— Что, есть? — раздался рядом радостный голос, и звякнуло ведро, которое Ваня принёс для кальмаров.

— Есть! — крикнул я, бросая добычу в ведро, и показал на рубаху. — Не видишь?

— Ишь, — рассмеялся Ваня, — это они дымовую завесу устраивают. Обманывают. Чтобы ловили чернильное пятно, а не их.

Теперь маленькие моллюски шлёпались на палубу один за другим и выбрасывали струйки чернил. Ваня осторожно

складывал кальмаров в ведро, отодвигаясь как можно дальше.

Но вот джунгли осветила яркая зарница, над берегом поплыло мохнатое душное облако, дотянулось до нас. Небо треснуло от молнии на несколько гигантских кусков, и на весь залив рухнул гулкий тяжёлый ливень.

Ваня подхватил ведро, нырнул в камбуз. За ним бросились другие. Громыхал гром, светились молнии, сверкали струи дождя. Я весь промок. Но кальмары носились в воде, как маленькие снаряды, и я всё дёргал леску.

— Может, хватит? — сказал наконец Фёдор Михайлович. С чуба у него струйкой текла вода. — Да и рубаху надо выстирать. А то так и вернёшься в Москву с кальмарьей печатью и подписью.

НА СПИНЕ УДАВА

Дождь прошёл. К утру небо очистилось, и последние облака, как прозрачная стайка кальмарчиков, скользнули за горизонт. Протолкнулся сквозь воду край солнца, и вдруг всё ожило, заговорило.

— Так, приготовиться! Сейчас трогаем! — почти пропел Иван Савельич.

Я завернул на минуту в рубку. Там штурман Веня уже с хрустом прокалывал карту иголочкой циркуля.

— В-вот г-где п-пойдём петлять, — показал он, — на спине удава.

Широкая река вползала в джунгли, будто мускулистый удав. Даже на карте чувствовалось, как упорно она сжимала и разжимала свои могучие кольца.

«Интересно, где же город? Весь затерялся в джунглях?» — подумал я.

По трапу поднялся маленький скуластый лоцман в лёгком тропическом костюмчике, капитан скомандовал:

— Малый вперёд!

Я спустился на корму. Там толпилась команда, смотрела, как мимо нас летят под парусами рыбачьи катамараны.

— Ну что, моего друга ещё не видно? — балагурил Ваня.

— Как же не видно, вон он! — в тон ему отвечал боцман. — Уже стоит, поварёшку навстречу протягивает.

В воздухе запахло камышом и мандариновой кожурой. Будто кто-то рядом чистил мандарины.

Мы свернули в реку, и всё вокруг разом зазеленело. По берегам встали зелёными стенами пальмы, мягко раскачивались пышные листья бананов, щекотали воздух острые кисточки бамбука. Они сжимали реку, такую коричневую, будто в верховьях кто-то вливал в неё густо заваренный кофе.

Потом среди воды показались домики на сваях. И раздался треск.

— Ну всё, затыкай уши! — сказал Ваня.

Навстречу нам двигались целые поезда лодок с моторами на бамбуковых шестах. Впереди шумел катер и, подпрыгивая на волнах, тянул их за собой, как вагончики.

А возле них поплыли чьи-то головы.

— Вон тебе и обезьяны. Видишь? — сказал Фёдор Михайлович.

— Где? — вскинулся я.

— А вон, в воде. Поймаешь и вырежешь!

Вот оно что! По воде плыли мохнатые кокосовые орехи.

— И верно, — сказал я. — Тут я уж точно вырежу такую обезьяну, только держись!

Среди зарослей на берегу что-то остро сверкнуло золотом. Я пригляделся. Там поднимались вверх золотые, светящиеся шпили. Это среди зелёных двориков стояли тайские храмы, пагоды. Изящные, как резные шкатулки.

Но вот пальмы раздвинулись, открылось большое озеро. Запестрели цветными бортами, заиграли флагами суда. Донёсся гул большого города.

Фёдор Михайлович подошёл к трюму, похлопал по колесу «тоёты» и облегчённо вздохнул:

— Ну, наконец-то доплыли. Баста!

ОБЕД ДЛЯ ТИГРОВ

Едва мы пришвартовались, на причал вырулил грузовик, с которого спрыгнул сухощавый мужчина и стал стаскивать на землю котлы, кастрюли, печку. А крепкий грузчик, у которого на груди синела вытатуированная морда тигра, потащил их к борту. Мускулы грузчика перекатывались, и казалось, тигр сердито скалится.

Мужчина достал из бумажного мешка белую куртку, натянул поварской колпак и, увидев Ваню, закричал:

— А, шеф, кок! Как деля?

Ваня победно посмотрел на всех нас:

— Ну, что я говорил?

Это появился старый Ванин знакомый — повар тайских грузчиков.

Он поднялся на корму, похлопал по груди себя, Ваню: мол, вот и встретились!

На верёвке снизу ему подали чугунный котёл и мешок.

— Рис! — угадал Ваня.

— Райс! — подтвердил мужчина.

Снизу поплыл ещё какой-то куль.

— Перец! — сказал Ваня.

Мужчина опять кивнул. Затем на палубе появилось мясо, баклажаны и какая-то травка.

Ваня нагнулся, понюхал её, и лицо его стало удивлённым: «О!»

А мужчина сладко втянул воздух, будто попробовал травку на вкус, и поднял вверх большой палец.

На корме установили круглую железную печку, тайский повар поставил на неё котёл и сказал:

— Вода, вода!

— Будет вода, — пообещал Ваня.

Я принёс шланг, протянул его на кухню к крану. Ваня доложил тайскому повару:

— Ну вот и порядок, можно работать! — и отправился готовить обед.

Тайский повар тоже принялся за дело. Промыл «райс», нарезал мясо, кабачки, понюхал ещё раз травку и всё запустил в котёл.

На палубе уже скрипели лебёдки. Одна за другой «тоёты» опускались на причал — разминались после плавания. И «тигр Малайи», садясь за руль, отводил их к пакгаузу.

Время от времени он поглядывал на корму и подёргивал ноздрями. Хищный зверь на его груди тоже поводил усами: сразу из двух кухонь тянулись острые, ароматные запахи.

Наконец тайский повар ударил поварёшкой в медный таз. Потом зачерпнул ею варева из котла и, подойдя к камбузу, протянул Ване: «Пробуй».

Ваня отхлебнул немного, посмаковал и показал большой палец:

— Отлично!

Он подошёл к своему котлу, зачерпнул своей поварёшкой борща и протянул её тайскому повару. Тот в свою очередь тоже отхлебнул, тоже покачал головой, и они оба начали с удовольствием похлопывать друг друга по груди: мастера!

МАЛЕНЬКИЙ ПОМОЩНИК ИЗ ДЖУНГЛЕЙ

Над судами кувыркались, кричали чайки.

Тарахтели на реке моторы. Рыбаки, поднимая за жабры, показывали громадных рыб.

А на причале стоял свой крик.

Плавно проходили, что-то выкрикивая, женщины, держали на коромыслах десятки маленьких чашечек. В креслах, возле пакгаузов, пыхали тонкими сигаретами военные чиновники. Рядом толкались мальчишки. Один нёс на голове алое блюдо с нарезанным арбузом. Другой собирал в мешок обрывки бумаги. А ещё несколько прыгали у кормы прямо на швартовый конец и раскачивались на нём над водой.

— Вот хулиганы! — сказал весело Ваня.

Я погрозил им пальцем. Мальчишки недовольно спрыгнули на берег, достали из карманов бамбуковые трубки и стали обстреливать нас кукурузой. Шлёп, шлёп! Кукурузина шлёпнула Ваню по колпаку.

— Ну, пираты! — крикнул он, схватил веник и побежал к трапу.

Мальчишки бросились врассыпную, но вернулись и стали растирать себе лицо и шею ладонями с криком: «Мило, мило!»

Я не понял, в чём дело. А Ваня сказал:

— Мыло просят.

— Мыться? — спросил я.

— Продавать будут, — объяснил Ваня.

Мальчишки шумели, кривлялись, но повар погрозил им ещё раз, и они ушли обстреливать другие суда. Мы вернулись на корму и вдруг увидели, что рядом с нами переминается с ноги на ногу большелобый чумазый мальчишка.

Мы переглянулись, и мальчуган улыбнулся и застенчиво сказал:

— Дай мыло, буду прыгать в воду с парохода!

Тайский повар испуганно замахал руками, а Ваня пригрозил:

— Я тебе прыгну! Змеи здесь шныряют, нечисти! Это всё туристы выучили нырять за монетку... Сами бы попрыгали!

Мальчуган отошёл в сторону. Нет так нет!.. Он опустился

на колени возле печурки, подложил дров и стал дуть в поддувало.

— Вот это другое дело! — сказал Ваня.

Щепки загорелись, а мальчик уже искал, что бы сделать ещё.

Повар показал на ведёрко, мальчуган схватил его и наполнил из шланга водой. Я взялся за веник, но мальчик опередил меня и стал подметать возле печи.

— Это что ещё за новый работник? — спросил боцман, заглянув на корму.

— Помогает, — сказал я.

— Молодцом! — подтвердил Ваня и позвал мальчугана: — А ну-ка, пошли со мной!

Через несколько минут мальчишка вернулся с большим куском белого хлеба. Поверх хлеба блестело масло, высилась горка сахара.

Мальчуган подошёл к борту, посмотрел вниз и кого-то окликнул.

На причале сидели ещё два малыша. Они подбежали к пароходу. Наш помощник разломил хлеб на три части и две из них, одну за другой, бросил вниз.

— Упадёт! — крикнул я.

Но хлеб попал точно — один кусок одному, другой другому в руки. Тогда и наш мальчишка улыбнулся и тоже стал уминать свой кусок.

— Вот это да, вот это парень, а?! — сказал Ваня.

Я сбегал в каюту, отрезал кусок от простого мыла — половину-то не продаст! — и отнёс мальчугану:

— Вот тебе, вымойся!

Мальчишка подбросил мыло в руке, лукаво улыбнулся и пошёл по трапу на причал мимо чиновников, которые всё покуривали свои спичечные сигареты.

— А мыло всё равно продаст, — сказал Ваня.

«Увидим», — подумал я и посмотрел мальчику вслед.

После обеда я снова вышел на корму.

Команда смотрела, как мимо нас тянулись джонки, полные бананов и кокосовых орехов, а возле причала под кормой две гибкие девушки в белых брючках прямо с лодки торговали белыми лепёшками из кокосового молока и фруктовым напитком.

К ним подбегали грузчики, бросали прямо из чашек в рот штук по двадцать кокосовых лепёшечек, брали целлофановые мешочки с напитком и снова шли работать.

Я облокотился на борт, засмотрелся.

И тут кто-то тронул меня за руку. Оглянулся — рядом стоял наш знакомый мальчишка.

Парень вертел передо мной чистыми руками. Смуглый лоб его сиял. А доброе смышлёное лицо говорило: «Вот, выполнил».

— Ты смотри, — удивился Ваня. — Вот это парень!

Весь день малыш помогал тайскому повару. Подтаскивал кастрюли, наливал воду, следил за огнём. А вечером подозвал меня к борту и показал на другой берег: красиво!

Среди пальм по водяной улочке уходило за горизонт солнце. От него и к нему плыли лодки, и слышались нежные голоса. Опять вокруг пахло мандаринами, пальмовыми листьями. И я тоже сказал:

— Красиво.

— Таиланд, — с нежностью произнёс мальчик. И он вдруг распахнул маленькие руки так, будто хотел обнять и эту реку, и джунгли, и небо.

— А как тебя зовут? — спросил я.

— Тау, — сказал он.

— Таи — это твоя страна. — Я обвёл рукой всё вокруг. — А как тебя зовут?

Он улыбнулся, показал снова на пальмы, на реку, на пароходы и сказал:

— Это Таи. Таиланд. А я, — он показал на себя, — Тау...

Потом дотронулся до меня и спросил:

— А ты — Москва?

Я кивнул и подумал: «А что в этих джунглях он может знать про Москву?»

И Тау будто ответил мне:

— Москва Гитлера бах-бах.

«А ведь знает! — обрадовался я. — Самое главное знает!»

И мы стали объяснять друг другу, что как называется. Тау показывал на небо и называл его на тайском языке, а я говорил по-русски.

Напротив остановились чиновники и внимательно прислушивались к нашему разговору.

А мы говорили про пароходы, про облака, про звёзды, которые уже появились в небе.

Потом Тау подобрал на палубе обрывок газеты, на котором был напечатан портрет красивой женщины, разгладил его и сказал:

— Это королева. Она добрая.

Скоро стало совсем темно. В воздухе что-то мелькнуло, потом ещё, ещё... И над нами, шурхая крыльями, закружились большие летучие мыши.

— Ну, мне пора, — сказал я Тау, — на вахту.

А Тау сложил лодочкой ладони, поднёс их к щеке и показал, что ему тоже пора. Спать.

Я похлопал его по плечам.

— Иди домой, к маме.

Но он развёл руками: дома нет, а мама работает на барже.

Он смёл веником с трюма пыль, лёг прямо на металл и, раскинув руки, стал смотреть на звёзды. Я нашёл кусок брезента, чтобы подстелить ему. Но Тау отмахнулся: ничего! Трюм тёплый, дождя нет. Тау привык!

Всю ночь я обходил палубу. Смотрел, всё ли в порядке, заглядывал в малярку, не случилось ли что, цела ли боцманская краска...

На лавке у котлов спал, завернувшись в одеяло, тайский повар. Прямо на стенах пакгауза, будто прилипли, спали ящерки. Только внизу, под кормой, стукались в борт кокосовые орехи, слышался плеск воды и смех. Там покачивалась на джонке керосиновая лампа, и две девушки, торговавшие лепёшками, пересмеивались с грузчиками.

А на трюме, свернувшись клубком, ёжился маленький большелобый мальчик. Под щекой у него лежала газета с портретом доброй королевы. Над головой проносились летучие мыши. А за рекой тихо дышала, словно старалась не шуметь, страна, которую он так хотел обнять своими руками.

ВСЁ В НАШИХ РУКАХ

За бортом зелёной полоской вспыхивали джунгли. День у меня был свободный, и я думал, как бы выбраться в город, когда меня окликнул Фёдор Михайлович:

— Тут приехал товарищ из нашего посольства. (За ним шёл ладный молодой человек.) Можно получить свежие газеты. Сколько уже не читали! Подъедешь?

— Конечно! — согласился я.

— Ну то-то! — подмигнул мне Фёдор Михайлович и по-

тряс свёрнутой в трубку тетрадкой. — А я пока контрольную выполню.

Все знали, что помощник капитана настойчиво занимается английским и собирается сдать в пароходстве экзамен. И хотя капитан скептически замечал: «Во-первых, не сдашь. А во-вторых, зачем это на старости лет нужно!», Фёдор Михайлович выполнял все контрольные задания и говорил: «Во-первых, сдам, а во-вторых, пригодится!»

Помощник грузно зашагал в каюту, а я, садясь в машину, сказал:

— Взглянуть бы на город...

— За чем же остановка? — сказал Григорий (так звали товарища из посольства). — Хоть сейчас. Что посмотрим? Центр? Королевский дворец? Дрессированных слонят, зоопарк?

— Всё! И если можно, конечно, животных!

— Всё в наших руках! — улыбнулся Григорий.

Я приготовился смотреть на дикие джунгли, бамбуковые заросли, зелёные реки и каналы.

Но банановые кусты и тихие улочки быстро остались за спиной, и мы вырулили на широкий проспект, вдоль которого к самым облакам поднимались белые, как в Лос-Анджелесе, здания.

На площадях сверлили небо памятники. На постаменте одного стояли бронзовые солдаты...

А над высоким зданием кинотеатра горела алая надпись: «Приключения Одиссея», и на рекламах стреляли ковбои.

По дорогам летели автомобили, спешили стайки молодых людей с портфелями и книгами, и Григорий сказал:

— В университет!

Я усмехнулся:

— Я-то думал, кругом джунгли, а здесь животных днём с огнём не найдёшь! Столпотворение! Почти как в Токио.

— Найдём! — сказал Григорий. — Всё в наших руках! — И повернул машину к ограде, за которой зеленело поле и тя-

нулись в небо высокие пальмы. Между ними, пощипывая траву, прогуливались медлительные серые слоны и коровы.

— Зоопарк? — спросил я.

— Нет. Зоопарк дальше, — сказал Григорий. — Это королевский дворец. Вон белое здание, в глубине...

— Так вот же коровы и слоны! — сказал я.

— Коров привезли специально из Швейцарии для короля. Он любит хорошее молоко. И слоны тоже королевские. Только королю сейчас, конечно, больше нравятся автомобили.

Я хотел разглядеть королевский дворец, в котором жила королева маленького Тау. Но от улицы дворец и дворцовый парк были отгорожены широким водяным рвом, а за решётками неподалёку от пальм прохаживались часовые.

КОГДА СМЕЁТСЯ ДЕРЕВО

Григорий свернул в узкую улочку.

Всё вокруг сразу задышало бензином. В открытых дверях каморок пыхтели примусы, синел чад.

По обочинам кое-где стояли потрёпанные автомобили. Под ними возились с инструментами рабочие — пожилые китайцы, малайцы. А возле них толкалась детвора.

Ребята тоже были перепачканы в мазуте, в масле, отвинчивали гайки, подносили детали и сами старались юркнуть под машину.

Кое-где в открытых мастерских лежали стволы красного дерева, валялись головы кокосовых орехов. А на полках стояли тёмно-вишнёвые статуэтки танцовщиц, водоносов.

И обезьяны. Те самые обезьяны, о которых я мечтал, тоже глядели с полок плутоватыми глазами.

В одной мастерской около большого бревна среди стружек сидел мальчик и стучал деревянным молотком по маленькому

долотцу. Из дерева уже выступали чёрточки лица: обрисовался лоб, показалась бровь, переносица.

Вот мальчик ударил раз, другой — и появился кончик курносого носа. Ударил ещё раз — и нос сморщился от смеха.

— Хорошо! — сказал я.

Мальчик на секунду поднял голову, кивнул нам, но не оторвался от работы.

Я сделал вид, что хочу взять у него долото и тоже постучать, но он оглядел меня и шутя что-то сказал.

— Нужно учиться, чтоб дерево смеялось, а не плакало! — перевёл Григорий. — Без учёбы ничего не выйдет.

И мальчик снова склонился над деревом и застучал молоточком.

«Вспотеешь не раз, пока дерево улыбнётся!» — подумал я и сказал:

— Мастер.

— Нет, пока подмастерье, — возразил Григорий. — Но будет мастером.

ВЕСЁЛАЯ СЛУЖБА

Возле больших старинных ворот с каменными угрюмыми великанами Григорий остановил машину:

— А сейчас зайдём в таиландский храм.

И мы оказались в удивительном городке. Будто на каком-то странном космодроме.

Среди каменных плит росли старые деревья, высились каменные изваяния чудищ, увитые цветами, а впереди поднимались башни, похожие на диковинные ракеты, сложенные из громадных камней.

Среди них двигались люди в оранжевых, как у космонавтов, одеждах.

Одни перебирали пальцами чётки, другие размахивали ды-

мящимися кадильницами на цепочках, а какой-то старый монах крутил транзистор.

В таких же монашеских тогах ходили вокруг ребята. И я показал на них Григорию:

— А что они здесь делают?

— Проходят службу.

— Как проходят службу? Как военные?

— Да. Как военные. Каждый должен отслужить в монастыре два месяца.

— И мальчики?

— Даже король.

— А если в бога не веришь?

— Так вот, чтобы верил. Без этого здесь не станешь ни врачом, ни учёным, ни королём.

Ребята ходили вокруг молчаливые и хмурые.

— Невесёлое это занятие, — сказал я. — Особенно для мальчишек.

С такой наукой да с такой командой ни с одного космодрома не поднимешься. По мне, лучше, как Тау, палубу драить или смеющиеся фигуры из дерева вырезать. Это дело весёлое.

И для тайских ребят, наверное, тоже. Не очень-то, поди, они в бога верят! Не то время: люди по Луне ходят, к Марсу подбираются. Наверное, порой и монахам хочется тогу на космический костюм сменить.

Да и здесь вон какие башни! Кажется, сами летят и всех вокруг лететь зовут: в небо, к звёздам.

МАЛЕНЬКИЙ ЛОСКУТОК ДЖУНГЛЕЙ

Уже перевалило за полдень. Стало душно, и над пагодами начали искать друг друга лёгкие облачка.

Григорий отёр брови и засмеялся.

— Упарился, будто пол-Сибири на лыжах исходил.

— А мне на плечи словно бы влажное полотенце накинули, — сказал я.

На широком поле толкались, кружились тысячи людей, и оттого само поле казалось громадной цветной вертушкой.

— Королевская ярмарка, — сказал Григорий.

По краю поля скуластые девчонки несли на головах ящики — целые огороды с зелёным луком и салатом. Раскосые старухи подбрасывали в руках земляных крабов. Сидели на корточках и курили крестьяне. Возле них подпрыгивали и клевали друг друга два петуха.

А в стороне от торговых рядов какой-то парень держал за хвост кобру, что-то кричал, и все шарахались от него.

— Стой, — сказал я Григорию. — Смотри — кобра!

Григорий повернулся ко мне:

— А не боишься?

— Я в детстве змей за пазухой таскал, — сказал я. — С речки.

— Ну да? И я тоже! — засмеялся Григорий. — Вот девчонки визжали!.. Раз не боишься, давай посмотрим.

Он остановился у небольшого зелёного дворика. Среди города, казалось, уцелел зелёный лоскуток джунглей. Под деревьями в корытах, в аквариумах ворочались самые невероятные крокодилы: с тонкими носами, почти с клювами, маленькие и громадные, коричневые и зелёные. Но все хитрые и прожорливые.

— Это ещё ерунда! Сейчас увидишь королевскую кобру, — сказал Григорий. — Самую большую, какую здесь поймали. Пять метров!

«Всё у них королевское! Дворец королевский, слон королевский, ярмарка королевская — и кобра тоже!» — улыбнулся я.

— Вон она! — показал Григорий на большой стеклянный ящик.

Я присмотрелся. Там — в такую-то жару! — грелась большая тяжёлая змея. На шее у неё белели пятна. Но головы почти не было видно. Только маленький глаз тихо и жалобно смотрел на меня. Я хотел постучать по стеклу, но тут увидел записку, прилепленную вверху, и прочитал: «Пожалуйста, не беспокойте меня. Я болею».

— И чего было бояться? — сказал я и отошёл к соседнему ящику: в нём за стеклом росло яркое деревце, видимо, редкое и для этих мест: зелёное, как ящерка-изумрудница.

Я наклонился к нему и вдруг отпрянул. Деревце дёрнулось, ветки распустились, и в мою сторону стрельнули десятки зелёных змеиных голов.

Это же не ветви, это змеи сплелись в клубок!

Тут я взмок не от жары... И подумал: «Храбриться-то храбрись, а про осторожность не забывай!»

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ОБИТАТЕЛЬ ЗООПАРКА

В зоопарке мы кормили слониху и слонёнка, угощали ветками пятнистого жирафа. Вместе с ребятами и матросами слушали щёлканье попугаев и крики мартышек.

Я направился было к сердитому бенгальскому тигру, но Григорий потянул меня к просторному вольеру.

Там стояла толпа матросов, толкались дети, а за глубоким рвом по цементной площадке ходил могучий коричневый орангутанг. Он медленно двигал сильными плечами и весело поглядывал на людей.

Все смотрели на него, но мне показалось, что ещё внимательнее изучал людей он. Да так оно и было на самом деле.

Орангутанг переводил взгляд с одного человека на другого, словно оценивал, кто чего стоит.

Вот он посмотрел на рыжего матроса и — честное слово! — усмехнулся. Вот поглядел на самодовольного чиновника, и

в глазах у него запрыгали искорки: «Ну и образина»! А потом смотрел исподлобья так зло и насмешливо, словно думал: «И чего вы на меня смотрите? На себя лучше поглядите!»

Он лёг, сложил перед собой руки и упёрся в них подбородком, будто приготовился к приёму надоевших бестолковых посетителей. А глаза его говорили: «Я-то ведь знаю о вас всё! Насквозь вас вижу».

Кто-то бросил в него скомканной газетой. Орангутанг с грустью и сожалением посмотрел на толпу, с достоинством взял газету, разгладил и стал водить по строчкам глазами. Будто читал!

Я достал из кармана фотоаппарат и хотел было щёлкнуть, но орангутанг закрылся газетой. Я опустил камеру.

Орангутанг тоже опустил газету и усмехнулся...

Я снова вскинул аппарат, но орангутанг, будто играя, закрылся снова.

Так я его и сфотографировал...

Я всё никак не мог отойти от решётки, но Григорий взял меня за руку: «Пора» — и мы поехали к посольству.

Григорий принёс газеты. Я прижал их к себе: свои, родные! В Москве напечатали!

И мы поехали к судну.

Уже наступил вечер. Захлопотали в небе рекламы. Возле маленьких баров женщины вращались в незнакомых танцах, зазывали посетителей. Неоновым светом наполнялись магазины, и, сидя прямо на тротуарах, детвора смотрела через витрины телевизионные передачи.

— Да, а я-то думал — вся столица в джунглях, — сказал я ещё раз.

— В джунглях тоже есть, — сказал Григорий. — Только древняя. Там много раз отбивали нашествия врагов — сражались в строю, дрались на боевых слонах. Но лет двести назад враги всё разрушили. Сады, храмы, дворцы — всё сгорело! Но и развалины потрясающие... А статуи там какие! Кобр —

тьма. Можно съездить. — Григорий посмотрел на меня.—Завтра у меня выходной. Едем в Аютию?

— Ещё бы! — сказал я. — Ещё бы! Какой разговор?

ТАЙСКИЙ БОКС

Ночью опять была моя вахта. Я проверял боцманские замки, вслушивался в шорохи, в плеск реки, а сам всё нет-нет да и поглядывал на джунгли, откуда вылетали летучие мыши, раздавались крики.

Где-то там, за дикими лианами, среди бамбука и невиданных деревьев, спала вечным сном древняя столица Аютия...

А утром за завтраком Иван Савельевич спросил:

— Куда собрался?

Я объяснил.

— Хорошо, конечно, но не выйдет, — сказал капитан.

— Почему?!

— Нельзя. Вдруг уйдём. Выгрузку-то скоро кончают. А вот посмотреть на тайский бокс успеем. Гладь брючата!

Я огорчился: какой бокс! Я хочу в древнюю столицу, где по статуям прыгают обезьяны, ползают кобры...

Но ничего не поделаешь! Да ведь и бокс не просто бокс, а тайский!

На палубе невысокий лысоватый малаец, торговый агент, уже прогуливался с билетами.

В центре города у серого здания под громадной афишей сновали десятки людей, от сигарет висело табачное облако. Люди ждали бокса. Мы вошли в помещение.

В тёмном зале после жары было холодно и мрачно. Клубы дыма носились из угла в угол. На трибунах не сидели, а стояли, пили из бутылок, кричали. А возле самого ринга выстроились ряды стульев.

— У нас первый ряд, — показал агент.

Поодаль от нас сидели американские офицеры. Они курили. Я спросил:

— Разве здесь курят? Разве можно?

Агент повёл бровями: «А что?» И, положив ногу на ногу, закурил сам.

Но вот заиграла музыка, раздался крик, аплодисменты, и на арену выбежали два молодых крепких парня. Оба они были в одинаковых трусах и босиком.

Они поклонились друг другу, разошлись по углам и стали как-то странно подпрыгивать, кланяться.

Я посмотрел на капитана.

— Это они исполняют танец в честь духов борьбы, просят победы, — объяснил Иван Савельевич. — Сейчас будут кланяться ещё сильней.

Тут действительно один из боксёров сложил ладони и, став на колено, начал бить поклоны.

За ним и другой в другом углу повторил те же движения, что-то шепча, словно с кем-то разговаривая и о чём-то умоляя.

Наконец на руки им повязали матерчатые мешочки, ударил гонг, и боксёры стали подступать друг к другу.

Один, стройный, тонкий, сделал несколько лёгких шагов, а второй, пониже, коренастый, вдруг нагнул голову и бросился на противника, словно не в бой, а в драку.

Первый отразил удар и сам нанёс удар сверху. Коренастый зло сверкнул глазами, размахнулся ещё раз. Но и этот удар был отбит спокойно.

В зале захлопали в ладоши.

И вдруг коренастый, сжавшись в клубок, подпрыгнул и с размаху ударил противника ногой в челюсть!

Я вскочил. Сзади закричали.

— Хорошо, — сказал агент.

— Да как же хорошо? Ногой!

— Тайский бокс, — невозмутимо ответил агент.

— Да ведь можно убить!

— Бывает. — Агент выпустил колечко дыма. — Но ведь победитель получает пять тысяч батов!

На лице высокого боксёра появилась красная полоса. Парень словно и не заметил этого. Он продолжал бокс без капли злобы, спокойно и красиво.

Он тоже взмахнул ногой, но сделал это так, словно танцор на балетной сцене. Противник отлетел в сторону.

Шатаясь, он поднялся, наклонил голову и пошёл вперёд, уже растравленный злостью. Но первый опять легко скользнул в сторону, и его враг проскочил мимо...

Вокруг одобрительно зашумели.

— Молодец! — сказал капитан.

Мне он тоже понравился. Ни злобы, ни ненависти. Настоящий спортсмен. Благородно ведёт бой!

И когда через восемь раундов судья поднял вверх его руку, мы зааплодировали.

В зале снова плавали клубы дыма, за парой сменялась пара. И кого-то к концу поединка уводили с ринга под руку.

Но вот на помост вышли два мальчика.

Я повернулся к агенту.

— Что, и они будут драться?

— Конечно, — сказал он и достал новую сигарету.

Я обвёл глазами зал и увидел, что вокруг немало мальчи-

шек. Теперь они пробирались к рингу и изо всех сил кричали, подзадоривая своих дружков.

Мальчики на ринге тоже совершили танец, пожали друг другу руки. Улыбнулись и стали приплясывать на месте. Им совсем не хотелось драться.

«Наверное, они не станут бить друг друга, а просто будут показывать своё умение...» — решил я.

Но с трибун кричали всё сильней.

Один из противников не выдержал, задел другого, второй ответил ударом...

Мальчики уже били друг друга со злобой и яростью. Оба они были одного роста, но один тоньше и, чувствовалось, слабее. Второй, скуластый, мускулистый, нанёс несколько ударов. Потом развернулся и ударил товарища ногой.

Нужно было отступить, отойти, но гордость не позволяла.

Все кричали, винтом кружился дым. Зрители требовали боя.

И вдруг мальчишка вскинулся, упал и замер на помосте.

К нему подбежали судьи. Из боковой двери показался человек в белом халате. Но судья наклонился над мальчиком и сделал знак рукой: всё в порядке.

Я встал. Больше смотреть на этот бокс я не мог. Агент улыбался. Капитан вздохнул:

— Всё это деньги. Жестокий хлеб. Но на эти пять тысяч он сможет надолго обеспечить семью...

А я представил себе маленького Тау и расстроился. Зря я мальчонке не вынес хорошего мыла!

К ОКЕАНУ

На судне я сразу побежал к артельщику за мылом. Для Тау. Пусть продаёт!

Но артелка была закрыта. В порту такой порядок. Я заглянул в каюту к электромеханику.

«Чудеса ботаники», голый по пояс, возился на коленках у кадки и сажал кокосовый орех. Рядом с ним лежали ещё несколько мохнатых шаров. Он потряс один — внутри забулькала вода.

— Вот и на твою долю. Пока дойдём до Владивостока, пальма вырастет. А вон на столе — пробуй.

В стакане была прозрачная жидкость — кокосовое молоко. На бумаге лежал расколотый орех. Мякоть у него была белая, как рафинад, и я хрустнул кусочком...

Но орех орехом, а мне было нужно мыло!

Валерий Иванович посмотрел в рундук: только простое, хозяйственное.

— Давай! — схватил я и побежал на корму.

На корме уже почти никого не было. Грузчики опускали на канате за борт печку, мешки с крупой. А Ваня и тайский повар похлопывали друг друга на прощание.

— А где Тау? — спросил я.

— Уехал помощник, — сказал Ваня. — Уже на другой стороне реки. Вон кокосовый орех тебе оставил.

Мы тронулись вниз по реке. Забурлила опять кофейная вода, зафыркали на длинных палках лодочные моторы, зашумели сочной зеленью джунгли. На час-другой мы остановились возле белоснежных гор риса. Грузчики заложили трюмы мешками риса, и мы побежали мимо бамбука, мимо лёгких домиков на сваях и пагод...

Мускулистая река потянула нас на своей спине к океану.

ПРОСТОЙ КУСОК МЫЛА

Наконец зелёные джунгли остались за спиной и превратились в тоненькую голубую полоску. Мы накрыли брезентом рис, кукурузу, зачехлили лебёдки и быстро двинулись на юг, к экватору.

Я собрал майки, рубахи и понёс в душевую, отстирывать от тайской пыли. Бросил вещи на палубу, стал их намыливать. Заклубилась, засугробилась белая пена. И запахло мылом. Совсем как дома во время стирки.

Бывало, настирают белья, развесят по верёвкам на морозе. Заколышется оно на ветру, зашелестит на солнышке и пахнет свежо, морозно. Вдали, за забором, шумит заснежённый лес, качаются сосновые ветки, и от белья тоже сосновой свежестью пахнет. Мыльным духом и сосновой свежестью. Принесёшь бельё домой, а оно хрустит, складываться не хочет. Инеем и небом дышит.

Наденешь потом рубашку и в зимние запахи окунёшься!

Так вот, пока стирал, всё припомнил. И двор, и лес, и снега... Словно бы домой заглянул.

А ночью лёг спать, прикрыл глаза и опять вижу: шелестит на морозце бельё, и прямо передо мной сосновые ветки колышутся.

То, бывало, лежу дома и во сне пальмы вижу. А теперь качаются за иллюминатором тропические волны, выпускают иголочки тропические звёзды, а мне всё не тропики, не пальмы, а наши сосны видятся, родина. Соскучился.

БЫТЬ ПОМОЩНИКУ БЕЗ КОМПОТА!

Теперь мы катили вдоль длинного, как дельфин, полуострова Малакка, и рядом были знакомые мне города — города из моего альбома.

Они и на карте расположились, как когда-то у меня в альбоме марок. Сначала богатый и шумливый Сингапур, за ним, как его младшие братья, города поменьше и победнее — Малакка и Пенанг.

Мы шли сначала к младшим братьям.

Волны легко и мягко приподнимали судно. Вода была ве-

сёлой и прозрачной, будто океан напился солнышка. И работалось всем легко. Боцман перебирал тросы, начальник рации с Митей чинили антенну, палубная команда красила трюмы. А капитан то подсчитывал с Колей груз, то бегал, напевая, и подзадоривал нас:

— Ну что? Скоро Индия, а там домой?!

А однажды остановился возле Фёдора Михайловича и сказал:

— Ну что, помощник, пойдём и мы с командой покрасим?

— Нет, я сначала вот удочку доделаю! — Фёдор Михайлович показал леску.

— Всё бы тебе с удочками возиться! — усмехнулся капитан.

— Привычка! Я во время войны под Севастополем только, бывало, автомат в сторону — сразу за удочку. Целый взвод ухой кормил!

— Ну ладно, — сказал Иван Савельич. — Вызываю тебя на соревнование!

— А что за победу?

— А я твой компот выпью!

— Это почему же? — Фёдор Михайлович вскинул голову.

— А потому, что победителю сразу два компота. Свой и побеждённого.

— Ну ладно! — сказал помощник. — Посмотрим.

Он сбросил рубашку; капитан остался в одних плавках, повязал голову полотенцем, и они стали размечать, где кому работать.

Но в это время из радиорубки выглянул начальник рации:

— Иван Савельич! Радиограмма! С «Уссурийска»!

— Беги, капитан! — крикнул Фёдор Михайлович, а мне сказал: — У него сын третьим штурманом на «Уссурийске» плавает. Семья-то морская. Все плавают, никак собраться не могут. Один во Владивосток — другой из Владивостока. Один в Индию — другой в Америку.

Капитан прочитал радиограмму, замахал ею, как флажком:

— Полундра! Витька тоже к Малаккскому проливу подходит. Встретимся! За дело, ребята, чтоб всё сверкало!

Мы работали катками. А Иван Савельич красил кистью и приговаривал:

— Ну, теперь уж точно, быть помощнику без компота!

ВСЁ БЫВАЕТ...

Красили мы хорошо, но солнце работало ещё быстрее. Сначала пароход стал розовым, через несколько минут — ярко-красным. А скоро наступила ночь.

Я тоже ждал сообщений из дому. Где-то рядом летели точки и тире, но всё мимо моей каюты.

Я оделся и пошёл на мостик.

Открыл дверь, занёс ногу и шагнул не на палубу, а прямо в звёзды.

Из-за горизонта поднимался Южный Крест. Над мачтой разгорался Скорпион... А возле звёзд, на мостике, опять торчали три головы. Опять дружки собрались. Веня был на вахте, Коля-артековец оторвался от грузовых бумаг, вышел подышать, а Митя отстучал все радиограммы, все принял — и к дружкам.

То и дело по горизонту полз какой-нибудь огонёк, пробиралось сквозь ночь судёнышко. Не столкнуться бы. Место серьёзное — впереди Малаккский пролив, Сингапур. Океанский перекрёсток!

Ребята о чём-то разговаривали. Я подошёл к ним: всем вместе повеселей.

— А птиц киви в Зеландии видел? — спросил Митя. Он ещё нигде не был.

— Н-нет, — сказал Веня.

— А что, некогда было? — спросил Коля.

— П-поч-чему? Мы на «П-пионере» там месяц стояли.

Я охнул. На «Пионере»! Это ведь на нём мне нужно было идти в плавание!

Тут из открытой рубки раздался усталый голос:

— Зеландия Зеландией, а какого-нибудь японца не проспите. А то будем здесь без штанов в воду прыгать.

В рубке на диванчике дремал, накрывшись фуфайкой, Иван Савельич. Дремал да прислушивался. Веня штурман-то молодой...

— Смотреть, к-конечно, надо, — обиделся Веня. — Смотрим.

— Лучше нужно, внимательнее, — сказал капитан. — А то мало ли что бывает.

— А что? — спросил Митя.

— Всё, — усмехнулся Иван Савельич, но отвечать не стал: ночь, время позднее. Хотелось отдохнуть.

А что «всё», мы увидели на следующий день. После обеда собралось на корме позагорать полкоманды. Боцман на скамейке ремонтировал модель каравеллы и жаловался:

— На́ тебе! Вёз сыну, а она в шторм в каюте расшиблась!

Фёдор Михайлович, прохаживаясь, заглядывал в тетрадку и повторял английские слова. А у переборки с графином в руке стоял Ваня — в очках и в трусиках. Он запрокидывал графин, поливал из него на плечи, чтоб лучше брался загар, и улыбался:

— Ну всё, идём в Малакку и в Пенанг! Рубашки покупать!

За бортом, отражаясь в воде, шли тяжело гружённые суда.

Вдруг боцман привстал и закричал:

— Ты смотри, ты смотри, куда прёт!

Мы бросились к борту.

Прямо на нас шёл большой японский танкер. Ни на палубе, ни в рубке не было ни одного человека.

— А наши что, не видят? Эгей! — крикнул боцман и, сунув каравеллу под скамью, побежал наверх.

Все бросились за ним.

Наверху в рубке тоже смотрели в сторону танкера. Японцы шли почти нам наперерез.

Иван Савельич смотрел в бинокль:

— Что они, вымерли там?

Отворачивать должен был танкер.

Веня стоял у двери.

— Б-быстро на руль! — крикнул он вахтенному. — П-право р-руля!

— Есть право руля!

Нос парохода пошёл вправо. Но японцы всё равно шли почти на таран! Они не отворачивали.

Ещё метров двести — и мы столкнёмся...

— Гудок! — крикнул Иван Савельич и бросился на крыло.

Резко потянулись над судном гудки.

— Ещё п-право десять! — отрывисто приказал Веня.

Судно резко отвернуло, и тут мимо нас, словно вырулив на улицу, пронёсся «японец». На его палубу, сумасшедше протирая глаза, выскакивала команда.

— Очумели?! — красный от возмущения, крикнул Иван Савельич. — Ну собаки, ну барбосы! Перепились! На вахте уснули...

На палубе у нас матросы размахивали руками, шумели:

— Уснуть на вахте среди дороги! Сони паршивые! Глаза у них от сна заросли!

— Зачем ругаться? — сказал вдруг «Чудеса ботаники». — На технику понадеялись.

— На технику! — рассердился капитан. — Со своей техникой голову скоро потеряют. Техника техникой, а голова головой!

Штурманы смотрели в сторону «японца», вслед убегающему флагу с солнышком.

— Не кормить бы их неделю! — погрозил им Ваня графином. — Тогда они по-другому работали бы! Не дрыхли бы на вахте!

ТАКАЯ МОРСКАЯ ЖИЗНЬ!

Мы шли рядом с экватором, к младшим братьям Сингапура. Весь вечер над маленькими встречными островками поднимались душные облака, собирались в густые, цветастые тучи, потом сталкивались, и всю ночь то над форштевнем, то за кормой взрывались гигантские молнии, размахивали электрическими руками. Иногда по палубе прокатывался ливень. Нас обдавало тёплой водой, и снова начинали скоморошничать и сердито дурачиться молнии.

Слева при вспышках кудрявились берега Индонезии. А справа, как шкатулка, переполненная живыми светлячками, оставался Сингапур.

Я сидел в радиорубке рядом с начальником рации, среди потрескивающих аппаратов, и слушал, как какой-то итальянец кричал из-за океана:

— «О мама миа!»

— О гот! — сердился где-то немец.

Откуда-то тихо донеслось:

— «Шота Руставели», «Шота Руставели», говорит «Москва-радио»!

Я вскочил:

— Это же рядом с моим домом!

Но вдруг послышалось:

— «Старый большевик». «Старый большевик». Я — «Уссурийск», прошу капитана. Приём, приём!

— Сейчас, сейчас! — как-то приподнято сказал начальник рации.

Я бросился за капитаном.

У рубки уже собралась целая толпа. Начальник остановил всех движением пальца: «Тихо!» — и сказал в микрофон:

— «Уссурийск», «Уссурийск»! Я — «Старый большевик»! Приём, приём!

И оттуда снова раздалось:

— Капитана, капитана!

Иван Савельич, волнуясь, схватил трубку:

— Витя, Витька! Это ты?

— Здравствуй, отец! — донеслось из висевшего на стене динамика. — Как здоровье?

— Всё в порядке! — весело сказал Иван Савельич. — А твоё?

— Нормально! — сказал Витька грубоватым голосом.

— Ну, так встретимся в Сингапуре? — спросил Иван Савельич.

Витька замялся, а потом сказал с улыбкой в голосе:

— Встретимся, отец. Обязательно дома встретимся.

— А сейчас?

— А сейчас на Камчатку! — сказал Витя.

— А домой, к маме, зайдёшь? — спросил тихо Иван Савельич. — Заглянул бы, скучает...

— И ты бы заглянул, — откликнулся Витя.

— Я не могу! Некогда! — быстро сказал капитан. — У меня груз! Люди ждут.

— И у нас груз! — ответил Витя. — И тоже люди. Ждут. Вся Камчатка.

Кто-то на «Уссурийске» рассмеялся.

— А мы вот в Индию. В Бомбей! А потом домой... — Иван Савельич потёр вдруг нос, вздохнул: — Ну ладно. Будь здоров, Витька! Будь здоров, говорю. Привет капитану.

Из аппарата на стене донёсся уже другой голос:

— Слышу, слышу, Иван Савельич, привет, привет!

В рубке снова что-то затрещало. И кто-то в эфире затянул:

— «О Неаполь, о мама миа!»

Начальник рации выключил аппарат. И Иван Савельич махнул рукой:

— Вот и поговорил с сыном!

Начальник задиристо поднял вверх руку с согнутым пальцем и сказал:

— Вот жизнь морская! Отец с сыном раз в три года поговорили! Это на берегу разве кто поймёт? — Он сердито прошёлся из угла в угол. — А что поделаешь? Люди ждут груз!

А я осторожно спросил:

— А с Москвой можно будет поговорить?

— С Москвой? Это когда пройдём Андаманские острова. За ними попробуем. Они как забор на пути. Ничего почему-то не слышно. Один треск, мяу да мяу... А за ними попробуем!

СЕМЕНА ДЕРЕВА С КРАСНЫМИ ЦВЕТАМИ

В Малакке мы остановились ненадолго, на рейде. Капитан торопился не зря: люди ждали работы. От берега к нам одна за другой тянулись по знойной воде баржи с полуголыми худыми грузчиками — малайцами, индийцами и увозили мешки с рисом к серым пакгаузам.

Я часто подходил к борту и смотрел в сторону города.

Когда-то мой братишка, который погиб на фронте, перебирал малайские марки, на которых был нарисован полосатый тигр, и вслух мечтал: «Малакка... Сингапур...»

И мне тоже хотелось посмотреть на землю, о которой мечтал мой брат.

Может, поэтому капитан подошёл ко мне и хлопнул по плечу:

— Ну-ка, держи бумаги! Едем в город часа на два!

Мы сели в маленький катер и через полчаса сошли на причал у небольшого мутного канала.

В канале по илистой жиже двигались какие-то странные

кузнечики. Я остановился посмотреть на них, но Иван Савельич позвал:

— Потом! В конторе ждут.

Мы поговорили в конторе с чиновником — толстым носатым индийцем, подписали нужные бумаги, капитан позвонил в порт Пенанг, чтобы готовились к приёмке груза. А потом с торговым агентом-малайцем мы пошли по тихому городку.

Тихие жители везли в тележках кокосовые орехи, развозили каучук с пальмовых плантаций.

Зной. Никаких тигров...

Только у набережной, будто островок давних времён, стояла башня старинной крепости. Она была сложена из кусков железной руды и вся затекла ржавчиной. Вокруг башни играли ребята. Они хлопали её по ржавым бокам, показывали на старые бойницы, из которых когда-то палили пушки по пиратским судам, валили клубы дыма и, конечно, с воем и свистом вылетали чугунные ядра...

А над башней, над всей набережной шелестело необъятное дерево с большими листьями и красными цветами. На земле под ним лежало множество семян.

«Вот дерево здесь особенное», — подумал я и наклонился.

Но ребятишки опередили меня, подобрали семена и протянули мне. Я положил семена в записную книжку.

Съезжу когда-нибудь в село Ново-Петриково на Украину, на могилу брата, и посажу возле неё эти семена. Правда, у нас не тропики, не та температура, но всё равно посажу.

Вдруг да вырастет и там большое дерево с далёкой-далёкой земли, посмотреть на которую так мечтал брат.

СТРАННЫЕ КУЗНЕЧИКИ

Пока мы ходили, я забыл про странных кузнечиков в канале. Но как только мы вернулись в порт, я снова увидел их.

Они выбирались из сухого канала и медленно ползли по суше к воде.

«Может, это не кузнечики, а головастики?» — подумал я и подошёл поближе.

Из жёлтого ила выползали не кузнечики, не головастики, а настоящие рыбки. Они были в глине, поэтому и трудно было их узнать. Рыбёшки становились на острые плавники и передвигались на них, будто на ходулях. Ползли они к воде целыми стайками. Я про таких рыб читал: они могут дышать и в воде и на суше. Но видеть никогда не видел.

Я поднял одну рыбку за хвост и положил на ладонь.

Она сразу же встала на плавнички, как самолётик на колёса, начала медленно поворачиваться из стороны в сторону — куда бы двинуться — и на минуту растерянно замерла.

— Своих ищет, — сказал капитан.

Глаза рыбки были залеплены глиной, но она всё равно повернулась к воде.

Я поднёс её поближе, опустил, и она сразу же сделала шаг за своей стаей.

— Догоняет, — усмехнулся капитан.

«Я ВЕДЬ ВСЕГДА ГОВОРИЛ...»

Пароход наш неподвижно стоял вдали, у горизонта.

А катера всё не было. И капитан сказал маленькому агенту-малайцу:

— Пойдём-ка пообедаем по-малакккски, о делах поговорим и матроса накормим, — показал он на меня.

Агент бросил на меня лукавый взгляд и весело кивнул хрупкой, словно бы фаянсовой, головкой.

В ресторане небольшого отеля почти никого не было. Только чинно обедала семья американских туристов с двумя детишками.

Мы сели за стол. Агент что-то сказал смуглой официантке, и она принесла блюдо за блюдом.

Хрустящий салат из молодого бамбука. Суп из акульих плавников. Тонко нарезанный перец. Острые соусы. Какую-то особо почитаемую рыбу.

А когда мы всего отведали, поставила на стол блюдо, в котором дымился рис, лежали кусочки орехов и какого-то мяса.

— Пробуй, — сказал мне капитан и подвинул блюдо.

Я положил немного кушанья к себе на тарелку, попробовал.

Под зубами хрустнули орешки, сладко расплылся рис и остро запылало на языке нежное мясо. Это было вкусно!

— Бери побольше, — весело кивнул мне капитан.

— Йес, йес, побольше, — поддержал агент и улыбнулся капитану.

Я положил побольше. Стало совсем вкусно. Капитан тоже положил себе немного и съел.

Я посидел, отдохнул, но от кушанья всё тянуло удивительным ароматом.

Капитан и малаец были заняты деловым разговором, и я решительно подвинул блюдо к себе.

— Давай-давай! — улыбнулся капитан. Малаец тоже улыбнулся.

На блюде ещё кое-что оставалось. Я чувствовал себя неловко: одному уписать такое блюдо! Но удержаться уже не было никакой возможности. Я махнул рукой и съел последние кусочки мяса.

— Ну что? Вкусно? — спросил Иван Савельич и посмотрел на малайца.

— Вкусно? — спросил малаец.

— Очень! Невероятно!

— Ну вот видите! — сказал капитан агенту. — Я ведь всегда говорил, что малаккские лягушки очень вкусны!

МАЛЕНЬКИЙ МОХНАТЫЙ ОРЕХ

В порт с певучим названием Пенанг мы отправились почти всей командой на рейдовом катере. В белых рубашках, под ветерком. У каждого были дела: кому нужно было что-то купить, кому сверить в порту карты. А кому просто походить по твёрдой земле.

По небу лёгкими белыми катерками носились облака. С причала, казалось, доносилось чьё-то пение. Даже волны плескались певуче: «Пен-анг, Пен-анг...»

И радист Митя, по-птичьи наклонив голову, прислушивался, будто запоминал мелодии, которые обещал привезти ребятам в свою школу.

— Цветной город, — сказал Ваня, вытирая лоб наутюженным платком.

— Да, цветов здесь, куда ни глянь, хватает, — рассмеялся боцман. — Цветник.

И я уже заранее представил себе город в пальмах и в тропических цветах.

Едва мы выпрыгнули на причал, за стеклянными витринами магазинов засверкали сувениры для туристов: перламутровые раковины, жемчуг, парусники в бутылках. А в темноте какой-то лавки вдруг заплясали раздувшиеся кобры. Всё дышало тропиками и экзотикой.

Но вот мы вышли в город, и улочки сразу стали неуютными, закопчёнными, как печное поддувало.

Теперь только чистое небо да белые облака над нами всё ещё украшали город. Внутри лавчонок виднелись банки и бутылки с громадными змеиными головами и какими-то корнями. Потом потянулись лотки с жёлтыми гроздьями бананов и ананасами.

Рядом с нами, оглядываясь по сторонам, ехали на велосипедах рикши. Столько рикшей я ещё не видел нигде.

Рикши, рикши, рикши... Одни в рваных рубахах, другие

в аккуратных костюмчиках. Они догоняли нас, зазывали к себе.

Впереди нас бежали ребятишки с портфелями — видно, в школу. А за ними шёл тучный бородатый индиец в богатой одежде с шёлковой повязкой на голове. На пальцах у него вспыхивали крупные перстни.

Неожиданно мальчики словно споткнулись, сошли с тротуара и, что-то обойдя, побежали по дороге. На мгновение бородач тоже остановился, потом, приподняв полу, через что-то переступил. Мы двинулись за ним и вдруг остановились.

Прямо среди улицы на ветхой простыне лежала тоненькая индийская девочка. Голова её была запрокинута назад, рука повёрнута вверх ладонью. Словно девочка только что упала. Лежала она неподвижно, и только одни глаза были живыми и о чём-то просили.

— Больная, — тихо сказал Ваня.

— Просит милостыню, — подумал вслух Митя. — Положили-то специально, чтобы никто не обошёл...

Ваня полез в карман. Митя тоже положил монету, и я бросил на простыню несколько звякнувших кружков.

Стоять долго было неловко, да и чем поможешь... Мы обошли девочку и скоро обогнали бородача.

— Это же он через неё перешагнул, — сказал Митя.

— Вот собака! — возмутился Ваня. — Обойти стороной не мог. И не дал девчонке ничего.

— Феодал паршивый, какой-нибудь ростовщик, — сказал Митя.

— Да у него вместо сердца кокосовый орех! — сказал Ваня.

— Точно, такое же мохнатое, — сказал Митя.

По улице один за другим побежали два рикши. В их колясках сидели толстые раскосые девчонки с портфелями. Рикши ехали, высоко подняв голову, будто гордились своими седоками.

Девчонки безразлично посмотрели в сторону больной, на нас и отвернулись.

— Вот жизнь, — сказал Митя. — Привыкли к этому.

Всё ещё оглядываясь, мы пошли по улице за толпой и скоро оказались у базара.

Город действительно шелестел тысячами цветов. Только цветы были на тканях. Китайцы, малайцы вскидывали перед нами настоящие водопады шёлковых лилий. На прилавках пестрели не куски шёлка, а летние цветные полянки, будто их вместе с цветами свернули в рулон. Рядом пылали громадные тропические орхидеи.

Словно мы попали в густой тропический лес.

Мы ходили, разглядывали цветы, трогали материю и не заметили, как время подошло к обеду.

— Домой пора! — позвал Ваня. — Мне скоро всех кормить.

И мы пошли за ним.

Но тут собрались облака, по крышам застучали капли, и хлынул ливень. Прохожие бросились в магазины, замелькали мокрые зонты.

— Бежим! — сказал Ваня.

— Побежали, — кивнул Митя.

И мы, мокрые, бросились по улице.

Торговцы натягивали тенты над лотками, накидывали на себя плёнку, и дождь стучал по целлофановым спинам. Рикши плюхали по лужам, и по их мокрым плечам скатывалась вода. Настоящие водопады на велосипедах.

Мы выбежали на портовую улицу, около девочки суетилась пожилая женщина, поднимала её. А торговцы стояли в дверях лавочек и молча смотрели. Хоть бы кто сдвинулся с места! Мы подбежали, помогли поднять больную и поднести к маленькому крыльцу старой лавчонки. А мимо нас продребезжали две коляски, в которых сидели те самые толстые девчонки с портфелями на коленях. Они были с ног до головы укрыты передниками, накидками, и только глаза их с какой-

то жёсткостью и неприязнью смотрели сейчас в нашу сторону.

— Видел? — сказал Ваня.

— Ну ладно, — сказал я, — эти купчишки, богатый старик. Шут с ними! А вот ведь и девчонки такие же недобрые!

— А у них тоже вместо сердца маленький кокосовый орех, — сказал Ваня.

— Это точно, — согласился я. — Ещё небольшой, но уже мохнатый кокосовый орех...

Митя промолчал: он о чём-то думал, будто прислушивался к ещё одной мелодии, но уже серьёзной и грустной. Дождь прошёл. Мы добрались до порта, сели на катер, и только отдельные облака опять бежали над нами по синему прозрачному небу.

ГРЯЗНАЯ РАБОТА

От «младших братьев» до Сингапура был всего день перехода. И все на палубе вспоминали вслух свои прежние прогулки и приключения в этом городе. Я, хоть и молчал, тоже кое-что вспомнил.

Помню, в первый же день к нам на палубу повалили грузчики. Маленькие, худые. Солнце просвечивало их чуть ли не насквозь, как листву на дереве. Они срывали с трюмов брезент, тащили серые от цемента мешки и сами становились серыми и ворсистыми. От мокрого, жаркого воздуха они потели. Казалось, цемент на них застынет, и они окаменеют.

Сверху прохаживался портовый чиновник. Поставит толстую ногу на край трюма, куда всё глубже опускались грузчики, и ухмыляется. Ему-то что! Ему хозяева-англичане платили хорошо, только следи за другими!

Как-то я пошёл чистить шпигаты — отверстия в палубе, чтобы стекала вода. Пробивал, пробивал, перепачкался весь, ругаюсь.

Стал на колени, и вдруг прямо перед моим лицом остано-

вились толстые сандалии. Я поднял голову, смотрю, а это чиновник. Улыбнулся он кисло так и говорит:

— Грязная лабота.

И поплыл к трюму. А какой-то грузчик-малаец повернулся неловко и мешком его по белой рубахе. Осклабился чиновник, замахнулся, но увидел, что я подхожу, опустил руку и улыбнулся, показал зубы.

Я ему говорю:

— Вот это — грязная работа.

Он будто не расслышал, развёл руками и вздохнул:

— Маленький налод, неважно лаботает! — И, осмотрев меня с ног до головы, похлопал по спине. — Вот из тебя колоший бы лабочий у нас был. Холошо бы залабатывал.

А я его тоже оглядел сверху донизу, шлёпнул по круглому брюшку, так что оно вздрогнуло, и в тон ему говорю:

— А ты бы у нас ничего не залаботал, худой из тебя лаботник!

Насупился чиновник, на брюшко смотрит, а там у него пятно осталось.

«Э, ладно, — думаю, — отстирает. Таким полезно мыться почаще!»

БИНОКЛЬ

Только мы пришли в тот раз в Сингапур, на пароход вкатился весёленький толстячок с коричневым портфелем в руке. Он повертел головой по сторонам, радостно помахал розовой ладонью. И вдруг закричал:

— О! Кэптэн!

Капитан увидел его, распахнул дверь и вышел навстречу.

— Ага, вот когда ты мне попался!

— Что вы, кэптэн, — хитро выпучил глаза толстячок.

— Как — что? Кто нас в прошлый рейс надул?

— Как — надул?

— Как?! Краски в два раза дороже продал? Продукты? Это не надул?

— Ха! Разве это надул? Это немножко заработал...

— «Немножко заработал»! — сердито фыркнул капитан и прошёлся по палубе. — Больше я у тебя ничего не покупаю! И из команды никто ничего не купит.

— О, кэптэн, — приложил толстячок руку к сердцу, — мы же друзья! — И, придвинувшись, торжественно сказал: — Но зато в этот раз, честное слово, я искуплю свою вину. Как друг!

— Знаем мы вас! — усмехнулся капитан и отодвинулся от него. — Здесь осторожно, здесь по-дружески облапошат в два счёта!

Целый день человечек не появлялся у парохода. Но вот наступило утро. Индийцы на баржах, зачерпнув ведром прямо из залива, умывались, чистили рыбу. В розовой воде отражался зелёный остров. Капитан только что вышел на палубу и начал делать зарядку, как вдруг на причале раздалось:

— Гуд монинг, кэптэн!

К капитану на цыпочках потянулся толстячок. Он хлопнул ладонью по портфелю.

— Некогда, я делаю зарядку! — сказал капитан.

— О, кэптэн, — удивлённо развёл руками человечек и, надув щёки, прошептал: — Бинокль! Великолепный бинокль!

Бинокли — это слабость всех капитанов. Наш капитан перегнулся через борт.

Человечек мгновенно распахнул портфель, и там сверкнули два синеватых стекла.

Капитан протянул руку, и человечек быстро побежал вверх по трапу.

Капитан взял бинокль, приложил к глазам. Вдалеке закачались десятки мачт. На входящее в бухту судно полезли по верёвкам малайцы. На стенке большого дома розовел плакат с коричневой бутылкой, можно было разглядеть буквы: «Кока-кола». Капитан оторвал бинокль от глаз и задумался.

В рубке стояли уже два бинокля. Но этот был, кажется, лучше...

— Как другу! — Человечек приподнялся на цыпочки и приложил к сердцу портфель.

— Ладно! — сказал капитан. — Сколько?

— Шестьдесят сингапурских долларов! Всего шестьдесят, — улыбнулся человечек. — Это очень дёшево, только как другу.

Старший помощник оформил покупку. Капитан взял бинокль, ещё раз осмотрел всё вокруг. А толстяк хрустнул портфелем и, довольный, покатился вниз.

— Гуд бай, кэптэн!

На другой день мы с капитаном отправились в город и зашли в магазин. Там стояли игрушечные машины, лежали пистолеты, из которых, если нажать на спуск, вылетали мыльные фиолетовые пузыри. И вдруг капитан остановился. Прямо напротив него стоял десяток биноклей. Все они лукаво сверкали стёклами, будто рассматривали его громадными глазами. Они были родными братьями капитанского бинокля! И рядом с ними стояла бумажка: «40 долларов». И казалось, они смеялись: «А мы всего сорок стоим, всего сорок!»

Капитан насупился, почесал затылок и вышел из магазина.

Поехали мы на такси в порт. Вдруг капитан дёрнул водителя:

— Стой!

По дороге торопился бодрый толстячок с портфелем под мышкой.

— Ты что же это? — возмутился капитан. — По-дружески надул?

— О, кэптэн, — приложил, улыбаясь, человечек руки к сердцу. — Разве по-сингапурски это надул? Это чуть-чуть заработал!

СПОР

Мне тогда очень хотелось купить живую обезьяну, и в один из дней я отправился в город с поваром Иванычем.

Забрели мы с ним на какую-то улочку. Не улица — настоящая кухня. У кого суп кипит, кто осьминогов режет, кто каракатиц разделывает. А мальчишки-разносчики сразу по десятку тарелок на голове несут. И даже руками не придерживают.

Рядом, в канале, толкутся джонки. Народ прямо в них живёт — больше негде. Дети к борту верёвкой привязаны, чтобы не выпали.

Жарища такая, что у меня брюки к ногам прилипают, а Иваныч словно в родной мир попал. Там мясо на сковороде жарится, там вермишель из рук хозяина сама в котёл прыгает. Мастера! Идёт Иваныч, всех похваливает:

— Ты смотри, а? Молодцы!

Остановился у одного столика, а там хозяин тесто месит и лепёшки в масло бросает. Пузырится масло. Подбрасывает хозяин тесто в руке, окунает в масло, а оттуда пухлую жаркую лепёшку вытаскивает.

— Ничего, ничего! — похвалил его Иваныч.

А хозяин говорит:

— Покупай, русский так не умеет.

— Как это — не умеет? — удивился Иваныч.

Хозяин посмотрел насмешливо и подкинул в руке кусок теста.

— Может, попробовать хочешь?

Не успел тот и оглянуться, Иваныч шагнул за прилавок! Рукава закатал по локоть, вымыл руки и шмяк тесто о доску! Ножом его пополам, в муку обмакнул и пошёл резать. Хозяин только головой вертит, а Иваныч пончиками, как мячами, жонглирует. Привычка! Шутка ли, пятьдесят человек с утра до вечера каждый день кормить!

Тут пробегал мальчишка-разносчик, бросил монету, схватил пончик и закричал:

— Эгей! Русский матрос пончики делает!

Выглянул на улицу мясник. Бросил свой котёл вермишельщик. Бегут, собрались, монеты бросают, прямо из-под рук пончики выхватывают. А хозяйские лепёшки, между прочим, всё лежат. Столпился народ, смотрит.

— Кончай всё это, пошли! — говорю я Иванычу.

Куда там! Разошёлся кок, только нож летает, пончики так и прыгают, а монеты на стол сыплются. А хозяйские лепёшки всё лежат и лежат!

Тут ребятишки откуда-то налетели. Стоят, глазеют. Иваныч им по пончику бесплатно. Хозяин рассердился:

— Но-но! Что ты делаешь?

А Иваныч второй кусок теста рубит. Выхватил бы его хозяин, да боится: ещё ножом по пальцам заработаешь! А Иваныч знай ребятам подбрасывает. Бегает хозяин, чуть караул не кричит.

Отошёл Иваныч, помыл руки и опустил рукава. Достал бумажку долларовую и стукнул ею об стол.

— Это тебе за ребят! — Взял ещё пончик и хозяину протянул. — А это тебе от меня. Чтобы помнил, как русские работать умеют!

Проезжал мимо кукольник, посмотрел, улыбнулся и тоже за монету пончик попробовал. Подмигнул Иванычу и пошёл дальше, а ребята за ним. Поставил кукольник ширму, скрылся за нею, и через несколько минут наверху кукла заплясала. В тельняшке, рукава закатывает. Лепёшки месит, детям протягивает. А другая кукла в фартуке бегает, руками разводит. Иваныч даже головой закачал: вот тебе и спектакль!

Давно уже ушли мы из Сингапура, а спектакль, может, до сих пор сингапурским ребятам показывают. Если только, конечно, кукольник никуда не перебрался: не очень-то любят они задерживаться на месте.

НОВАЯ СИНГАПУРСКАЯ МАРКА

Сингапур на этот раз появился совсем быстро. Но разглядывать его особенно не пришлось. Да и не ради этого грузовые пароходы по океанам бегают. Главное — работа. Люди ждут.

Мы принимали в жарком трюме кукурузу — на Индию. Руки у меня стали ворсистыми, да и весь я тоже: пыль прилипала к телу, как железные опилки к магниту.

А выбрался из трюма, вымылся в душе и побежал к Валерию Ивановичу:

— В город сходим? Я хоть открытку сыну отправлю с сингапурской маркой. С какой-нибудь рыбой или танцовщицей. Интересно ведь человеку.

— А ты не торопись, — сказал «Чудеса ботаники». — По городу походим, посмотрим, и марку поинтересней выберешь.

— Да город-то я видел, — говорю. — И как в джонках ребят за поясок привязывают, и как на улицах толпы валяются... всё видел.

— С той поры времени много прошло, — сказал «Чудеса ботаники». — Англичан-то выпроводили. Теперь здесь всё по-другому.

«Посмотрим», — думаю.

И только вышли, я удивился: в порту чистота! Пальмы такие, будто их сутки драили. Ни грязи, ни пыли. На новенькой спортплощадке возле новой школы мальчики в белоснежной форме бьют по волейбольному мячу.

Прошли ещё немного, попали на старую улицу, — рикши сидят, хибары кренятся, но по улице бодро шагают молоденькие краснощёкие девушки в форме регулировщиц, нам козыряют и улыбаются. Такого в Сингапуре ещё не было.

Впереди поднимаются новые зелёные, как морская вода, кварталы, а на площади среди пальм словно бы пулемёты трещат. Подошли мы поближе, а это у канала, где обычно

рикши спали, рабочие взрывают отбойными молотками асфальт.

Валерий Иванович достал свой фотоминомёт, прицелился, а они улыбнулись и подняли вверх руки:

— Салют!

И мы тоже ответили:

— Салют рабочему классу!

— Ну как? — спросил меня Валерий Иванович. — Хорошо Сингапур переделывают?

— Хорошо! — говорю. — Только ведь строят всё больше для капиталистов, для чиновников...

А Валерий Иванович подумал и говорит:

— Ничего. Рабочие люди город построили, а когда-нибудь и всю жизнь здесь перестроят. Главное, есть рабочий народ, а не одни рикши и торгаши.

— Что верно, — говорю, — то верно.

Мы свернули к почте, выбрал я открытку с видом набережной, написал: «Привет из Сингапура», и посмотрел на марки. Вот пальмы, вот рыбы, вот танцовщица... И вдруг остановился. Хорошо, что не поторопились с письмом. Теперь знаю, какую марку наклеить. Эту, голубую, — с кораблями вдали, с новыми домами и с набережной, по которой идут рабочие люди.

ВАНИНЫ СУХАРИ

Последний раз мигнул нам сингапурский маяк, заклубились джунгли Суматры и быстро остались за горизонтом.

Я всё чаще выходил на палубу, смотрел, когда же появятся Андаманские острова, после которых можно поговорить с Москвой. Но островов всё не было, и только мираж городил на горизонте свои летучие замысловатые города...

Как-то я простоял на мостике допоздна, проголодался и заглянул к Ване в камбуз. Он всё ещё громыхал посудой.

Кок открыл электродуховку, достал оттуда противень и встряхнул на нём румяные сухари. Увидел меня и говорит:

— Ну, что там видно? Скоро ботики покупать будем и малайских мартышек?

Я даже руки опустил. Ну Ваня! О чём ни заговорит, только и слышишь: «Покупать да покупать!» Будто больше ни о чём не думает. Что за человек!

Хотел я его уже отругать, а Ваня протянул мне противень:

— Бери.

Я рассмеялся.

— Не обобрать бы!

— Куда там обобрать! — сказал Ваня и стал ссыпать сухари в большой бумажный кулёк. — Вон их у меня сколько!

В углу стояли три полнёхонькие мешка.

— Да зачем тебе столько? — удивился я.

Ваня посмотрел на меня сквозь толстые очки и сказал:

— Ещё неизвестно, куда завернём. Знаешь, какие есть места? Ой-ё-ёй! Выглянешь утром из камбуза, а за окном очередь. Люди чуть не голые стоят и тянут руки: «Дай, дай». Ночью зароются на берегу в песок (спать больше негде), а встанут — и опять к пароходу: «Дай, дай». Хоть руки и не все тянут, а глаза всё равно просят. Их и десятью мешками не накормишь!

Я взял сухарь и пошёл к себе.

«Нет, — думаю, — зря я собирался Ваню ругать. Тут вон, как посмотришь, люди все в золоте через своих шагают, копейки не подадут, руки не протянут. А Ваня плывёт через океаны и думает, как других — за океаном-то — хлебом накормить. Человек наш Ваня! Настоящий!»

●

МОЛОДЦЫ, РЕБЯТА!

За дни стоянки отвык я от рулевой рубки, от мостика, а когда вышел на крыло, огляделся: вроде бы всё на месте, и всё-таки не хватает чего-то. Присмотрелся ещё и улыбнулся: трёх голов-то, двух чёрных и одной белой, над бортом не видно.

— Что-то нет нашей троицы. Уж не рассорились ли? — спросил я Фёдора Михайловича.

— Не знаю, — сказал он. — Вроде бы нет. Веня со мной в город ходил. Какие-то плёнки с песнями Индонезии искал.

«Интересно, — думаю. — Плёнки с индонезийскими песнями обещал в свою школу Митя, радист».

— А Коля день и ночь с грузами разбирался. Да ещё монетами с грузчиками менялся.

— Так ведь монеты своим пионерам должен привезти Веня! — вспомнил я. — Это он коллекцию собирает.

Постоял я, походил, вдруг смотрю — бежит по трапу Митя, как куличок, держит картонку, на которой летучая рыба распластала острые крылья.

На минуту остановился, говорит:

— Это я для Коли высушу. Пусть везёт своим пионерам.

Тут я всё понял. Молодцы, ребята!

Они хоть и врозь ходили, а были всё время вместе. Друг о друге помнили, друг для друга старались что-то хорошее сделать. Значит, и не расставались.

ПЕСНИ В ОКЕАНЕ

Наконец мы вышли на открытый простор. Снова побежали за солнышком на запад. И снова забасил, запел океан, набрал полную грудь воздуха. Да и всем вольнее запелось: дело идёт к концу рейса. Впереди Индия.

Заглядывал в рулевую капитан, прокладывал курс, просматривал карту погоды и всё напевал.

Выходил на корму Ваня с камбуза, смотрел вперёд: «Ну что, скоро будем покупать обезьян?» — и затягивал под Раджа Капура: «Бродяга я-а...»

Зашёл я к Коле. Он острым карандашом исправлял в тетради английский текст и пел: «Артековец сегодня, артековец сегодня, артековец всегда...»

Следом за мной в каюту осторожно вошёл Фёдор Михайлович, спросил:

— Николай Николаич, контрольную мою по-английскому проверил?

«Вон чья тетрадь!» — узнал я.

Коля кивнул:

— Проверил. Хорошо. Почти без ошибок.

Фёдор Михайлович расплылся в улыбке, тряхнул сединой и тоже вдруг запел: «Артековец всегда!»

И я запел.

Побежал в радиорубку к начальнику рации: может, и ему поётся? Упрошу в весёлую минуту поговорить с Москвой по радиотелефону, совсем будет весело!

В рубке у начальника рации стоял треск, писк, взрывались голоса всего мира. Но сам начальник не пел. Он решал шахматные задачи. Увидев меня, он прошёлся по рубке, вскинул согнутый крючком палец и воскликнул:

— Нет, всё-таки слона выиграю я!

До разговора с Москвой ему сейчас не было дела.

ХОД СЛОНОМ

Ещё в Бангкоке на палубе начались разговоры о том, кто какую диковинку привезёт домой.

В каюте у боцмана стоял парусник и сверкала крыльями

летучая рыба. Веня думал о монетах. Старпом собирался купить попугая, Ваня — мартышку, а начальник рации отмахивался:

— Ну да! Привези обезьяну, беды не оберёшься! Да она все подушки в доме на перья пустит!

И вдруг кто-то крикнул:

— Глядите, Фёдор Михайлович купил слона!

Все бросились к трапу. Тут тебе не обезьяна, не попугай — слон!

Внизу, мимо таиландских военных, мимо чиновников, шёл помощник капитана и держал под мышкой слона. Красного деревянного слона!

В другой руке у него тоже был слон — белый, поменьше. От него пахло сандаловым деревом.

Начальник рации взял большого слона в руки, осмотрел его со всех сторон и вздохнул:

— Вот такого бы привезти домой...

— Пожалуйста, — сказал Фёдор Михайлович, — завоюй!

— Как это «завоюй»?

— А так, в шахматном турнире. За первое место большой слон, за второе — маленький! — рассмеялся Фёдор Михайлович.

С тех пор каюта начальника и радиорубка превратились в настоящий штаб. Столы были завалены бюллетенями и журналами с шахматными задачами. Начальник рации принимал карту погоды и решал задачу. Сдавал радиограммы и двигал карандашом по шахматным клеткам, шевеля губами.

— Так, король сюда. Ферзь здесь, а вот так ход слоном

и... мат! Мат! — вскрикивал он и начинал быстро ходить по рубке. — Ход слоном — и слон наш!

Даже Митя с усмешкой посматривал на своего начальника. Чем дальше мы забирались в Индийский океан, тем глубже он уходил в шахматные битвы.

Мы направлялись в Индию, где разгуливали в джунглях стада могучих слонов. Но начальнику рации виделся только большой слон из красного дерева.

ДЕРЖИТЕ ДОСКУ!

Теперь о турнире спорили на каждом шагу. Ремонтировали шлюпку, садились перекурить — говорили о шахматах. Красили палубу — тоже о шахматах вспоминали.

Начальник рации уже был почти на «слоне».

Но вдруг вмешался океан. Сначала вода была спокойная и голубая, как на школьной географической карте. Полотно океана двигалось широко, свободно, и суда вдали показывались, как в учебнике географии: сперва над горизонтом возникал дымок, потом мачта, за ней — нос корабля. А там уже и сам пароход бежал весело мимо нас, играя флагом.

Но к решающему матчу всё переменилось.

Встречные суда словно пропали. Волны воинственно заворочались, рванулся ветер, и всё загудело.

А когда начальник рации и «Чудеса ботаники» сели за решающий матч, всё заходило ходуном. Но начальник и тут упорно продвигался вперёд.

— Обстановочка! — сказал Ваня. — У электрика уже искры над головой. А у начальника рации сплошной SOS.

Начальник гневно повёл бровями в сторону повара, но сдержался и двинул вперёд слона.

— Шах! — закричали все.

Красный слон был почти в руках у начальника!

Валерий Иванович промолчал и отодвинул своего короля вправо:

— Вот так!

— Ничего, ничего! — сказал начальник. Он обдумывал какую-то решительную комбинацию.

Но тут раздался такой удар о борт, что судно полетело вниз.

— Держи доску! — крикнул начальник.

Доска упала под стол, и пешки и короли разлетелись по углам.

Капитан побежал на мостик.

Я помчался к себе в каюту.

Дверь была распахнута. По каюте из угла в угол летали вещи. Всё пропахло кефирным запахом. Из-под кровати, как ядро, вылетел кокосовый орех, врезался в стенку, и прокисшее молоко облепило всю каюту.

Японские куклы катались по палубе.

Из-под койки выпрыгнул чемодан. Я бросился к нему: «Чашка!» Но сан-францисская чашка пронеслась мимо и со всего размаха ударилась об стол.

Мосты Сан-Франциско отлетели в одну сторону, скверы — в другую.

Я грохнулся на колени и стал ловить бегающие по каюте осколки...

О ЧЁМ СВИСТЕЛИ ФЛЕЙТЫ

Я завернул осколки чашки в газету и пошёл на палубу. Всё раскачивалось и шумело, как будто где-то вверху собрался жуткий оркестр из сотни разных ветров.

Вот один рванул мне ворот, присвистнул грустно-грустно, даже сердце заныло от тоски.

Стало не по себе. Я вспомнил: этот звук я уже слышал. Однажды вечером.

Вот ещё какой-то ветер заплакал и взвыл. И этот звук я тоже слышал в тот же вечер!

Но вот в борт ударила, рассыпалась в грохоте и понесла брызги тяжёлая волна. Раздался глухой удар. И снова знакомый! Такой же сердитый, бунтующий... Я слышал его когда-то в маленьком японском театре.

Это были те самые звуки.

Тогда маленький оркестр играл на старинных японских инструментах по каким-то древним нотам странную музыку. Было лето, за стенами театра стояла жара. Но от звуков дышало холодом.

Казалось, в инструментах завывают какие-то древние духи. Сердце сжималось от неуюта и тоски. Но о чём была эта музыка, я тогда не понял.

Теперь-то я знал, что за музыку сочиняли древние японцы!

Вот об этом вое непогоды, от которого дрожат стены домишек на берегу! О маленьком судёнышке рыбака, над которым взрывается гром, грохочут молнии и бросают его в волны. И о том, как дерутся вверху ветры — празднуют победу одни и жалобно скулят другие.

Теперь я это понимал: рядом со мной в океане тоже шло настоящее сражение.

Волны шли против волн. То одни, то другие вздувались, накатывались и поднимались к небу. Потом набирали силу побеждённые, разрастались и снова бросались в бой. Друг через друга, как ряды лохматой конницы. Они врезались в ряды противника и летели наискосок от горизонта к горизонту.

Нас тоже бросало. Но пароход всё шёл. Где-то в каюте сидел Коля и подсчитывал груз. Ваня на сковородках, привязанных к плите, жарил котлеты. Прислушивался к шумам приёмника и решал шахматные задачи начальник рации. А Иван Савельич постукивал карандашиком, проверял, всё

ли правильно записано в штурманском журнале, и сам себе говорил:

— Ничего, доберёмся!

ОДНИМ МАХОМ

Давно уже не брал я в руки тетрадку, которую дал мне сын. А надо бы, думаю, записать в неё многое. Вон уже сколько прошли!

Сел я к столу, написал про портрет Ленина и перуанских моряков, про гонконгских ребят, про маленького Тау.

А потом взглянул в иллюминатор и думаю: и про океан тоже написать нужно. Вон как гуляет! Да только о чём рассказать?

Открыл я новую страницу, отложил тетрадь в сторону, а сам вышел на палубу, присмотреться к воде, подумать.

Ходил-ходил, вдруг вижу — бежит ко мне боцман, кричит:

— Ты что ж это иллюминатор открытым оставил?

Влетел я в каюту, а там вода хлюпает, гуляет туда-сюда. На полу, на столе! А по тетрадке мокрое пятно расплылось. Волна лапу приложила, в иллюминатор ударила.

Это, пока я думал, океан сам про себя всё рассказал. Одним махом!

КЕНГУРУ НА ЛАДОНИ

День за днём я зачёркивал числа в маленьком настенном календаре, который тоже перед отплытием подарил мне сын. Зачеркнул май, июнь, июль, август, сентябрь. А вокруг всё зелёные волны.

Ветры улеглись, сражение закончилось. Море зеленело, как ровное поле. Ни убитых на нём, ни раненых. Никаких потерь.

Только начальник рации качал головой и потрясал согнутым пальцем.

— Если б не этот шторм, выиграл бы я партию, выиграл бы! Это уж точно, слон был бы мой!

И я изредка перебирал голубые осколки Сан-Франциско.

Однажды ко мне в каюту зашёл капитан:

— А ты чего их перебираешь, как монах чётки? Пошли ко второму механику, он склеит!

Вместе с капитаном заглянул Веня и, подбрасывая на ладони монету, сказал:

— В-в-ряд ли что-нибудь п-получится!

Капитан захохотал:

— Он машину клеит, а то кружку с твоим Сан-Франциско не сделает!

Второй механик был известный на судне мастер. На все руки. Машину изо дня в день ремонтировал: то клапаны перебирал, то конденсаторы. А тут — чашка!

— Пошли, пошли, — сказал капитан.

И мы все вместе отправились в каюту, где второй механик печатал на машинке какую-то ведомость. Над ним в углу каюты покачивалось павлинье перо.

— Ну-ка, второй, прояви мастерство, — сказал капитан.

«Второй» взял осколки короткими пальцами, повертел их, примерил один к другому и кивнул:

— Попробуем. Есть тут одно лекарство.

Он достал расписанный иероглифами тюбик, приставил осколки чашки друг к другу и стал осторожно смазывать их, один за другим, белым, как сгущённое молоко, клеем. Смазал, соединил — держится!

— Ты с-смотри! — сказал Веня и подбросил на загорелой руке белую монетку с маленьким выпуклым кенгуру.

— Австралия? — мельком взглянул механик. — Я там настоящего кенгурёнка на ладони качал.

Я с удивлением посмотрел на него, а капитан засмеялся:

— Ну это уж ты загнул! На ладони качал! Это уж извини.

— Почему «извини»?

— Так они же громадные! Врежут лапой — только держись! — засмеялся капитан.

— А я держал! — «Второй» приставил сан-францисский мост к какому-то скверу и, взявшись за другой осколок, стал рассказывать: — Шли мы по улице в Сиднее, вдруг кто-то кричит: «Братцы, кенгуру!» Остановились мы возле двора — эвкалипт растёт, розы вокруг. А по двору белый кенгуру бегает.

— Так бы он и прыгал! — усмехнулся Иван Савельич. — Газанул бы через забор — и дело с концом!

Но «второй» спокойно продолжал:

— Мы остановились. Вышла из дверей хозяйка. Поздоровалась и говорит: «Хотите посмотреть на мою воспитанницу? Пожалуйста». Позвала кенгуру, погладила, угостила чем-то. А потом спрашивает нас: «Хотите подержать кенгуру в руках?»

Мы удивились.

Хозяйка принесла из дома коробку из-под печенья, открыла, а там в вате лежит кенгурёнок с мышонка величиной...

Я придвинулся к механику, будто на ладони у него лежал кенгурёнок.

— Конечно, мы сразу протянули руки, — сказал механик. — Хозяйка положила мне на ладонь коробку и говорит: «Сейчас кормить его буду». Принесла в блюдце молока, смочила палец и капельку к губам кенгурёнка подносит.

— А мать где же? — спросил Иван Савельич.

— На охоте подстрелили. Там много кенгуру, житья фермерам не дают.

Австралия, кенгуру... Я только вздохнул. Мне бы тоже хотелось побродить среди эвкалиптов и подержать на ладони кенгурёнка. Но пока за иллюминатором, словно кенгуру, прыгали друг за другом океанские волны.

— Это точно, — заговорил снова Иван Савельич. — Кенгуру там много. Меня тоже приглашали там на охоту.

— Расскажите! — попросил я.

Капитан прищурил правый глаз и усмехнулся:

— Долго рассказывать. Целую книгу написать можно. А что! — Он вдруг сам удивился своему открытию. — Вот возьму как-нибудь и напишу книгу. Интересная будет.

— А я в Австралии тоже бывал, — сказал Веня. — Д-демонстрацию в-видел. Т-тоже н-напис-сать можно!

— Ну и дела! — улыбнулся «второй», приставил к чашке последний осколок и показал её мне на ладони.

— Ну, видишь, — сказал капитан. — Вот тебе и твой Сан-Франциско. И мосты есть, и океан виден.

Действительно. Стоит опять на ладони целая кружка. На ней Сан-Франциско, весь целиком. Только поперёк, там, где склеено, протянулись белые полоски, будто пробежали через американский город волнистые гребни Индийского океана.

ВПЕРЕДИ — ИНДИЯ!

Мы пересекли Бенгальский залив, по чистой зелёной воде обогнули остров Цейлон.

Я ждал, когда же покажется треугольный, как на карте, сказочный полуостров, по которому бродят стадами слоны, качаются на лианах обезьяны и текут знаменитые реки Инд и Ганг.

Но вот Веня отмерил расстояние от Цейлона и опустил иголочку циркуля у порта, возле которого на карте был нарисован маленький якорь.

— Кочин, — сказал Веня. — Ин-т-т-ересный порт. Здесь был похоронен знаменитый мореплаватель Васко да Гама.

Иван Савельич вышел на палубу и сказал:

— Будем пить индийский чай. Плантации пошли...

Но никаких плантаций пока не было. Справа под самым небом синели прозрачные, будто нарисованные акварелью, горы. А внизу на белом песке среди пальм стояла маленькая светлая фигурка.

По воде за бортом иногда плыли цветные птичьи перья. Потом вдруг над мачтой сверкнула стрекоза. А мимо меня пролетела какая-то зелёная травинка, села на палубу, повернулась и распустила крылья. Саранча.

Теперь горы тянулись как голубые волны. Иногда на палубу выходил кок Ваня и смеялся:

— Скоро их преосвященства закаркают!

— Цирк приедет, — говорил боцман.

А Коля-артековец курил, как бывалый капитан, и задумчиво вглядывался в берег, где был похоронен знаменитый Васко да Гама.

Облака стали малиновыми, вода — мягкой, нежной. Мы повернули к берегу и вечером вошли в залив. Над ним нависали пальмовые листья. Среди темноты мерцали лёгкие огоньки, светились уютные оконца, и в зарослях блуждали зелёные точки светляков.

— Занять места по швартовому расписанию! — приказал помощник капитана, но сказал это осторожно, тихо, будто боялся спугнуть ночные запахи, огоньки.

Мы вышли на швартовку, приблизились к причалу, подали на берег швартовый конец. После океанской прохлады от пакгаузов понесло упругой, накопленной за день жарой.

СЛОНЫ

Утром, едва я кончил мыть каюту, за дверью раздался крик начальника рации:

— Слоны!

Я побежал за ним на правый борт, ближе к причалу. Там прямо в пыли лежали брёвна красного дерева, тучей носились вороны и ходила корова. Лежали пахнущие мазутом громадные катушки кабеля. А на судно поднимались по трапу тоненькие, узколицые грузчики в белых набедренных повязках или коротеньких юбках.

Никаких слонов не было.

Но с другой стороны, с залива, доносился пронзительный крик:

— Слони, слони!

Будто кричал погонщик слонов.

Может быть, гонят купать стадо. Я протиснулся поближе к борту и внизу увидел целое стадо слонов.

Деревянных. Они качались в старой лодке, красные спины их блестели от солнца. А погонщик, смуглый, курчавый мальчишка в шортиках, то пронзительно кричал «Слони!», то брал их по одному в руки и показывал:

— Эй, слони! Какие карошие!

Слоны были разной величины, но все вишнёво-красные, с маленькими бивнями из слоновой кости. Они качались вместе с лодкой в такт волнам.

— Сколько стоит? — Начальник рации перегнулся через борт.

Но мальчишка замахал кудрями:

— Деньги не надо.

— Сколько рупий? — объяснил на пальцах начальник.

— Рубашка давай!

— Эту? — Начальник взялся за рубаху.

Мальчишка закивал кудрями. Потом показал на одного матроса, на другого, на третьего и объявил:

— Один рубашка — один слон!

Начальник почесал в затылке. Потом махнул рукой: «Ладно. Рубашка так рубашка». Сбросил с себя новую рубашку, привязал её к бечёвке и опустил вниз. Мальчуган взял руба-

ху, быстро привязал к верёвке слона, хлопнул на прощание, и деревянный слон поплыл вверх.

Мне тоже захотелось слона!

Я сбегал в каюту, принёс новую рубаху — купил перед отплытием — и опустил вниз.

Мальчишка посмотрел на рубашку, пощупал, поднял вверх большой палец и выбрал мне самого красивого слона.

Он задёрнул его морской петлей, крикнул: «Давай!» И я потянул слона вверх. А начальник рации закачал головой:

— Вот это слоны! Это слоны!

Скоро слонов в лодке поубавилось. Мальчишка показывал: «Бери ещё». Но мы отмахнулись: «Эдак-то и без рубах останемся!»

Маленький погонщик рассмеялся, оттолкнулся от борта веслом и погнал своё деревянное стадо дальше, к другим пароходам, подгоняя его пронзительным криком: «Слони, слони!»

ЦИРК НА ВОДЕ

Не успел он отойти от борта, как раздался крик: «Цирк, цирк!» — и на палубу, теряя шлёпанцы, выбежал Валерий Иванович.

К нам с другого берега торопились лодки. Одна была завалена жёлтыми тугими бананами, другая — кокосовыми орехами, в третьей вертелась маленькая обезьяна и прыгала мангуста. Но цирка я нигде не видел.

— Да вон же! — показал Валерий Иванович.

— Вон! — показал Ваня. — С музыкой.

И тут я увидел, как от берега к нам идёт лодка, на которой кто-то бьёт в звонкий бубен.

Лодка быстро приближалась. На вёслах сидели мужчина и очень полная женщина, на корме — несколько ребятишек.

А на крыше маленькой каюты плясала с бубном в руках тоненькая девочка.

Лодка подошла к борту, девочка отдала женщине бубен, ловко сбросила с себя старенькое платьице, осталась в трико и сделала сальто.

Недалеко прошёл катер, заколыхались волны. Лодку качнуло. Но маленькая акробатка сделала сальто ещё раз.

Тогда к ней подошла вторая девочка, и обе они, сделав сальто, встали на руки.

— Ишь ты! На воде, — сказал кто-то.

А к девочкам подошла ещё одна, третья, с узким обручем в руке.

— Вот сейчас начнётся цирк! — оживился Ваня. Он вышел из камбуза с кульком пряников в руках. — Сейчас начнётся самое главное.

Первая девочка взяла колесо и, держа его в руке, прыгнула сквозь него. За ней вторая. И они вместе пролезли в узенькое кольцо.

К ним снова подошла третья.

— Втроём не пролезут, — подумал я вслух.

— Да ну? — усмехнулся Ваня.

На крышу каюты поднялась полная женщина. Теперь обруч взяла она. Девочки разом протянули руки вверх, собрали их венчиком и просунули в кольцо. Затем одна продела голову, потом вторая и третья. И я не заметил как, но кольцо съехало к их ногам.

— Это что! — сказал Ваня и посмотрел на меня. — Ещё и не то будет!

Теперь я помалкивал.

Из каюты выбралась четвёртая девочка, и они проделали то же самое вчетвером.

— А вот теперь самое главное. — Ваня заволновался, глаза его заблестели.

Женщина подошла к девочкам вплотную, тоже стала рядом с ними, а мужчина ударил в бубен.

Тут и на соседних лодках приподнялись зрители. А маленькая обезьянка затрещала и завертела во все стороны головой.

Девочки скользнули в обруч и подтянулись друг к другу. За ними пропустила руки женщина и тоже стала втягиваться в него. В воздухе раздался лёгкий звон — мужчина мелко затряс бубном, лодка закачалась, и женщина, совсем как тоненькая девчушка, вдруг оказалась в кольце. Теперь обруч сжимал всех пятерых, как пояс. Они откинулись в разные стороны — получился красивый цветок. Потом выпрямились, сделали какое-то движение, и обруч скатился к их ногам.

Все вокруг зашумели, закричали. А девочки на лодке растянули старенькую простыню. Вниз полетели кусочки туалетного мыла, а Ваня бросил кулёк пряников и вздохнул:

— Тут бы одному в этот обруч пролезть, да не в лодке, а на палубе!

И все засмеялись.

ХОТТАБЫЧИ И КОЛЯ-АРТЕКОВЕЦ

Ещё не выгрузили из трюмов кукурузу, а на причале нас ждал уже новый груз. Большие ящики с индийским чаем. Первый сорт! Громадные катушки с кабелем, тяжёлые брёвна красного дерева.

Я прохаживался около них и думал: отпилить бы кусок для дружка-скульптора. Уж он бы наделал фигур! Да нельзя: всё маркировано, везде выжжены номера. Ценное дерево. Да и попробуй отпили — зубы сломаешь!

И тут я заметил, что к причалу идёт шумная толпа индийцев.

Они смотрели на наш пароход и приближались к трапу.

— Ну, вот и первая экскурсия. Поведёшь показывать, — сказал мне капитан.

— Лучше бы это сделать штурману, — сказал я. — Я только в помощники гожусь.

— И то верно, — согласился Иван Савельич и спросил румяного молодого штурмана, который у трапа жевал резинку: — Поведёшь?

— Больно надо, — усмехнулся тот. — Что я, экскурсовод? Вон пусть артековец ведёт.

По палубе стремительно, как Пётр Первый, с бумагами в руке шагал Коля, недавний воспитанник Артека. За ним мимо полуголых грузчиков, приподнимая край юбки, почти бежал лысый индиец-чиновник.

— А что, я, что ли, экскурсовод? — сказал Коля.

— Ты почти учитель, — сказал Фёдор Михайлович. — И работы по-английскому проверяешь, и объясняешь всё прекрасно, как учитель.

— Ничего себе учитель, — пыхнул сигаретой Коля. — Меня из класса всегда выставляли. Никогда воротник не застёгивал. Но сводить экскурсию разок, конечно, можно.

По трапу уже поднимались гости.

Коля распахнул перед ними дверь, улыбнулся и пригласил всех наверх. Мужчины пошли, толкаясь, заглядывая в каждую каюту. А женщины двигались величественно, спокойно. Но все следили за Колей и прислушивались к его словам.

Он быстро провёл гостей в рубку, поводил по судну и уже весело прощался, когда к трапу подошла ещё одна экскурсия.

— Это не мои! — сказал Коля.

Впереди стояли старики — настоящие Хоттабычи. Головы их были повязаны белыми тюрбанами, с подбородков спускались длинные бороды, из-под седых бровей глядели мудрые, добрые глаза. Сзади стояли мужчины помоложе, но тоже седые.

— Это не мои! — повторил Коля.

Но капитан, наклонив голову, посмотрел на него исподлобья:

— Коля, это же учителя из глубины Индии. Многие из них даже моря никогда не видели. Ты ведь артековец, Коля.

— Ну, раз учителя, ладно, — сказал Коля.

И Хоттабычи стали быстро подниматься вверх.

Коля распахнул перед ними дверь, и я тоже пошёл следом. Вся Индия шагает рядом!

Коля показал столовую. Потом открыл каюту Валерия Ивановича, и все учителя ахнули. Перед ними зеленели настоящие джунгли: ползли лианы, качалась пальма...

Коля попросил всех наверх, но мудрецы почтительно уступили дорогу ему. Он через ступеньку побежал в рубку, и учителя, приподняв юбочки, побежали за ним.

Воспитанник Артека встал к штурвалу, бородатые мудре-

цы окружили его. Он подошёл к локатору, и все Хоттабычи наклонили над экраном головы.

Коля стал им рассказывать про океан, про авторулевой, и все мудрецы заглядывали ему в рот, будто первоклассники.

...Коридоры, каюты, барометры, море — всё показывал юный помощник капитана, и старцы с почтением и вниманием вслушивались в его слова.

А стали спускаться вниз, я заметил: идут учителя, обмахиваются руками и уважительно показывают друг другу на Колю глазами, словно говорят: «Мудрый он, этот отрок Коля-артековец».

Только сошли они вниз, на палубе новая делегация. И одни девчонки. В цветных сари, в накидках, кто босиком, кто в босоножках. У кого в ноздре камушек драгоценный сверкает, у кого на лбу цветное пятнышко. У многих на тонких золотистых руках серебряные браслеты, а у одной и на ногах. Не экскурсия, а живой букет!

Тут уж Коля сам сказал:

— Ладно! Поведу!..—И скомандовал: — Маленькие вперёд, большие сзади!..

Провёл всех по судну, вывел на самый верх. Говорит:

— С такой делегацией сфотографироваться надо бы. Возле трубы.

Сбегал я за фотоаппаратом. Пришёл, а девчонки никак не успокоятся: шумят, подпрыгивают. Кто босиком, а палуба горячая! А кому вперёд хочется.

Коля вышел вперёд: «Что за шум?» — и все притихли, как перед учителем. Взял он самых маленьких, вывел вперёд, успокоил остальных. Стал в середину и подмигнул мне: «Давай!»

Я прицелился, щёлкнул и сам себе сказал: «Хорошо!» Всё выйдет. Яркое небо, залив, пальмы вдали, труба с серпом

и молотом. А под ней девчонки с пятнышками на лбу. Впереди — самые маленькие. И в центре Коля, помощник капитана, артековец, учитель.

МЫ — ТОВАРИЩИ!

Экскурсии шли за экскурсиями, чиновники бежали за чиновниками, и все искали капитана. Он встречался с самыми уважаемыми людьми. И чиновники, и грузчики, и экскурсанты провожали его с почтением: «О, кэптэн!»

Но скоро встречи капитану надоели. Он обмотал голову полотенцем — от жары, — кликнул Фёдора Михайловича, который усиленно занимался английским:

— Пошли отдохнём! Всё равно не сдашь экзамен. Старый уже... — А мне приказал: — Хватай ведро, краску, и пошли чернить борт: весь вытерся.

Я принёс катки, краску, чернь, и мы втроём стали у борта.

В это самое время к вахтенному подошёл юркий чиновник в коротких штанишках, осмотрел судно и спросил:

— А где капитан?

— Вон капитан, — кивнул вахтенный в нашу сторону.

Индиец засмеялся и вновь спросил:

— Капитан где?

— Да вон капитан! — рассердился вахтенный и показал на Ивана Савельича.

Индиец усмехнулся: капитан красит? Этого не может быть! Но присмотрелся внимательнее и, что-то насвистывая, направился к нам.

Иван Савельич продолжал быстро закатывать чернью борт. Чиновник посмотрел и удивлённо сказал:

— Кэптэн?

— Ну я. А что? — откликнулся Иван Савельич.

— А зачем капитан красит? — спросил чиновник.

Иван Савельич повернул к нему голову, не опуская катка:

— То есть как зачем? Я на пароходе плаваю?

Индиец кивнул.

— Так я хочу плавать на чистом пароходе.

— Пусть это делают матросы, — сказал чиновник. — У нас господа не красили.

Вокруг собралась толпа. Колыхались белые платья, цветные сари, притопывали на горячем причале босые ноги. Люди прислушивались к разговору.

Капитан приготовился что-то ответить и вдруг замер: оттуда, где стоял Фёдор Михайлович, прозвучало на чистом английском языке:

— А мы не господа. Мы — товарищи!

Иван Савельич дёрнул головой от неожиданности, посмотрел на помощника и весело сказал:

— Вот это да! Вот это ответ! Ради такого ответа стоило учиться! Хоть всю жизнь! Тут и я пятёрку поставлю!

Фёдор Михайлович улыбнулся, а я подумал: «Ещё история для книги, которую напишет капитан».

Чиновник всё не уходил. Он сел на кнехт, положил ногу на ногу и снова сказал:

— Начальнику работать не надо.

— Вот как? — удивился Иван Савельич. — А если ты станешь начальником, неужели не будешь работать?

— Конечно, нет!

— А есть будешь? — спросил капитан.

Чиновник оглянулся: все смотрели на него с явной усмешкой, и он быстро пошел к пакгаузу.

— Ишь выучился! — сказал Иван Савельич.

Теперь все смотрели, как он красиво и ладно работает. Борт блестел, и в нём отражались и коричневые грузчики в юбках, и вся толпа, и сам Иван Савельич, который весело водил катком.

Я тоже отражался рядом с ним и видел, как уважительно

качают головами индийцы, глядя на него: вот это капитан! У такого любой матрос может учиться.

А капитан поглядывал на Фёдора Михайловича и приговаривал:

— Ну удивил! Вот это помощник!

НЕСКОЛЬКО ЗЁРЕН

Наступила ночь. Над судном горели прожекторы, в трюм я спустил люстры. Там индийцы выгружали последние мешки с кукурузой. Из мешков сыпалась шелуха, пыль, и на ней, как на песке, отпечатывались следы босых ног.

Наконец из угла вытащили последний мешок. Он был лохматый. Наверное, его промочило дождём, и от влаги кукуруза проросла. Во все стороны из мешка лезли белые корни.

Грузчики ахали и качали головами.

Выгрузка была закончена. Я взял совок, метлу и собрался вниз — чистить трюм. Но боцман остановил меня:

— Не надо, сейчас они уберут сами.

Я присел на край трюма.

Грузчики принесли маленькое сито и стали просеивать мусор. Мусор падал на брезент, а зёрнышки они опускали в мешочки на поясе. То в одном месте зерно подберут, то в другом. Уже и просеивать закончили, и брезент свернули, а один старик нагнулся и вытащил из-за шпангоута несколько зёрен. И тоже опустил в мешочек.

Всё выбрали и стали подниматься наверх.

— Видел? — сказал боцман. — Вот как живут... всё до зёрнышка!

Тут-то я Ваню вспомнил. Нет, не зря он сухари сушил да в мешки складывал.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КОЧИНУ

Над палубой всё время каркали вороны. Я и проснулся-то от вороньего гама. Кар да кар! Почище мистера Джорджа!

Вороны сидели на рубке. Одна с костью в клюве танцевала на мачте, прохаживалась, как хозяйка. Вот холера! Бросит кость на голову — не обрадуешься.

Я схватил палку и замахнулся на неё. Но меня остановил «Чудеса ботаники»:

— Ты что это? И не думай бросать. Тут знаешь, что будет?! Вороны священные!

Я чертыхнулся. Что коровы в Индии священные, это я знал. Что реки Инд и Ганг священными считают — тоже. Но чтобы вороны... Ну и ну.

Насторожившись, на меня уже смотрели индийцы.

— Они считают, — сказал Валерий Иванович, — что после смерти душа человека может в кого угодно переселиться. Даже в ворону. Ну вот, скажем, душа твоей бабушки.

Я рассмеялся. Не хочу, чтобы моя бабушка вороной каркала!

По причалу стучал копытцами козёл, и на нём верхом, взмахивая крыльями, прыгала тяжёлая ворона. Вот обнаглели!

— Ладно, — сказал Валерий Иванович. — Ну их, этих ворон, к шутам! Поехали лучше в город. Посмотрим на могилу Васко да Гама.

Ещё с детства я помнил книгу со старинными гравюрами, на которых бушевало море и знаменитый мореплаватель, тот самый, который первым обогнул Африку, смотрел в подзорную трубу на далёкую, неведомую землю. Рядом с ним по верёвочным лестницам лазили матросы, натягивали упругие тали, и я вместе с ними мечтал карабкаться на мачты над бушующими волнами и открывать новые земли.

Всё вспомнилось, и я сказал Валерию Ивановичу:

— Поехали.

За воротами порта прямо под солнцем сидели и стояли старики в длинных платьях. Они были тонкими, иссохшими. Платья на них, казалось, пересохли от солнца и шелестят, как сухие листья. Рядом толкались мальчишки. Они бросились к нам, крича и протягивая руки.

Но вот мы свернули вправо. Над нами закачались зелёные пальмы, развесили ветви деревья в красных цветах. Под ними с корзиной орехов на голове бежал парень. Рядом фыркал мотороллер — это мчался бородач с чалмой на голове, полы его одежды разлетались в разные стороны.

Город не город, деревня не деревня. Прямо на улочках люди сидели, лежали, ели, играли, о чём-то договаривались...

И вдруг впереди всё остановилось. Затормозил бородач, задержалась одна машина, другая, третья. Посреди улицы стояла тощая корова. К ней подбежал худенький большего-

ловый мальчуган, плюхнулся на колени и поклонился. Он прикоснулся ладонями к её боку, погладил себе лоб и снова поклонился.

Валерий Иванович сказал:

— Вот видишь, просит у неё покровительства. Корова-то священная. Их здесь и не трогают.

— А молоко как же? — спросил я.

— Молоко пьют от зелёных коров. — И он кивнул на пальмы. Там висели грозди жёлтых, ещё не созревших кокосовых орехов.

А что, верно. И молоко и масло — здесь всё от неё, от пальмы. Только походит она больше на жирафа, чем на корову. Стоит, качается, длинной шеей из стороны в сторону поводит. Наконец корова ушла, и все тронулись дальше. Тронулась одна машина, другая, третья. И индиец погнал вперёд мотороллер.

ОБЛОМОК ДРЕВНЕЙ ПЛИТЫ

На окраине, за большой старинной оградой, мрачно поднимался трёхглавый собор с древними часами. По его двору в рясах ходили служки. Мимо них мы прошли в собор и словно погрузились в холодную глубину.

У входа слева уходил в землю обломок старинной надгробной плиты. От него так и дохнуло холодом. Казалось, он устало тонет в земле...

На обломке древними буквами были выбиты имена умерших и погибших, но имени Васко да Гама, мореплавателя, я не нашёл.

— А где же Васко? — спросил я, и тихий служитель молча показал на блестящую бронзовую ограду в глубине собора. Там лежала мраморная плита, на которой не было ни имени, ни знака.

Монах сказал:

— На этом месте его похоронили, но потом увезли. Он уплыл в гробу через океан на свою землю, в Португалию. А его спутники остались. — Он показал глазами на обломок плиты у входа. — И лежат уже пятьсот лет.

Теперь обломок показался мне другим. Нет, он не уходил в землю. Он не хотел тонуть, а поднимался из неё, как древний парус из волн, и вместе с собой всё ещё поднимал имена матросов, которые когда-то карабкались по реям, летели наперекор волнам. И с которыми мне в детстве тоже хотелось плыть по шумному, старинному, как на гравюре, океану.

ПТИЦА ИЗ ДЖУНГЛЕЙ

От Кочина до Бомбея мы шли вдоль берега. Я докрашивал с товарищем трапы. И пока красил справа, видел весёлые верхушки гор, джунгли. А красил слева — видел весь океан: то летучих рыб, то дельфинов. А однажды заколыхался и выбросил фонтан кит. Но мы работали спокойно. Уже ко всему привыкли.

А вот у Бомбея я услышал на палубе крик. Там бегал, размахивая руками, боцман, а за ним — матросы.

Боцман как будто за кем-то крался, потом, согнувшись, вскочил, резко бросился вперёд и растянулся на палубе. А над ним взлетела ярко-зелёная птица.

Птица села на мачту и перелетела к мостику. Как раз на меня! Я выпрямился, вскинул руки, но птица воинственно подпрыгнула и ударила крыльями. Это был самый настоящий индийский попугай! Весь атласно-зелёный, с красными перьями и загнутым клювом. Наверное, прилетел с какого-нибудь корабля, а может, прямо из джунглей.

Я побежал за ним по трапу. На крыло рулевой рубки. Но тоже растянулся на свежей краске. Наверное, и синяк поса-

дил. Выскочил из рулевой штурман, открыл рот — ругаться, но увидел попугая и тоже кинулся за ним.

Капитан остановился на пороге и захохотал: «Ну и ну! Ну и ловцы».

Попугай взлетел на антенну, посидел, ударил крыльями и полетел к Бомбею.

Скоро и мы повернули к стоянке навстречу тысячам пароходов, портовому шуму и горьковатым запахам чая и кунжута.

С мостика раздалось:

— Боцман на брамшпиль! Команде занять места по швартовому расписанию!

Так мы и вошли в Бомбей — вслед за попугаем.

В БОМБЕЕ У СОВЕТСКИХ ПИОНЕРОВ

В Бомбее уже стояло несколько наших пароходов. И мы то и дело ходили друг к другу в гости. Спрашивали:

— Вы что привезли?

— Комбайны!

— А мы станки.

А как-то пришли к нам на палубу наши советские товарищи из посольства и попросили кого-нибудь выступить перед ребятами в школе, рассказать про дальние страны, про морскую жизнь. Капитан подошёл ко мне, говорит:

— Отправляйся, расскажешь.

Я подумал: «Вот чудаки! Уж в такой дальней стране живут — вон мы сколько до неё добирались, а про дальние страны спрашивают».

Но согласился. Американских-то ребят я видел недавно. Японских видел, тайских видел, сингапурских видел, а своих, советских, да ещё пионеров, давно не видел. Наверно, думаю, тоскливо им здесь, далеко от нашей земли.

Проехали мы через весь Бомбей и очутились в зелёном дворе с большим деревом. Прошли в школу. А там всего один класс. И доска, как у нас в школе, и карта на стене. Ребята в пионерских галстуках бегают, в пятнашки играют, девочек за косички дёргают. Совсем как дома. Хоть и маленькая школа, думаю, а боевая, как катерок. Своя под ногами палуба! Весёлая!

Рассказал я ребятам про Сан-Франциско и Японию, про Тихий океан. Действительно, далеко от Индии! Вспомнил про то, как попугая ловил около Бомбея. И говорю:

— А теперь пойду к вашему начальству, попрошу, чтобы джунгли показали. А то ведь уплывём из Индии, так ничего здесь и не увижу.

А одна девочка встала и говорит:

— Не надо никуда ходить. Я попрошу своего папу, он вам покажет. У него завтра выходной.

МАРТЫШКИ И ОЧКИ

Утром к нам приехал серьёзный толстячок с усиками, серьёзно сказал:

— Я — девочкин папа. Машина готова!

И я собрался в джунгли.

— Возьмите и меня! — сказал Фёдор Михайлович.

Он взял с собой зеркальные очки, купленные в Бангкоке, и мы отправились в путь.

Возле старинных зданий навстречу нам попадались старинные фаэтоны. Рядом важно размахивали хвостами коровы. Одна из них подошла к продавцу арахиса и стала жевать маленькие, в палец толщиной кульки.

Потом мы вырвались на шоссе, которое кольцом легло вокруг просторного залива. Мы проезжали знаменитое жемчужное ожерелье Индии. Над ним колыхались пальмы, стро-

ились большие высокие дома, и строители шли по бамбуковым мосткам наверх, держа на головах чаши с цементом...

Девочкин папа сказал:

— Обратите внимание налево.

Там весь в зелени стоял детский парк, в котором бродили львы и тигры, жирафы и верблюды. И все они были зелёными! Их выстригли из кустов!

Но вот в окна свободней засквозил ветер, вдалеке по горам разбежался настоящий пальмовый лес. Мы нырнули в заросли бамбука. Острые высокие стебли взбирались в небо, качались, и Фёдор Михайлович вздохнул:

— Сплошные удочки...

«Или лыжные палки», — подумал я.

Из бамбука вынырнула тропка, и мимо нас, словно Маугли, только с сумкой на боку, мальчуган прогнал стадо коз. И всё пропало.

Теперь над нами нависали лианы, а на дороге валялись их обрывки. Вдруг обрывки зашевелились и стали уползать.

— Змеи! — сверкнул очками Фёдор Михайлович. — Выползли на дорогу погреться...

А немного погодя он тряхнул чубом и крикнул:

— Смотрите! Смотрите!

Сверху на дорогу так и посыпались маленькие серые мартышки. Одни торопились через дорогу, другие ещё только спрыгивали, а третьи раскачивались у нас над головой.

Я выбежал на дорогу, схватил фотоаппарат. Обезьяны бросились в кустарник. Только одна, старая, остановилась у машины. На спине у неё сидел малыш. Он фыркнул, ткнул в мою сторону кулачком. И они тоже бросились в кусты.

Я побежал за ними в чащу. Но девочкин папа потянул меня за рубаху:

— Ты что? Видел, сколько здесь змей?! Не поймёшь, где куст, где гад!

Я вспомнил кусты в бангкокском дворике и остановился.

Обезьяны снова запрыгали по деревьям, закачались на ветках. А мы поехали дальше.

Пересекли маленькую речушку, потом лысоватую сухую полянку, над которой поднимались голые деревья с тяжёлыми угрюмыми орлами на верхушках, и выкатили к большому белому камню.

И вокруг него плясали обезьяны!

Одни бегали на четвереньках, другие сидели, словно переговаривались между собой, что-то обсуждая. И Фёдор Михайлович, потянув меня за руку, засмеялся:

— Уж тут-то мы их, голубушек, снимем! Сейчас мы с ними сфотографируемся.

Мы вышли из машины и стали оглядываться: нет ли змей. Змей не было. Но и обезьян уже не было! Только по деревьям мелькали обезьяньи хвосты.

— Ну ладно, — сказал Фёдор Михайлович, — сфотографируемся у обезьяньего камня. И объясним, что на нём вертелись обезьяны.

Он снял очки. Я сделал снимок, и мы снова поехали.

Наконец ветви раздвинулись, на дорогу вырвалось солнце. Фёдор Михайлович хотел надеть очки, но очков не было. Он полез в левый карман — нет! Прощупал правый — нет!

Прекрасные бангкокские очки остались на обезьяньем камне.

— Так, — сказал я. — Сейчас обезьяны уже репетируют басню «Мартышка и очки».

Фёдор Михайлович, нахохлившись, посмотрел на меня. А девочкин папа очень серьёзно сказал:

— Едем обратно. Они уже по очереди нанизывают их на хвост.

Фёдор Михайлович промолчал, но было ясно, что видеть свои прекрасные очки на хвосте у обезьяны ему не очень хотелось.

Снова мелькали заросли бамбука, речка. Наконец появи-

лась поляна, камень, и от него во все стороны разбежались обезьяны.

Я крикнул:

— Несут!

Фёдор Михайлович выскочил из машины почти на ходу и рассмеялся: очки лежали на месте.

Он надел их и стал разглядывать джунгли. Теперь не скоро доведётся сюда попасть.

Завтра мы должны были уходить из Индии домой.

ОХОТА В ОКЕАНЕ

Но домой мы не пошли. Едва мы вернулись в порт, как капитан объявил:

— Вот так! Шагаем за грузом дальше. В порт Беди.

Мы взглянули на карту и ахнули. Плыть нам в самый дальний уголок. На карте вокруг порта мелькали точки — это пустыня, пески, и на зелёном фоне виднелись чёрточки — болота.

— Эдак мы не пять, а все десять месяцев провозимся, — нахмурился Фёдор Михайлович. — И к Новому году не вернёмся.

«Так в Зеландию уйдут без меня», — подумал я.

Но приказ есть приказ. И уже через несколько часов мы спешили на север.

Веня стоял на вахте, Валерий Иваныч проверял проводку, Ваня громыхал кастрюлями.

Справа вдоль берега опять зеленели леса, слева монотонно покачивались небо и синяя вода.

Постепенно места становились всё глуше и пустынней. Берег изменился. Лес на нём стал жёстче, корявей. Заросли опускали в берега змеистые корни. Мангры! В них чего только не водится...

И вода вокруг стала неуютной, напряжённой. В глуби её бурлила какая-то таинственная, незнакомая жизнь.

Раньше из воды выпрыгивали лёгкие летучие рыбы и парили над волнами спокойно, свободно. Теперь из волны в волну прыгали какие-то другие — незнакомые, длинные.

Вот одна рванулась из стеклянной стены и ударилась о другую. Вот ещё какая-то рыбина тяжело сверкнула на солнце.

За ними кто-то охотился.

Мы собрались у борта. Метрах в ста от нас промелькнула в глубине большая тень. И тотчас из воды одна за другой выпрыгнули несколько рыб. Тень, как молния, зигзагом пронеслась под ними.

Рыбы метнулись в другую сторону, и тень прошла стороной. Оттуда тоже вылетели рыбы. Они теперь вылетали с разных сторон. Какой-то хищник ворвался в косяк и гонял его по громадному зелёному пространству.

— Акула! — крикнул с мачты начальник рации.

— Да нет, — сказал Фёдор Михайлович.

На секунду в воде всё стихло, притаилось. Но вот впереди поднялась волна. Из неё вырвались несколько рыб. За ними, как тигр из зарослей бамбука, бросилась с разинутой пастью громадная тупорылая рыбина и на лету заглотала серебряную беглянку.

— Корифена! — крикнул Ваня.

— Может быть, — согласился Фёдор Михайлович.

Вокруг всё кипело. Шла настоящая охота.

ЗМЕЙ! ЗМЕЙ!

Ночь, как всегда в тропиках, наступила быстро. Вода на горизонте вспыхнула напоследок и почернела — словно сгорела. Теперь всё — и берег, и волны, и небо слились в одну влажную, липкую черноту. Руки липли к поручням, рубаха — к плечам. Только из рулевой рубки пробивалась прохладная струя воздуха. И я то и дело подставлял под неё лицо.

Веня молча стоял рядом. Но вдруг он привстал на цыпочки. Впереди справа засветилось какое-то пятно.

— Наверное, рыбий косяк, — подумал я вслух.

Но тут такое же пятно засветилось и слева. Потом ещё и ещё. И скоро в воде заклубились десятки пятен непонятного зеленоватого цвета.

— Может, дельфины гонят рыбу, вот всё и фосфорится, — сказал вахтенный матрос.

— К-кто его знает, а вдруг к-крак-кены! — глуховато произнёс Веня. Он любил таинственность.

Но тут фосфорические пятна появились и в воздухе. Над водой заколебалось непонятное мерцание. Будто кто-то мазнул по туману светящейся краской!

И вдруг на судне потух свет.

Веня бросился звонить капитану. Телефон не работал. К капитану побежал вахтенный и стал стучать в дверь. Иван Савельич выслушал его и сказал:

— Чудеса! Электрикам выговор вкатим — всё заработает и пятна пропадут. Позвать электриков!

Но Валерий Иванович сам уже выбежал на палубу с фонариком в руке. Он окунулся в светящийся туман, и фонарь у него в руке погас. Я пошёл в кают-компанию проверить, есть ли там свет, как вдруг за спиной раздался взволнованный шёпот:

— Сюда! Сюда! Змей, змей!

Я вернулся на мостик и в темноте разглядел перепуганного Веню. Он показывал рукой в сторону берега. Туда, к мангровым зарослям, уходила широкая зелёная полоса.

Туман рассеялся. И потихоньку засветились огни. А в рубке появился Иван Савельич.

— Ну что тут у вас? — спросил он хрипловато.

— Змей! Метров восемь. Длиной с третий трюм!

— Видел? — спросил Иван Савельич.

— Т-то-о-чно! Ог-г-громный и голову поднимал!

— А марсиан не было? — усмехнулся Иван Савельич.

— Я се-серьёзно, — обиделся Веня.

— И свет погас, — подошёл Валерий Иванович к капитану. — Вон и фонарь не горел.

— Лучше работать надо! — сказал капитан. Ни в какие таинственные случаи он не верил.

— Да, может, здесь какие-то электромагнитные волны, — возразил электромеханик.

— И з-мей был, — повторил, волнуясь, Веня.

— Ерунда, — сказал капитан.

— Все видели, Иван Савельич, — подтвердил я. — И свет гас, и что-то волнистое убегало к берегу. Похоже на змея.

— Змеи, волны... — рассмеялся капитан. — Фантастика! Вот тут недавно случай был на самом деле фантастический! — с ударением произнёс он. — Вот это фантастика!

И хотя все были взволнованы, но капитан обещал историю не менее фантастическую, и все притихли. А Иван Савельич поглядел на воду и сказал:

— Да, может, и сами слышали эту историю?

САМАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

— С полгода назад в этих местах тоже шло наше судно, дальневосточное. Ночь была. Чуть-чуть швыряло. Все улеглись спать. Остались только вахтенный да капитан.

А часа в три ночи один машинист вышел на корму покурить перед сном. Встретил в дверях механика, кивнул — и разошлись. Один — в каюту, другой — на корму.

Ночью судно тряхнуло раз-другой — волна прошла. Покачало и успокоилось.

А утром стали поднимать вахтенных на работу, зашли к машинисту — нет его, стали искать на палубе — нет! Заглянули в шлюпки — и там не ночевал!

Капитан крикнул механика, спрашивает:

«Кто машиниста в последний раз видел?»

Механик говорит:

«Я. Он на корму вышел».

«Когда?»

«Да часа в три ночи».

«Так в это время по корме волна прокатилась! Да не одна, — спохватился капитан. — Неужто смыло?.. — И тут же приказал: — Развернуться на сто восемьдесят градусов! Полный вперёд!»

Посмотрел капитан на часы: восемь часов утра.

— А вода вон какая — акул полно! — воскликнул Иван Савельич.

— И з-змеи п-плавают, — вставил в рассказ Веня.

— Да, — сказал Иван Савельич. — Развернулись они.

Пошли обратно по тому же курсу. Точь-в-точь. Волнуются! Шутка ли, человек потерялся! Вся команда глядит за борт — в волны, по горизонту.

Час прошли они, другой. Нет человека! То акулий плавник мелькнёт, то плеснёт рыба. Дошли до ночной точки.

Проверили там. Никого!

И вдруг кто-то сверху как закричит:

«Вижу, вижу! Человек за бортом!»

Присмотрелись — действительно человек! А ведь восемь часов уже прошло!

Спустили шлюпку, подгребли к человеку — машинист! Лежит на воде и ждёт. Устал, конечно. Руки дрожат. Помогли ему взобраться на борт, потащили в медпункт. А он отмахивается:

«Не надо, — говорит. — Дайте закурить».

«Как же ты так? — спрашивают. — Почему к берегу не плыл?»

А он отмахнулся:

«А куда мне плыть? В мангры?»

«А не боялся? Тут акулы, там акулы!»

«Сперва боялся, — говорит. — А потом перестал. Какая польза от страха?»

«И никого, — спрашивают, — не было?»

«Были... Прошли японцы. Позвал — не слышат. Ещё кто-то проплыл; хотел крикнуть, голоса не стало. А что за мной вернётесь, верил. Потому и не уплывал никуда. Вы вернётесь, а меня нет. Волноваться будете...»

Вот случай так случай, — сказал Иван Савельич. — Почище любого змея. Человек в друзей верил! Вот как жить надо, чтоб в море никаких змеев не бояться!

— Да, — согласились все.

А Веня сказал:

— А змей в-всё р-равно был.

— Ну ладно, передай по вахте: если вдруг ещё выплывет,

пусть задержат, — сказал Иван Савельич и пошёл спать.

Но мы ещё долго вглядывались в смутную воду. Ведь сами видели, как уходила к манграм извилистая змеистая линия.

АКУЛЫ НА КРЮЧКЕ

В залив Кач мы вошли вечером. Ни огонька, ни деревца. И тишь стояла такая, что голос глох. Далеко забрались. Посмотришь на карту: справа — пустыня, сверху — Азия, снежные хребты Гиндукуша. А за ними наши пустыни. А там тайга, и только потом, далеко-далеко, Москва. Попробуй доберись!

За бортом шелестели вода и песок. Пробирались мы с осторожностью, как в лоции велено. Тут мель, там затонуло судно. А в полутора милях от затонувшего судна — наша стоянка.

Боцман бросил якорь в мутную воду, тихо сказал:

— Ну и жара. Хоть бы пальмочка где...

— А вон! — показал я на Валерия Иваныча.

«Чудеса ботаники» поливал у трюма ящики с цветами.

— И то верно, — улыбнулся боцман и подошёл к электромеханику.

Сел рядом на железную палубу, погладил железной ладонью зелёные хвостики в фанерном ящике и сказал:

— Хорошо. Пустыня, железо. А тут — на́ тебе — трава-мурава, чудеса ботаники!

И вдруг с кормы раздался весёлый крик и хохот:

— Ага! Я говорил!..

— И я говорил.

Все потянулись на корму. Там Фёдор Михайлович тянул леску, а на ней билась, растопырив жабры, большая, как сом, рыбина.

— Ну и рыбка! Вот теперь сварим ушицу! — приговаривал Ваня.

— Да ты уж наваришь, — сказал боцман.

— А что? — обиделся Ваня. — Я когда в армии служил, так самому генералу варил!..

Наступила ночь.

Всё притихло, погасло, и только откуда-то издалека пробивался к нам далёкий свет маяка.

С рассвета все, кто мог, бросились на корму. Лески переплетались, как паутина, вспыхивали от солнца, и рыбы шлёпались на палубу одна за другой. Я оттащил на камбуз уже два ведра — лески у меня не было — и бежал с третьим, как вдруг кто-то крикнул:

— Акула!

Один из электриков стал выбирать леску. На крючке, прозрачный от жира и солнца, дёргался молодой акулёнок и пытался схватить электрика за палец.

— Вот это улов, — оценил добычу начальник рации.

— Да выбрось ты его! — сказал Ваня. — На что он мне.

Но тут через борт перелез тонкий, чёрный индиец. Это подошли уже баржи с грузом и грузчиками. И на корму к нам торопился их повар. Он увидел акулу, протянул руки:

— Не надо выбрасывать! Дайте нам. Это очень вкусно!

Электрик стряхнул акулёнка, забросил леску и мгновенно вытащил ещё одного.

Повар достал тесак и стал с размаху рубить акулу на куски и бросать в котёл. И я тоже взял леску. Мне тоже хотелось поймать акулу.

ГОВОРИТ «МОСКВА-РАДИО»

Я насадил на крючок кусок рыбы, опустил его в воду и стал ждать. Но акула не дёргала.

— Насади мяса, — сказал артековец и накрошил ножом баранины.

Я продел крючок в кусок мяса, и алый комок быстро пошёл ко дну. Леска тут же натянулась, дёрнулась в глубине и поехала, разрезая воду.

На крючке отчаянно дёргалась тяжёлая серая рыбина. Я схватил её за жабры. Она выгнулась и больно ударила меня шипом.

— О палубу её, о палубу! — крикнул Коля.

Я шмякнул рыбину, выдернул крючок и снова метнул в воду.

Но клёв кончился. Рядом со мной пританцовывал индийский повар, тянул какую-то непонятную песню. От берега к нам шли баржи с мешками. Опять пахло кунжутом, пылью. На краю неба отражался пустынный песок.

Вдруг леску слегка повело.

— Э-эй! Внимание! — сказал Коля.

Леска ушла под корму. Я отвёл её от винта и стал тянуть.

— Дёргай! — крикнул Коля. — Дёргай!

Я потянул быстрее.

Но тут откуда-то сверху меня окликнул Митя. Я показал: «Тихо: акула».

Но Митя закричал ещё громче:

— Какая акула?! Скорей в рубку! Москва!

— Что? — переспросил я.

— Москва! — крикнул, волнуясь, Митя. — Москва!

Леска полетела в воду, и я со всех ног бросился в рубку.

Начальник рации поднял вверх палец и повернулся в кресле. Он снял наушники, передал мне и поднёс поближе микрофон. Я затаил дыхание и вжался в кресло.

В наушниках зашептало, зашелестело знакомое: «О мама миа!», раздался чей-то крик: «Вася, больше не пущу!»

И вдруг откуда-то донёсся голос:

— «Старый большевик», «Старый большевик», говорит

«Москва-радио», говорит «Москва-радио». Сейчас будете говорить. С кем будете говорить?

Я назвал фамилию, домашний телефон и испугался: а вдруг дома никого нет?! Вот так фокус будет! Но всё равно радостно: я слышу Москву! Голос из Москвы. Через пустыню, через хребты Гиндукуша. Кругом пески, волны, индийские акулы, а я говорю с Москвой.

СКОРО

Радио зашипело, я не выдержал и закричал:

— Алло! Алло!

— Спокойно, «Старый большевик», — сказала в Москве телефонистка. — Сейчас будете говорить. Говорите...

Я нажал на кнопку приёма, и в трубке тотчас раздалось:

— Алло, алло! Это кто? Папа?

— Конечно, я! Здравствуй!

— Как здоровье? — донеслось из Москвы.

— Здоров! Здоров!

— А что ты сейчас делаешь?

— Акулу ловлю! — крикнул я.

В Москве что-то грохнуло! Наверное, у сына из рук выпала трубка.

— Шутишь! — сказал сын.

— Какие там шуточки! — сказал я.

И в рубку донёсся голос артековца:

— Акула!

В это время в трубке затрещало. Разряд. Наверное, где-нибудь между нами — на Гиндукуше или в Сибири — ударила молния... А потом раздался уже тихий голос:

— Долго ты ещё?

— Так ведь ещё Австралия и Новая Зеландия! — сказал я.

— Ты и так уже полгода плаваешь. И командировка твоя кончилась. Да и судно на Зеландию, говорят, ушло...

— А как же кенгурёнок? — спросил я.

— Приезжай без кенгурёнка, — сказал сын. — Ладно?

— Ладно!

— Скоро?

— Скоро! — сказал я, а сам посмотрел в иллюминатор на пустыню, от которой тянулись баржи с мешками.

Вот загрузят нас через недельку или две, и тронемся в обратный путь. Через Индийский океан, мимо Индии и Цейлона, через Андаманское море и Малаккский пролив. Мимо Тайваня, мимо Филиппин, мимо Японии. А потом из Владивостока через всю Сибирь самолётом в Москву.

Скоро! Очень скоро!

ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНА БЫТЬ!

Ещё два месяца нас перебрасывало с волны на волну. То Индийский океан устраивал шумные пляски, валил с борта на борт, то во все флейты свистели ветры в Японском море. Наконец подошли мы к японским островам, остановились у вулкана. Сосенки с островов протянули навстречу нам ветви, пахну́ло зимой.

Открыл я иллюминатор, полетели в него снежинки. Подставил я ладони. Снежинки-то свои, родные, с севера! Сели на руку одна, другая. Даже в горле защипало. Здравствуйте, милые! Летят снежинки, тают, а всё равно на руки садятся, своего узнают! Впереди родина, Владивосток. Вот и конец плаванию!

Стал я складывать вещи, каюту чистить, хлам выбрасывать. Поднял было осколки от кокосовых орехов, пошёл к трапу. А Валерий Иванович, «Чудеса ботаники», остановил меня:

— Что выбрасываешь? Да ты лучше с собой возьми. Им

любой мальчишка обрадуется. Орех-то кокосовый, из Индии!

Положил я осколки в картонный ящик.

А тут заглядывает Иван Савельич.

— Пошли, — говорит, — за бечёвкой в артелку. Вещи увязывать.

Спустились в артелку по трапу, а там уже вся команда. Боцман отматывает бечеву — парусник и летучую рыбу упаковывать. Валерий Иванович, чтобы орехи связывать. Целую рощу домой увозит! Да и мне есть что увезти. Художнику — кисти, другу — монеты...

Вернулся я в каюту, открыл чемодан, а сверху — ещё чашка из Сан-Франциско, по которому мы всей командой ходили. Рядом лежит слон из Кочина. Стоят японские куклы — вон сколько проплыли!

А под ними маленькая книжица — пропуск в Диснейленд.

Уложил я всё, связал. И кружку, и слона, и кисти. Всё потихоньку вспомнил. Итак, получилось: и Индия, и Япония, и Америка — всё одной морской верёвочкой связано.

Только вот жаль, что Австралия и Новая Зеландия не увязались. А хотелось бы мне кенгурёнка покачать на ладони.

Но тут зашёл в каюту Веня, подбросил на ладони монету и протягивает мне.

— Б-бери, — говорит, — сыну отдашь! М-монета-то с к-кенг-гуру.

Положил я её рядом с сувенирами.

Стали мы подходить к Владивостоку; поднимаемся на цыпочки, в сопки вглядываемся, а навстречу идут суда. Мы — туда, а они — оттуда.

Смотрю я и думаю: «Куда это они? Может, в Австралию, может, в Японию?» Тут я, как пионеры в Бомбее, позавидовал: «А что, неплохо бы опять с ними в дальние страны!»

Подумал и рассмеялся: «А может, и ничего, что я пока не побывал ни в Австралии, ни в Новой Зеландии? Есть ещё куда плыть!»

Правильно сказал когда-то мне капитан: «У каждого впереди должна быть своя Новая Зеландия».

А что? Верно!

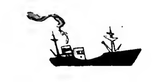
Обязательно должна быть.

Впереди.

1974—1975 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

Виталий Титович Коржиков

ВОЛНЫ СЛОВНО КЕНГУРУ

Повести

ИБ № 5732

Ответственный редактор *Л. И. Доукша.* Художественный редактор *И. Г. Найдёнова.* Технический редактор *И. П. Савенкова.* Корректоры *Г. В. Давыдова* и *Г. Ю. Жильцова.*
Сдано в набор 30.05.80. Подписано к печати 24.11.80. Формат 70×100 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 14,14. Тираж 100 000 экз. Заказ № 52. Цена 70 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

70 коп.

